

VOL. 1, №2.
TOM 1, №2.

orientalis

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Востоковедение

2019

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Периодичность 4 выпуска в год

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода выпуска в свет: 25. 11. 2019 г. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз. Заказ №____ Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства «Фэн» Академии наук РТ.

Вёрстка и допечатная подготовка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел./факс: (843) 292-49-14

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несет ответственности за содержание публикаций. Распространяется бесплатно.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Д.Е., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Р.М., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова А.Р. к-н ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Р.Р., к-н ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Ответственный секретарь: Балакин Д.А. (г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии: Зайнуллин Г.Г., д-р филол.наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сторожук А.Г. – доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Кобзев А.И. – доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Семенов А.В. – кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Репенкова М.М. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Усманова Л.Р. – PhD, кан. соц.наук (г. Москва, Россия)

Ко Ен Чоль – PhD, профессор (г. Казань, Россия)

Хабибуллина Э.К. – к.филол.н. (г. Казань, Россия)

Норихиро Наганава – (г. Саппоро, Япония)

Ким Джин Енг – (Республика Корея)

Чон Хенджу – (Республика Корея)

Ташансу Тюркер – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Экрем Калан – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Фан Куог Ань – PhD (культурология), профессор (г. Хошимин, Вьетнам)

Ян Кэ – PhD (филология), профессор (г. Гуаньчжоу, КНР)

Кан Чэн – PhD (филология), профессор (г. Гуаньчжоу, КНР)

Founder: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications

Certificate of registration ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Frequency 4 volumes per year

Distribution area: Russian Federation, foreign countries

Publisher: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Publisher's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Prospekt Pobedy 226a, 420088

Editorial office's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Martyna Mezhlauka st., 3, of 117, phone +7(843) 22 133 21, 420008

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is published and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI)

Release date of publication: 25. 11. 2019. Offset paper. Digital printing. The format is 70x108 1/16. Circulation: 500 copies. Order №____ Printed from the layout possessed by "Fen" Publishing House of the Academy of Sciences RT.

Printing address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Baumana st., 20, 420111

Phone/Fax: (843) 292-49-14

Reprinting of journal's contents is allowed only with the written permission of the Editorial Board. Editorial Board is not responsible for the content of publications. Distributed free of charge.

EDITORIAL AND PUBLISHING BOARD:

Editorial director: Martynov D.E., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Science editor: Valeev R.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Chief editor: Alikberova A.R., Candidate of Historical Studies, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Release editor: Mukhametzyanov R.R. Candidate of Historical Sciences, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Executive secretary: Balakin D.A. (Kazan, Russia)

Chairman of the editorial board: Zaynullin G.G., Doctor of Philology, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

EDITORIAL BOARD:

Storozhuk A.G. – Doctor of Philology, Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Kobzev A.I. – Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)

Semenov A.V. – Candidate of Historical Sciences, Docent (Moscow, Russia)

Repenkova M.M. – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Usmanova L.R. – PhD, Candidate of Sociology (Moscow, Russia)

Ko Young Cheol – PhD, Professor (Kazan, Russia)

Khabibullina E.K. – Candidat of Philological Studies, Docent (Kazan, Russia)

Norihiro Naganawa – (Sapporo, Japan)

Kim Jin Young – (the Republic of Korea)

Chun Hyunju – (the Republic of Korea)

Tashansu Turker – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Ekrem Kalan – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Phan Quang Anh – PhD (cultural science), Professor (Ho Chi Minh, Vietnam)

Yang Ke – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

Kang Cheng – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Носирова С.А. СЕМАСИОЛОГИЯ КИТАЙСКОГО ТЕРМИНА 软实力 И ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ – 4

Нуриева Л.Ф., Ибрагимова Д. Р. ЦЕНЗУРА И СПОСОБЫ ЕЁ «ОБХОДА» В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ – 11

Абдуллаев С.Н. МОДАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ – 18

Осокин А.В., Брылёва Н.А. ПРЕДМЕТНАЯ СИМВОЛИКА В РОМАНЕ ЦАО СЮЭ-ЦИНЯ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» – 34

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ

Трубникова Н. Н. ОБРЯД ПОЧИТАНИЯ БОДХИСАТТВЫ КАННОН В ЯПОНИИ НАЧАЛА XIII В.: ВЕРСИЯ ГЭДАЦУБО ДЗЁКЭЯ – 40

Лестев А.Е. СТАТЬЯ БОННЕРА Ф. ФЕЛЛЕРСА «HIROHITO'S STRUGGLE TO SURRENDER» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗИЦИИ РУКОВОДСТВА США В ОТНОШЕНИИ ИМПЕРАТОРА ЯПОНИИ ХИРОХИТО – 56

Карамова Ю.Ю., Аликберова А.Р. ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ РАЗВИТИЯ КОРЕЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ В XIX В. – 68

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ибатуллина Д.Г. ОТКРЫТИЕ ТОРГОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ТАТАРСТАНА В ЯПОНИИ – 72

Магдеев Р.Р., Халиуллина А. А. ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И РОССИЕЙ, ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ – 78

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Хан Кан, Ян Цзюнь КРАТКИЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНОСТЕЙ В ЧТЕНИИ ИЕРОГЛИФОВ «LIAO» И «XING» – 84

Чжан Шуян, Гун Юаньхуа ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОЖНОГО УКАЗАТЕЛЬНОГО СЛОВА «其» В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ – НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ «КРАСОТА СКРОМНОЙ ДЕВУШКИ» – 93

Чэнь Инцин, Ян Хуа СОПОСТАВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И РОССИИ – 100

РЕЦЕНЗИИ

Мартынов Д.Е. РЕЦЕНЗИЯ: INTERCULTURAL MASQUERADE: NEW ORIENTALISM, NEW OCCIDENTALISM, OLD EXOTICISM / ED. BY REGIS MACHART; FRED DERVIN; MINGHUI GAO. – HEIDELBERG, N.Y., DORDRECHT, L.: SPRINGER-VERLAG BERLIN HEIDELBERG, HIGHER EDUCATION PRESS, 2016. – 108

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Аликберова А. А., Мухаметзянов Р.Р., Хабибуллина Э.К. XII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ – КИТАЙ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА» – 116

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Nosirova S.A. SEMASIOLOGY OF THE CHINESE TERM 软实力 AND THE DISCOURSE ANALYSIS OF THE CHINESE "SOFT POWER" – 4

Nurieva L.F., Ibragimova D.R. CENSORSHIP AND WAYS OF "BYPASSING" IT IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA'S MODERN PRESS – 11

Abdullaev S.N. MODALITY IN THE MODERN UIGHUR LANGUAGE – 18

Osokin A.V., Bryleva N.A. SYMBOLISM OF THINGS IN CAO XUEQIN'S NOVEL «A DREAM OF RED MANSIONS» – 34

PHILOSOPHY AND CULTURE, HISTORY

Trubnikova N.N. THE RITUAL OF BODHISATVA KANNON WORSHIP IN JAPAN AT THE BEGINNING OF THE 13TH CENTURY: GEDATSUBO JOKEI THREE-PART VERSION – 40

Lestev A.E. BONNER F. FELLERS 'ARTICLE "HIROHITO'S STRUGGLE TO SURRENDER" AS A SOURCE FOR STUDYING THE US POSITION REGARDING THE EMPEROR OF JAPAN HIROHITO – 56

Karamova U.U., Alikberova A.A. THE MAIN CENTERS OF KOREAN STUDIES IN RUSSIA IN THE XIX CENTURY – 68

POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Ibatullina D.G. THE OPENING OF TATARSTAN TRADE REPRESENTATIVE OFFICE IN JAPAN – 72

Magdeev R.R., Khaliullina A.A. DYNAMICS OF ECONOMIC RELATIONS BETWEEN JAPAN AND RUSSIA, BASIC MOTIVES – 78

YOUNG SCIENTISTS

韩康, 杨军. 安徽大学. 以“椽”、“興”的讀音問題為例 – 84

张舒扬, 龚元华. 安徽大学. 上古汉语中“其”的复指语用从“静女其姝”之“其”说开来 – 93

陈颖青, 杨华. 安徽大学. 中俄地名变更在社会变革中的特点对比 – 100

REVIEW

Martynov D.E. REVIEW: INTERCULTURAL MASQUERADE: NEW ORIENTALISM, NEW OCCIDENTALISM, OLD EXOTICISM / ED. BY REGIS MACHART; FRED DERVIN; MINGHUI GAO. – HEIDELBERG, N.Y., DORDRECHT, L.: SPRINGER-VERLAG BERLIN HEIDELBERG, HIGHER EDUCATION PRESS, 2016. – 108

SCIENTIFIC CHRONICLE

Alikberova A. R., Mukhametzyanov R. R., Khabibullina E. K. THE XII INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE "RUSSIA-CHINA: HISTORY AND CULTURE" – 116

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сегодня Вы держите в руках второй номер журнала «СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES». Мы считаем, что стоит поздравить читателей, авторов и создателей нашего журнала – мы продемонстрировали наши намерения на долгую и плодотворную работу. Появление данного журнала, как академического пространства для обмена опытом и мнениями по современным и актуальным вопросам современного востоковедения давно назрело. Тому подтверждение и количество статей, которые поступают в адрес редакции, и интерес читателей. Появление в ближайшее время электронной версии журнала, сделает его более доступным.

В октябре 2019 года в рамках международной научно-практической конференции «Россия-Китай: история и культура» и «Открытого Диалога» прошла презентация первого номера, который был посвящен китайской тематике и приурочен к двойной дате – 70-летию провозглашения КНР и 70-летию установления дипломатических отношений КНР и Россией. Наш второй номер, хотя и имеет целый ряд статей, связанных с актуальными научными

вопросами китаеведения, но уже демонстрирует гораздо больший охват ключевых проблем в области востоковедения. Несмотря на то, что редакционная политика и ориентирует нас на презентацию широкого круга направлений, но в дальнейшем, мы сохраним, традицию посвящать номера нашего журнала ключевым событиям и процессам на Востоке.

Публикуемые в очередном выпуске «Современные востоковедческие исследования» научные статьи предлагают разные подходы, зачастую, возможно, спорные, но редколлегия журнала намеренно оставила за авторами право на свою позицию, так как зачастую это повод для научной дискуссии, к которой наш журнал открыт и готов. Но вместе с тем, мы должны напомнить, что члены редколлегии придерживаются строгих правил научности и следят за тем, чтобы представленные материалы касались широкого спектра проблем регионов Дальнего, Среднего и Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии.

Если в первом номере мы писали: «что «Свет приходит с Востока» (Ex oriente lux) и мы – современники – понимаем это как нельзя лучше», то сейчас нам хочется сказать, что это свет знаний, который мы должны сохранить и приумножить.

С уважением, выпускающий редактор журнала «Современные востоковедческие исследования»

*Мухаметзянов Р.Р., к.ист.н.,
доцент кафедры алтаистики и китаеведения
Института международных отношений КФУ*

СЕМАСИОЛОГИЯ КИТАЙСКОГО ТЕРМИНА 软实力 И ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ

SEMASIOLOGY OF THE CHINESE TERM 软实力 AND THE DISCOURSE ANALYSIS OF THE CHINESE “SOFT POWER”

Носирова Саодат Абдуллаевна,
кандидат филологических наук, доцент
Ташкентский государственный
институт востоковедения
saodat888@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В представленной статье дается подробный семасиологический анализ термина «мягкая сила» на китайском языке, его значения и формы употребления в устной речи и письменных текстах. Особое внимание уделяется дискурсивному исследованию «мягкой силы» Китая. Работа может быть полезна как филологам, так и регионоведам и международникам, занимающимся современным Китаем. Материалы могут быть использованы при дальнейшем исследовании данной проблематики.

Ключевые слова и фразы: мягкая сила, образование, политика, культурная дипломатия, концепция, стратегия.

Для цитирования: Носирова С.А. Семасиология китайского термина 软实力 и дискурсивный анализ «мягкой силы» Китая. *Современные востоковедческие исследования*. 2019; 1(2): 4-10

ABSTRACT

The present article provides a detailed semasiological analysis of the term “soft power” in Chinese, its meanings and forms of use in oral speech and written texts. Particular attention is paid to the discursive study of China’s “soft power”. The work can be useful to both philologists, regional scholars and specialists of international relations involved in Modern China study. Materials can be used in further research on this issue.

Key words and phrases: soft power, education, politics, cultural diplomacy, concept, strategy.

For citation: Nosirova S.A. Semasiology of the Chinese term 软实力 and the discourse analysis of the Chinese “Soft Power. *Modern Oriental Studies*. 2019; 1(2): 4-10

Взаимовлияние и взаимопроникновение разных культур является ключевым трендом глобализации. Разные народы и разные страны всегда стремились продемонстрировать неповторимость своей национальной культуры, в том числе искусства, литературы, музыки, традиций.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на выступление Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева на церемонии открытия международного форума искусства макома в г. Шахрисабз 6 сентября 2018г. «Мы, – заявил Президент, – по праву гордимся тем, что достойный вклад в развитие искусства макома, в истоках которого лежат классическая литература, изобразительное искусство, древние научные знания Востока, исламские ценности, внес и узбекский народ. Сохранить это уникальное духовное наследие, приобщить к нему широкую зарубежную общественность, передать в первоизданном виде новым поколениям – главная цель нашего форума, собравшего представителей разных народов, стран и континентов». Просим обратить внимание на установку «... приобщить к нему (макому) широкую зарубежную общественность».

В своей научной статье автором в числе актуальных общественно - политические терминов (далее ОПТ) современного китайского языка (далее КЯ) был рассмотрен термин 全球化 – «Go to Global» – «глобализация», который раскрывает суть внешнеполитического курса, провозглашенного Председателем КНР Цзян Цзэминь в г.2001. Предметом настоящего семасиологического анализа являются термины – 软实力 «мягкая сила» и один из ее инструментов 文化外交 «культурная дипломатия».

В семантическом отношении 软实力 «мягкая сила» (далее МС) (soft power) – это одна из форм внешнеполитической концепции, предполагающая достижение желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, безо всякого рода принуждения или подкупа.

Soft: варианты перевода

(имя прилагательное):

Мягкий	<i>soft, mild, gentle, benign, bland, tender</i>
Нежный:	<i>tender, gentle, delicate, affectionate, soft, sweet</i>
Тихий:	<i>quiet, silent, soft, low, calm, tranquil</i>
Легкий:	<i>easy, light, lightweight, slight, mild, soft</i>
Слабый:	<i>weak, weakly, low, feeble, faint, soft</i>
Гибкий:	<i>flexible, supple, versatile, elastic, pliable, soft</i>
Приятный:	<i>pleasant, enjoyable, nice, agreeable, pleasing, soft</i>
Рыхлый:	<i>loose, friable, lax, soft, crumbly, doughy</i>
Ласковый:	<i>gentle, tender, sweet, soft, bland</i>

Примеры: soft drinks, soft copy, soft tissue, soft touch, soft spot, soft skill, soft music, soft palate, soft skills, soft-hearted, soft margarine.

Power: варианты перевода

(имя существительное):

<i>Власть:</i>	<i>power, authority, rule, control, grip, dominion</i>
<i>Мощность:</i>	<i>power, capacity, output, energy, duty, width</i>
<i>Сила:</i>	<i>force, power, strength, intensity, might, energy</i>
<i>Мощь:</i>	<i>power, might, capacity, vis</i>
<i>Энергия:</i>	<i>energy, power, vigor, vitality, intensity, might</i>
<i>Способность:</i>	<i>ability, capacity, power, capability, faculty, aptitude</i>
<i>Держава:</i>	<i>power, orb, globe, mound</i>
<i>Степень:</i>	<i>power, degree, extent, rate, stage, grade</i>
<i>Могущество:</i>	<i>power, might, potency, puissance, potence</i>
<i>Влияние:</i>	<i>influence, impact, effect, power, sway, action</i>

Power supply, power of attorney, power plant, power point, power station, power up, flow-er power, solar power, power off, power steering, the ability to do something or act in a particular way, especially as a faculty or quality. The power of speech.

Синонимы: ability, capacity, capability, potential, faculty, competence the capacity or ability to direct or influence the behavior of others or the course of events. The idea that men should have power over women.

Перевод термина soft power осуществлен на китайский язык посредством словосложения 软guǎn мягкий, нежный+实shí力 lì сила.

Автор термина soft power профессор Гарварда Джозеф Най, указал, что язык и культура играют ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую, или косвенно, на мировую политику и деловые связи. «МС» означает свободный обмен идеями, информацией, искусством и другими аспектами культуры между народами в целях содействия взаимопониманию». Термин 文化外交 «культурная дипломатия» часто рассматривается как отрасль общественной дипломатии, охватывающая целый ряд инструментов, таких как искусство, литература, образование, язык, традиционная медицина, архитектура, дизайн, этнография, спорт, религия и др. «Культурная дипломатия, отмечал М.Каммингсон - есть обмен идеями, информацией, ценностями, системами, традициями, убеждениями и другими аспектами культуры с целью содействия взаимопониманию».

Идея использовать «软实力» для установления власти восходит к древнекитайским философам, таким как Лао - цзы (VII век до н. э.). Ему принадлежит высказывание: «В мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет».

Успехи Китая в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества ученые связывают с претворением в жизнь концепции «МС». Главной целью концепции «МС» является достижение правильного восприятия мировым сообществом национальных идеалов КНР. Что касается форм «КД», то она диверсифицирована и включает:

- искусство (например, фильмы, танцы, музыка, живопись, скульптура и т. д.);
- международные выставки и ярмарки;
- образовательные программы;
- международный обмен в сфере научных и прикладных исследований;
- совместные образовательные исследования, постановки и т.д.;
- создание библиотек за рубежом;
- перевод на иностранные языки популярных национальных произведений;
- трансляция в СМИ новостей и культурных программ;
- межрелигиозный, межконфессиональный, межэтнический диалог и др.

«МС» занимает важное место во внешнеполитическом курсе КНР. 15 октября 2007г. на XVII Национальном конгрессе КПК, Председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул необходимость поощрения привлекательности китайской культуры как способа усиления «мягкой силы». Он призвал «ощутимо повышать удельный вес культурной индустрии в национальной экономике, заметно усиливать ее международную конкурентоспособность, больше разнообразить культурную продукцию, отвечающую запросам народа. Усиливать культурный обмен с зарубежьем, заимствовать выдающиеся достижения всех цивилизаций мира, повышать международное влияние китайской культуры». В октябре 2011 г. было принято «Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах углубления реформы культурной системы, содействия развитию и процветанию социалистической куль-

туры». В нем говорилось о растущем значении «мягкой силы» в соперничестве между странами, а также о необходимости «осуществлять стратегию выхода культуры вовне, повышать международное влияние китайской культуры, демонстрировать миру новый образ реформ и открытости Китая».

31 декабря 2012г. было создано «Агентство государственной дипломатии Китая», которое стало компетентным органом по продвижению уникальной культуры Китая и различных платформ для международного культурного обмена. Агентство проводить широкомасштабную деятельность, в том числе организация выставок, фестивалей, производство фильмов, религиозных, этнических, экологических форумов, международных спортивных соревнований.

В числе достижений Китая в этой области можно назвать успешное проведение Буддийского форума в Ханчжоу (2006), Олимпийских Игр в Пекине (2008), Всемирной выставки в Шанхае (2010), Год китайской культуры в зарубежных странах, масштабных культурных и спортивных мероприятий в рамках ШОС, развитие таких брендов как «Huawei», «Alibaba», «Lenovo», «TCL» и др.

Концепция «мягкой силы» осуществляется по следующим основным направлениям:

1. Проведение политики безопасности, направленной на предотвращение обострения международной обстановки. Китай стремится дистанцироваться от любых военных конфликтов, если они не затрагивают напрямую его территориальные интересы.

2. Оказание помощи в экономической и социальной области, в сфере здравоохранения, образования и гуманитарного сотрудничества.

3. Осуществление мероприятий культурного характера. Эти мероприятия направлены на то, чтобы продемонстрировать достижения страны в сфере экономики и культуры, стимулировать повышение уровня международного признания и статуса.

В этих целях, начиная со второй половины 90-х годов прошлого века выпускается白皮书 «Белая книга». Эта акция призвана сделать политику Китая более транспарентной для англоязычных зрителей. Тематика «Белой книги» охватывает широкий круг тем, включая энергетическую политику, изменение климата, права человека, верховенство закона, внешнюю торговлю, национальную оборону, контроль над вооружениями и разоружение, космическую деятельность и иностранную помощь и т.д.

С 2004г. начато учреждение в зарубежных странах институтов китайского языка. К концу 2018г. общее число Институтов и классов Конфуция в 146 странах и регионах мира более чем в 4 раза превысило количество институтов Гете и на порядок - институтов Сервантеса. По состоянию на 1 декабря 2017г. в них обучалось около 9,4 млн. человек. «За последние десятилетие, сказала Вице-премьер Госсовета КНР Лю Яньдун, мы направили 100000 китайских директоров, учителей и волонтеров; вырастили и обучили 300000 местных преподавателей; совместно разработали 9300 томов учебных материалов и книг для чтения; непрерывно расширяли использование современных средств обучения, таких как Интернет; более 30 млн. человек проходили различные тесты на знание китайского языка. Растет число иностранных студентов, обучающихся в университетах Китая. Так, в 2016г. общая численность казахстанских студентов в КНР составила 13200, что почти в 3,5 раза больше чем в 2007г.

Численность кыргызских студентов в Китае к этому периоду составила 10 тыс. человек.

На вопрос, «Являются ли институты Конфуция успешными в продвижении китайской мягкой силы?», профессор Вашингтонского университета D. Shambaugh сказал следующее: «В американских и европейских академических кругах много различные мнений об этих институтах в плане определения того, противоречат ли они ценностям свободы, свободе преподавания, свободе мысли или являются они своего рода инструментом китайской пропаганды. Содержание их курсов – это чисто язык, культура, кулинария, фильм». «В целом, я считаю, – заявил D. Shambaugh, – что эти институты довольно доброкачественны». По словам и профессора Гарварда Joseph S. Муе институты Конфуция могут быть хорошей вещью с китайской точки зрения, но также с точки зрения других стран в плане более глубокое понимание китайской культуры. Это хорошо».

Несомненными преимуществами Китая в сфере «МС» являются искусство, достижения в Олимпийских Играх, сравнимые с достижениями США, туризм и др. Так, Китай (53 объекта) занимает второе, (после Италии – 54 объекта) место в мире по количеству объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Китай занимает четвертое место в мире как туристическое направление, после Франции, США и Испании. В 2013 году более 55 млн. в туристов посетили Китай. Если учитывать, что туристы из Гонконга, Макао и Тайваня составляют примерно 80%, то число туристов составляет примерно 26 млн. За последние десять лет основными поставщиками иностранных туристов в КНР были Республика Корея (4,5 млн. человек, ежегодно), Япония – 2,5 млн. человек, США – 2,1 млн. человек, Вьетнам – 1,7 млн. человек,

Россия – 1,6 млн. человек, Малайзия, 1,1 млн. человек (все ежегодно).

Китай занимает второе место в мире по доле туризма в ВВП (943,1 млрд. долл. в 2014 году (9,3%) и первым в мире по доле туризма в сфере занятости (66, 1 млн. рабочих мест в 2014 году). Ежегодно Китай инвестирует около 130 млрд. долл. в туристическую инфраструктуру. По оценкам, Китай планирует увеличить к 2025г. инвестиции в отечественную туристическую инфраструктуру и туристическую промышленность примерно на 90% против 2015 года.

Таким образом, «КД», образовательный, социальный, экономический, цифровой, туристический и другие виды ресурсов рассматриваются как базовые факторы успешной реализации «МС». Ключевая проблема состоит в том, что сумеет ли Китай адаптировать формы и методы «МС» к новым реалиям. Во-вторых, готова ли КНР проводить в этой сфере гибкую и избирательную политику.

Анализируя стратегию «МС» - «Go to Global» профессор Пекинского университета Zhang Yiwu отмечает, что она служит целям распространения в мире китайской культуры, повышению привлекательности и росту международного имиджа страны. Однако, по его мнению «МС» на основе культурных традиций и культурных ценностей китайской нации не может быть успешно воспринята в развитых государствах, таких как США, ЕС, Республика Корея и в целом, на международной арене. При осуществлении «МС», считает ученый, нереально рассчитывать на скорый успех. Это указывает на то, что Пекин должен проявлять гибкость и ориентироваться на долгосрочную конкуренцию с развитыми государствами в этой сфере.

На самом деле, по данным Дж. Макклори в 2015-2018 гг. Китай в рейтинге «МС» не поднимался выше 27 места среди 30 топ государств. Передовые позиций за указанный период занимали, соответственно, Великобритания, Франция, Германия, США и Япония. В шести ключевых сферах, определяющих рейтинг «МС», в том числе, индустрия, ИКТ (цифровая масс-медиа), государственное управление, образование, культура, среди 10 топ государств Азии, Китая занимал в 2018г. лишь 9 место по двум последним индикаторам. По другим индикаторам, в том числе, по таким ресурсам (в расчете на душу населения) как экономические, волонтерско - добровольческие, инициативные, гуманитарные, познавательные, социально-сетевые, Китай отстает от ведущих государств. По базовым индексам «МС», таким как, состояние образовательного рынка, доверие международного сообщества к стране и его лидерству, международное сотрудничество в области культуры, влияние национальной культуры и СМИ на зарубежные страны, помощь иностранным странам в создании и развитии инфраструктуры, репутация нации в глазах всего мира и т.п. еще предстоит преодолеть большой разрыв.

Успех США и Республик Корея в реализации «МС», эксперты связывают их приверженностью современным культурным трендам (поп, ТВ ШОУ, фильмы, индустрия культуры, ресторанный бизнес и пр.), прежде всего, в среде молодежи и средне-зажиточной части населения. Именно в этих сферах китайская «МС» пока не выдерживает международную конкуренцию. Китай не входит в ТОП-20 и по таким индексам как «доля в мировом производстве люкс и суперлюкс товаров, высокотехнологической и инновационной продукции, условия проживания в стране, национальная кухня.

К примеру, за последние 27 лет в Ташкенте, крупнейшем в Центральной Азии мегаполисе, открылось всего 10 китайских ресторанов: «Tianjin», «China town», «Yungnuo», «Harbin», «Dong Fang», «Китай», «Поднебесная» и др.

Достижение успеха в проведении «МС», считают китайские ученые, представляется более вероятным там, где большая часть населения уже наработала привычку к товарам китайского производства. Однако и в этих регионах рано говорить о заметном продвижении китайской «МС». Так, по оценкам А. Шустова эффективность китайской «мягкой силы» в Центральной Азии ограничена из-за негативных стереотипов, сформировавшихся как в советский, так и в постсоветский период, централизованного характера руководства культурной политикой, отсутствия универсальных культурных ценностей и определенной гибкости, характерной для западных инструментов, типа НПО. Таким образом, даже в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, уже адаптированных китайским товарам, Пекин должен рассчитывать на долгосрочную конкуренцию в сфере реализации концепции «МС».

ЛИТЕРАТУРА

1. Носирова С. Общественно-политическая терминология современного китайского языка: контент, анализ и проблемы перевода // Востокведение. ТашГИВ, №.2, 2018 г.- С.20.
2. Цзян Цзэминь. Высоко нести великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества// Избранные речи. Пекин.: «Издательство литературы на иностранных языках. 2003.
3. Ху Цзиньтао. Доклад на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 15 октября 2007 года. Избранные труды. Издательство литературы на иностранных языках. Пекин.:2013г.
4. D. Nay. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. 1990., Soft Power: The Means to Success in World Politics. 2004.
5. Is China's soft power strategy working? China Power [Электронный ресурс]// URL: <https://chinapower.csis.org/is-chinas-soft-power-strategy-working/> (проверено 01.09.2019).
6. Jonathan Mcclory. The Soft Power 30. A Global Ranking of SP 2018.Portland PR LtD. 180 p.
7. Liang Xu. Культурная дипломатия и социальный капитал в Китае. Пекин.: 2016., Издательство литературы на иностранном языке. 235с.
8. Waller, M. J., 2009. Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy. In: Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare. Washington DC: Institute of World Politics Press, p. 74.
9. Zhang Yiwu. China goes Global: Why China's Global Cultural strategy needs flexibility// The Soft Power 30. P.70-72.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nosirova Saodat Abdullaevna

PhD in Philological Sciences, Associate Professor
Tashkent State Institute of Oriental Studies
saodat888@mail.ru

Принята к публикации: 10.10.2019 г.

ЦЕНЗУРА И СПОСОБЫ ЕЁ «ОБХОДА» В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
CENSORSHIP AND WAYS OF “BYPASSING” IT IN THE PEOPLE’S
REPUBLIC OF CHINA’S MODERN PRESS

*Нуриева Лилия Фаритовна
Ибрагимова Диана Радиковна*

*Казанский федеральный университет, Институт международных отношений
nurievaliliya@inbox.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены способы обхода цензуры в современной прессе Китайской Народной Республики. В ходе работы авторами была показана история развития прессы в Китае и установлена её роль в государственной политике. Была проанализирована история цензуры в Китае, а также показана её специфика в современном мире. На основе проведенных исследований были выявлены способы обхода цензуры в современной прессе КНР и показаны особенности их создания и дальнейшего использования. Было проанализировано использование данных способов обхода цензуры в Китае на примерах статей, новостных сообщений и публикаций. Анализ способов обхода цензуры и их применение на практике дал возможность увидеть, как журналисты, авторы статей и различных публикаций в Китае пользуются особенностями китайского языка и могут создавать различного рода шифровки, опираться на эвфемизмы и употреблять в текстах омофоны для того, чтобы выразить в прессе честные мысли, которые не всегда могут быть благоприятны для государства или общества. Исследование также показывает, что при использовании в новостных сообщениях или публикациях данных способов обхода цензуры авторы действительно не попадают под цензуру и имеют таким образом возможность донести в массы актуальную информацию без пропаганды государственной политики.

Ключевые слова и фразы: цензура, пресса, обход цензуры, КНР, омофон, эвфемизм, шифровка.

Для цитирования: Нуриева Л.Ф., Ибрагимова Д.Р. Цензура и способы её «обхода» в современной прессе Китайской Народной Республики. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(2): 11-17

ABSTRACT

This article discusses ways to bypass censorship in the modern press of the People's Republic of China. During the work, the authors showed the history of the development of the press in China and its role in government's policy. The history of censorship in China was analyzed, and its specificity in the modern world was also shown. Based on the studies, ways to bypass censorship in the modern PRC press were identified and the features of their creation and further use are shown. The use of these ways of bypassing censorship in China was analyzed through showing examples of articles, news reports and publications. An analysis of how to bypass censorship in practice made it possible to see how journalists, authors of articles and various publications in China use the features of the Chinese language and can create various types of encryption, rely on euphemisms and use homophones in texts in order to express honest thoughts in press that may not always be favorable to the state or society. The study also shows that when using methods of bypassing censorship in news reports or publications, the authors, in fact, do not fall under censorship and thus have the opportunity to bring relevant information to the masses without promoting public policy.

Keywords and phrases: censorship, press, censorship bypass, PRC, homophone, euphemism, encryption

For citation: Nurieva L.F., Ibragimova D.R. Censorship and ways of “bypassing” it in the People’s Republic of China’s modern press. Modern Oriental Studies. 2019; 1(2): 11-17

В современном мире пресса является одним из важнейших и наиболее популярных способов получения информации о событиях, фактах и новостях для миллионов людей во всем мире. Несмотря на то, что многие страны выступают в поддержку свободы слова и для многих возможность открыто высказывать свое мнение является неотъемлемой частью повседневной жизни, многие издания не имеют возможности правдиво и открыто писать обо всем, что происходит вокруг ввиду запретов на определенные темы. Китайская Народная Республика известна своей жесткой цензурой в СМИ, Интернете и других сферах жизни общества.

Неотъемлемый ресурс КНР в сфере информационной политики – централизованный государственный контроль над печатной и электронной прессой, благодаря чему и обеспечивается концентрация «пропагандистских ресурсов на приоритетных направлениях внешней политики» путем манипулирования информационными потоками [Ханьянцзы, 2014, С. 65]. В Китае также постоянно совершенствуется законодательная база деятельности СМИ. Имеются акты, регулирующие исполнение конституционного права граждан на свободу печати, реализация данного права идет наряду с запретом на публикацию материалов, наносящих вред КНР. Кроме того, в национальном законодательстве есть статьи идеологического характера, пресекающие публикацию материалов, не соответствующих базовым принципам Конституции государства: приверженность социалистическому пути и руководящей роли КПК, защита национальных интересов, территориальная целостность.

Несмотря на тщательный контроль со стороны цензоров, журналисты и обычные пользователи сети, желающие писать свободно

на любые темы без угрозы блокировки или преследования, всегда пытаются найти новые способы обхода цензуры для возможности предоставить правдивую информацию или поделиться ей.

Основополагающим методом исследования является сравнительно-исторический метод. Этот метод позволил осветить становление и тенденцию развития китайской прессы и цензуры, выявить взаимосвязь между политической обстановкой в Китае и последующими ограничениями в деятельности средств массовой информации.

Следующий метод исследования – описательный. Применение данного метода позволило выявить единицы языка, в частности, эвфемизмы, омофоны и шифровки, исследовать их количественные свойства, а также их относительную частоту появления в современной прессе КНР в условиях цензуры, которая контролирует каждое опубликованное или изданное слово.

Метод системного подхода в изучении темы позволяет рассмотреть основные составляющие способов обхода цензуры и их взаимодействие в тексте и словосочетаниях. Все основные приемы обхода тотального контроля над общественно-политическими текстами существуют не обособленно, а во взаимодействии с другими единицами языка.

Благодаря методу обобщения возможно установить общие свойства и признаки отдельных способов обхода цензуры и объединить их в три основные группы – омофоны, эвфемизмы и шифровки.

В работе использованы источники на китайском языке, благодаря которым удалось проанализировать обход цензуры в прессе КНР.

К ним относится указ 2017 г. агентства Синьхуа, обращенный к средствам массовой информации, который является официальным документом, определяющим развитие и в некоей степени уровень свободы слова всех издательств, газет, журналов, а также публикаций в Интернет-пространстве.

Статьи и публикации на китайском языке позволили наглядно проследить употребление способов обхода цензуры в изданиях китайской прессы, а также проанализировать частоту их использования как в печатных, так и электронных публикациях. Газеты «Beijing news», «Southern Metropolis Daily», портал Weibo, а также официальные веб-страницы газет Hebei News, Liaoning Daily и Hainan Daily содержат большое количество статей, общественно-политических текстов и новостных сообщений, в которых используются общепринятые и оригинальные способы обхода цензуры.

Особое внимание стоит уделить глоссарию политического сленга, который был составлен редакцией новостного веб-сайта China Digital Times. В этом сборнике собрано большое количество способов обхода цензуры, их этимологий и значений, что значительно помогло при работе над данной статьей и позволило лучше понять механизм работы по созданию шифровок или других слов, с помощью которых получится обойти надзор в сфере публикаций общественно-политических текстов.

Некоторые свойства китайского языка позволяют легко составлять слова, которые звучат почти идентично другим, но имеют разные значения. Так, одним из способов обхода цензуры является использование омофонов – слов, которые совпадают по звучанию, но имеют разные значения.

Один из многих инцидентов, связанный с цензурой, произошел с газетой «Еженедельник с юга» («南方周末») в 2013 г. Статью «Мечта о Китае, мечта о конституционализме» («中国梦, 宪政梦»), которая призывала к активизации прав человека в Китае и ликвидации злоупотребления властью, цензоры изменили без предварительного информирования редакторов издания.

Опубликованная версия называлась «Мы сейчас ближе к своей мечте, чем когда-либо прежде» («我们比任何时候都更接近梦想») и сопровождалась восхвалением Коммунистической партии. То, что вызывает особый интерес – статья, опубликованная 9 января 2013 г. газетой «Новости столицы» под названием «Каша с юга» («南京的粥»). На первый взгляд может показаться, что между резонансной статьей про политический режим и статьей о кашах не может быть ничего общего. Однако, в названии статьи присутствует омофон, поскольку слова «粥» (zhōu) и «周» (zhōu) произносятся одинаково, из чего следует, что название статьи про каши можно понимать, как «Еженедельник с юга».

Сама статья подкрепляет идеи о том, что здесь речь идет совсем не о кашах, а о политической ситуации в стране. Автор говорит, что у каши с юга храброе сердце, и в этом утомительном мире только эта каша и ее тепло не должны быть унижены. Это одно из ярких использований омофонов в заголовке для выражения протеста или мнения, неподдерживаемого правительством, с помощью которых публикация может пойти в печать или быть выложенной в Интернете.

Другая возможность избежать удаления статьи или текста цензорами – использование шифровок. Определенные существующие слова

приобретают дополнительный смысл, который не используется повсеместно всем населением, а может быть понятен определенной группе людей, например, активным пользователям социальных сетей.

Так, резонанс вызвало издание таблоида Southern Metropolis Daily за 20 февраля 2016 г. Причиной скандала стали два заголовка, находившиеся рядом друг с другом.

Первый заголовок, который занимает большую часть первой полосы, посвящен встрече председателя КНР Си Цзиньпина с представителями СМИ и имеет перевод: «Партийные и правительственные СМИ являются пропагандистскими фронтами и должны называться партия» (рис. 1). Под ним был размещен другой заголовок, посвященный морскому погребению реформистского деятеля Юань Гэна, который имеет перевод: «Душа возвращается к морю».

Рис. 1: Первая полоса газеты «Southern Metropolis Daily» за 20 февраля 2016 года

Однако, здесь имеет место быть шифровка – если прочитать по вертикали фразу, которая находится справа и складывается из заголовков, то она будет переводиться так: «Если СМИ принадлежат партии, их души отправятся в море». Это означает, что партия приговаривает

СМИ к смерти, требуя от них политического послушания.

Как можно заметить, особенность китайского языка и возможность читать китайские иероглифы по вертикали сделали возможным выйти в свет и обойти цензуру данной статье, в которой была зашифрована критика политики массовой цензуры в Китае.

Помимо использования шифровок и омофонов, в китайской прессе очень распространено употребление в текстах эвфемизмов – слов или выражений, заменяющих другие, неудобные для обстановки или грубые, непринятые и неприличные выражения. К резким и грубым выражениям в СМИ Китая относятся негативно – любые выражения, кажущиеся опасными для общества или власти, не проходят цензуру, и публикация не выходит в свет [Юйтан, 1936, С. 179]. Чтобы убедиться, на самом ли деле китайские газеты и издания стараются употреблять эвфемизмы намного чаще, чем более спорные, неоднозначные слова, на практике было рассмотрено применение за 2018–2019 гг. некоторых эвфемизмов на примере веб-сайтов новостных газет Hebei News, Liaoning Daily и Hainan Daily.

Для анализа были выбраны следующие эвфемизмы и их аналоги:

Тайвань (台湾) и провинция Тайвань (台湾省);

Слабослышащий (聋人) и глухой (聋子);

Выполнять социалистическую концепцию почестей и позоров (践行社会主义荣辱观) и практиковать Восемь почестей и позоров (践行八荣八耻).

Запрашиваемые эвфемизмы и их аналоги	Новостные газеты		
	Liaoning Daily	Hebei News	Hainan Daily
Тайвань (台湾)	217	Более 150	1100
Провинция Тайвань (台湾省)	0	5	21
Слабослышащий (聋人)	5	86	16
Глухой (聋子)	0	4	5
Выполнять социалистиче- скую концепцию почестей и позоров (践行社会主义荣辱观)	0	11	2
Практиковать Восемь поче- стей и восемь позоров (践行 八荣八耻)	0	1	0

Таблица 1. Количество употребления эвфемизмов и их аналогов на примере новостных газет

Из данной таблицы следует вывод, что эвфемизмы действительно находятся в обширном употреблении в современной китайской прессе. В сравнении, эвфемизм «Тайвань» (台湾) в газете Hainan Daily употреблялся 1100 раз за последние два года, а его нежелательная форма «провинция Тайвань» (台湾省) – 21 раз. На новостном портале Hebei News эвфемизм

«выполнять социалистическую концепцию почестей и позоров» (践行社会主义荣辱观) был в употреблении в 10 раз больше, чем его аналог «практиковать Восемь почестей и позоров» (践行八荣八耻).

В целом, использование слов-заменителей в СМИ Китая является целесообразным ввиду культурных и языковых особен-

ностей, а также цензуры, которая не пропустит статьи с грубыми или непристойными выражениями в печать. Для обеспечения корректности того или иного тезиса журналисты в большинстве случаев прибегают к более нейтральным словам, которые не смогут задеть чьи-либо чувства или выставить государство и его представителей в невыгодном свете.

Общественно-политические тексты имеют большую значимость для государства, именно поэтому в КНР существует повсеместный контроль над публикуемым материалом в прессе в XXI в. Темы, попадающие под запрет, позволяют увидеть культурные и исторические особенности развития страны и менталитет граждан Китая. Китайцы пользуются особенностями своего языка и создают различного рода шифровки, опираются на эвфемизмы и употребляют в текстах омофоны для того, чтобы донести в массы актуальную информацию без пропаганды государственной политики, обходя при этом цензоров.

Несмотря на то, что проанализированные способы обхода цензуры работают в прессе Китая, многие другие возможные варианты освещения неблагоприятных для правительства тем быстро блокируются цензорами и их дальнейшее распространение пресекается. Проанализировать все существующие методы и способы, используемые редакторами, оказывается затруднительным. После публикации общественно-политического текста с невыгодным для компартии содержанием, он моментально удаляется со всех платформ, его дальнейшее распространение по Интернету другими пользователями останавливается, что значительно затрудняет работу по анализу применения данных способ в газетных или журнальных изданиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ханьянцзы Л. Внешнеполитический курс современного Китая в отражении национальных СМИ // Век информации: СМИ и внешняя политика Китая: сб. науч. статей №4 / ред.-сост. Р.В. Бекуров, Ю.С. Данилова, С.Б. Никонов. СПб, 2014. С. 12–68.
2. Ханьци Ф. История современной китайской газеты // Шаньсиское народное издательство. Шаньси, 2010. 489 с. 方汉奇. 中国新闻传播史. (Фан Ханьци. Чжунго синьвэньчуаньбо ши) // 山西人民出版社 (Шаньси жэньминьчубаньшэ), 2010. 489 с.
3. Юйтан Л. История прессы и общественного мнения в Китае. Чикаго, 1936. 179 с.
4. Валравенс Г. Ранневосточная азиатская пресса глазами Запада. Некоторые биографические заметки. Сеул, 2006. Walravens H. The Early East Asian Press in the Eyes of the West. Some bibliographical notes. Seoul, 2006.
5. Хирунчароэнват Ч., Лин Ч., Гилберт Э. Алгоритмический обход цензуры на Sina Weibo с недетерминированными заменами омофонов. ICWSM, 2015. Hiruncharoenvate C., Lin Z., Gilbert E. Algorithmically Bypassing Censorship on Sina Weibo with Non-deterministic Homophone Substitutions. ICWSM, 2015.
6. Сергеев Г. И. От дибао до «Жэньминь жибао»: путь в 1200 лет (История средств массовой коммуникации Китая). М, 1989. 224 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

1. Hanyanczy, L. (2014) Vneshnepoliticheskij kurs sovremennogo Kitaya v otrazhenii nacional'nyh SMI [The foreign policy of modern China in the reflection of national media]. In: Bekurov, R.V., Danilova, Y.S., Nikonov, S.B. (ed.) Vek informacii: SMI i vneshnyaya politika Kitaya: sb. nauch. statej №4 [Information Age: Media and China's Foreign Policy: a collection of scientific articles №4]. Saint-Petersburg: St. Petersburg state University, Institute of Higher School of Journalism and Mass Communications. Pp. 12–68.
2. Hanci, F. (2010) Istoriya sovremennoj kitajskoj gazety [The history of the modern Chinese newspaper] Shanxi: Shanxi People's Publishing House. 489 p. 方汉奇. 中国新闻传播史. (Fan Hanci. Chzhungo sinvenchuanbo shi). 山西人民出版社 (Shanxi zhenminchubanshe). 489 p.
3. Yutang, L. (1936) Istoriya pressy i obshchestvennogo mneniya v Kitae [A History of the Press and Public Opinion in China]. Chicago: The University of Chicago Press. 179 p.
4. Walravens, H. (2006) Rannevostochnaya aziatskaya pressa glazami Zapada. Nekotorye biograficheskie zametki [The Early East Asian Press in the Eyes of the West. Some bibliographical notes]. Seoul.
5. Hiruncharoenvate, C., Lin, Z., Gilbert, E. (2015) Algoritmicheskiĭ obhod cenzury na Sina Weibo s nedeterminirovannymi za-

menami omofonov [Algorithmically Bypassing Censorship on Sina Weibo with Nondeterministic Homophone Substitutions]. ICWSM.

6. Sergeev, G.I. (1989) Ot dibao do «Zhenmin zhibao»: put v 1200 let (Istoriya sredstv massovoi kommunikacii Kitaya) [From dibao to Renmin Ribao: a 1,200-year journey (China Media Communication History)]. Moscow: Peoples' Friendship University Press. 224 p.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Teacher, Liliya Nurieva

Department of Altaic Studies and Sinology
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia
nurievaliliya@inbox.ru

Bachelor, Diana Ibragimova

Department of Altaic Studies and Sinology
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia
ddibragimova@gmail.com

Принята к публикации: 20.10.2019.

МОДАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ**MODALITY IN THE MODERN UIGHUR LANGUAGE**

Абдуллаев С. Н., проф.

Иссык-Кульский государственный университет

Каракол, Киргизия

e-mail: abdullaev.sayfullah@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Исследование категории модальности следует признать актуальной задачей тюркского языкознания. Имеющиеся исследования несут на себе следы определенного влияния иных лингвистических традиций и отличаются фрагментарностью. Применительно к уйгуроведению выделяется проблема системного подхода к адекватному описанию данной сложной категории. В предлагаемой работе последовательно проводится функционально-синтаксический подход к изучению категории модальности в современном уйгурском языке. Постулируется тезис о том, что центральной единицей языка выступает простое предложение. Основываясь на этом, автором ставится цель показать систему основных средств выражения значения модальности в уйгурском языке. В отличие от существующих описаний, выполненных под морфологическим углом зрения и акцентирующих роль модальных слов, в данной статье ядром системы выражения модальных значений признаются модальные модификации предложения как основной коммуникативной единицы языка. В работе применяются метод моделирования структуры и семантики модальных форм предложения, лингвистический анализ надфразовых образований и связного текста. Намечены границы системы модальных единиц языка, выделяются грамматиче-

ABSTRACT

The study of the category of modality should be recognized as an urgent task of Turkic linguistics. Existing studies bear traces of certain influence of other linguistic traditions and are fragmentary. In relation to Uighur studies, the problem of a systematic approach to an adequate description of this complex category is highlighted. In the proposed work, the functional-syntactic approach to the study of the category of modality in the modern Uighur language is consistently carried out. The thesis that the Central unit of language is a simple sentence is postulated. Based on this, the author aims to show the system of basic means of expressing the meaning of modality in the Uighur language. In contrast to the existing descriptions made from a morphological point of view and emphasizing the role of modal words, in this article the core of the system of expression of modal meanings is recognized as modal modifications of the sentence as the main communicative unit of the language. The paper uses the method of modeling the structure and semantics of modal sentence forms, linguistic analysis of supra-phrasal formations and connected text. The boundaries of the system of modal units of the language are outlined, the grammatical and functional-semantic aspects of the category of modality in the Uighur language are highlighted, the concept of hypermodality is introduced. The nuclear part of the described system consists of modal modifications of a simple sen-

ский и функционально-семантический аспекты категории модальности в уйгурском языке, вводится понятие гипермодальности. Ядерную часть описываемой системы составляют модальные модификации простого предложения, от которой отходят лексически автономные модусные актуализаторы – модальные частицы, модальные слова и разнообразные способы выражения текстовой модальности.

Ключевые слова и фразы: модальность, уйгурский язык, модель, модификации, модальные слова и частицы, текст, уйгуроведение.

Для цитирования: Абдуллаев С.Н. Модальность в современном уйгурском языке. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(2): 18-33

В нашей статье под модальностью понимается грамматическая и функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также различные виды субъективной квалификации сообщаемого. Это очень сложная категория, имеющая много разных интерпретаций (Харисова Г.Ф., Гайнуллина Г.Ф. 2015). Модальные отношения в уйгурском языке трехслойны. Обычно различают:

- 1) объективную модальность;
- 2) субъективную модальность;
- 3) внутримодальные отношения.

Объективная модальность заключается в реальности / нереальности факта или действия, субъективная модальность – в отношении говорящего или пишущего к высказыванию с точки зрения достоверности / недостоверности [Строй, 1989, С. 352]. А внутримодальные отношения формируются в сфере глагольного действия, глагольного сказуемого. Это от-

ношение субъекта действия к действию. В нем выражаются модальные значения возможности, желательности, необходимости и долженствования. Третий тип модальности называют еще оптативной, дезидеративной модальностями [Джусаев, 2000, С. 69-70; Золотова, 2002, С. 65-73].

Key words and phrases: modality, Uighur language, model, modifications, modal words and particles, text, Uighur studies.

For citation: Abdullaev S.N. Modality in the modern Uighur language. Modern oriental studies. 2019; 1(2): 18-33

ношение субъекта действия к действию. В нем выражаются модальные значения возможности, желательности, необходимости и долженствования. Третий тип модальности называют еще оптативной, дезидеративной модальностями [Джусаев, 2000, С. 69-70; Золотова, 2002, С. 65-73].

Обсуждение теоретических вопросов о модальности в смысле грамматической и/или функционально-семантической категории в основном ведется в нескольких проблемных направлениях по вопросам:

- О способах выражения модальных значений;
- О составе модальных значений (включать или нет в состав модальных значений утверждение/отрицание, повествовательность, вопросительность, побудительность);
- О том, насколько «модально» повелительное наклонение.

Применительно к уйгуроведению как раздлу тюркологии и – шире – востоковедения модальность изучается в контексте синтаксических исследований [Абдуллаев, 2015а]. Это объясняется тем, что данная категория имманентно прежде всего ориентирована на коммуникативный уровень языковой системы.

В тюркологии способы выражения модальных значений в целом принято делить на три группы. В первую группу входят «средства, которые входят в ткань сказуемого». «Вторую группу составляют средства, в той или иной степени применяющиеся при определении модальных типов предложений». «К третьей группе средств выражения модальных отношений относятся специальные члены предложения, обычно называемые вводными словами, вводными предложениями и обращениями» [Закиев, 1963, С. 54].

В уйгурском языке система выражения модальной семантики также включает три сферы. В определенной степени они перекликаются с упомянутыми группами, но имеют и свои отличия.

В центре системы находятся парадигматические формы простого предложения как центральной единицы языка. Они подразделяются на два подтипа: 1) модальные модификации простого предложения, в речи реализующиеся по модели N2 – Vf// (форма генитива + сказуемое с лично-притяжательным оформлением); 2) конструкции с аналитической формой сказуемого, организуемые по условной формуле модели N1 – Vf-са керэк. Второй подтип соответствует первой группе средств выражения модальных значений, выделенной М. З. Закиевым.

Кроме отмеченных предложенческих конструкций модальное значение в уйгурском выражается лексически автономными актуализа-

торами, к которым относятся модальные частицы, модальные слова, словосочетания и конструкции. Этот разряд репрезентантов модальной семантики соответствует третьей группе в классификации М. З. Закиева.

Следующей сферой модальных значений в уйгурском языке следует признать текстовую модальность, выражение которой сопряжено с репрезентацией ключевых концептов уйгурской лингвокультуры. Описание системы способов выражения модальности в уйгурском языке целесообразно начать с нижней периферии – лексически автономных актуализаторов модальной семантики.

I. Модальные частицы и модальные слова

Модальные частицы – разновидность автономных модальных актуализаторов наряду с модальными словами. В уйгурском языке они могут употребляться и как отдельные слова, и как аффиксальная часть знаменательных слов. Модальные частицы выражают различные оттенки модальных значений.

Оценка степени качества: *-ғина/-қина: чирайлиққинә бир қиз «достаточно красивая девушка».*

Ссылка на общественное мнение, на нереальность ситуации: *имиш: Бу мәмликәт тарқилиду имиш «Мол эта страна распадется».*

Субъективно-оценочное усиление выражаемой семантики: *-ғу: Йезиватимәнғу силәргә «Я ведь пишу вам».*

Выражение категоричности высказываемой информации: *зәди: Мениң бу ишқа зәди мунасивитим йоқ «Я вообще не имею никакого отношения к этому делу».*

халас: Мән тәржимә қилип бәрдим, халас «Я только выполнил перевод, и только».

Выражение гнева, раздражения: *texи: Нахша ейтиватиду texи «Песни распева-ет еще».*

Припоминание по ассоциации: *раст, ейт-мақчи: Раст, сән китапларни әкәлдиңму? «Кстати, ты принес книги?»*

Другой разновидностью автономных актуализаторов модального значения являются модальные слова. Они служат для выражения широкого круга модальных значений и отношений (һазирқи заман., 1966, С. 273). К числу модальных слов в современном уйгурском языке относятся такие единицы, как *шүбһисизки, шәрт, шәксиз, чоқум, әпсуски, әксичә, әттән, әттегинәй, әттәнғисинәй, әсли, ейтимал, бәлки, бәлким, керәк, болар, болиду, болмиса, ваһаләнки, илайим, қисқиси, көрүниду, мүмкин, ниһайәт, охшайду, тоғра, тәбиий, дәрһәқиқәт, һәқиқәтән, һәқиқәттә, чамиси, чеғи, әлвәттә, ейтимал, әтималим, сөзсиз, тоғра, раст, ейтмақчи, шүбһисиз, бәлки, мүмкин [һазирқи заман., 1966, С. 273-277].* Обратимся к примерам:

Биз, әтималим, һәр бир оқуғучи үчүн ата-анилири билән биллә мәктәпниңму жавапкәр болуши тоғрилиқ қанун чиқиримиз «Мы, возможно, издадим закон об ответственности родителей и школы за каждого ученика»

Һәқиқәтән, бу яш уйғур жигитиниң пиқри дурус еди «Действительно, рассуждения этого молодого уйгурского юноши были справедливы»

Бәлким, сәнму боларсән «Может быть, и ты будешь присутствовать»

Модальные значения выражаются и модальными словосочетаниями и аналогами предложений:

Сәжидәм, сиз кәчүрүсиз, мән кәтмидим (Ш. Шаваев с. 7) «Сажидам, вы простите, я не ушел»

Иногда в число модальных слов в уйгурском и других тюркских языках вводят также имена наличия и отсутствия бар, йоқ. Такие единицы могут выступать в качестве самостоятельных слов-предложений. Это можно сказать и про слово-отрицание яқ, дифференцируемое от йоқ. По нашему мнению, они имеют иную грамматическую природу по сравнению с модальными словами.

II. Модальные модификации предложения

Под модификациями простого предложения, среди которых выделяются и модальные модификации, нами будут подразумеваться видоизменения модели предложения, выражающие темпоральные, фазисные и модальные значения [Абдуллаев, 1990, С. 90]. В частности, к их числу относятся интересующие нас модальные модификации простого предложения в уйгурском языке, синтаксическая семантика которых несет в себе экспессивно-эмоциональные оттенки смысла. В данном случае мы будем обращаться к видоизменениям только двух моделей простого предложения в современном уйгурском языке:

(1) N1 – Vf (ким/нимә нимә қиливатиду);

(2) N1 – Adj/Adv Cop (ким/нимә қандақ).

Формальная сторона моделей представлена облигаторными синтаксическими моделирующими позициями, которые репрезентованы частеречными символами, указывающими на типовые способы выражения данных членов предложения. Чтобы представить содержательную сторону моделей, в скобках запишем семантические формулы при помощи слов-заместителей, которые позволяют отвлечься от конкретной лексики, как в «живых»

высказываниях, но в то же время представить типовую семантику предложения. Например:

(1) Қизлар ухлаватиду.-Девушки спят; Каккуклар сайриди.-Кукушки куковали; Илан сойлиди.-Змея поползла.

(2) Бина егиз.- Здание высокое; Ромал чирайлиқ.-Платок красивый; Или узун.- Река Или длинная.

Во фразах, которые являются реализациями представленных структурно-семантических моделей, подлежащее употребляется в форме основного падежа и не принимает на себя показателей синтагматической зависимости. Что касается сказуемого, то, оно, будучи выражено глаголом как частью речи, выступает в финитной форме. Если же оно выражается именной частью речи (Adj/Adv), то здесь отмечаются имена, в традиционной морфологии разводимые по разрядам имен прилагательных и наречий. Как показывают наблюдения, эти части речи в тюркских языках слабо дифференцируются. В нашем случае они будут рассматриваться как наполнители одной синтаксической позиции.

Механизм реализации моделей простого предложения в речи и выражения предикативных категорий времени-наклонения и лица связан в основном с формой сказуемого, с аффиксами, которые принимает сказуемое и служебными словами, которые уточняют его значение. Например:

Шаптулилар пишти.-Персики созрели; Шаптулилар пишиватиду.-Персики созревают; Шаптулилар пишиду.-Персики созреют.

Шаптулилар пишса.-Если персики созреют; Шаптулилар пишмақчи.-Персики должны (намерены) созреть; Шаптулилар пишсун.-Пусть персики созреют; Шаптулилар пишса еди.-Вот бы персики созрели.

Шаптулилар пишишқа башлиди.-Персики начали созревать; Шаптулилар пишип болди.-Персики перестали созревать (созрели окончательно).

Мэн кирдим.- Я вошел; Сэн кирдиң.-Ты вошел; Сиз кирдиңиз.- Вы вошли (вежливая форма); Сили кирдила.-Вы вошли (гипервежливая форма);У кирди.-Он вошел; Биз кирдуқ.-Мы вошли; Силәр кирдиңлар.- Вы вошли; Улар киришти.-Они вошли.

А теперь проиллюстрируем примерами видоизменения предложений с именным сказуемым.

Бина йешил.-Здание зеленое; Бина йешил еди.-Здание было зеленым;Бина йешил болду.-Здание будет зеленым.

Бина йешил болса.-Было бы здание зеленым; Бина йешил болмақчи.-Здание должно быть зеленым; Бина йешил болсун.-Пусть здание будет зеленым; Бина йешил болса еди.-Вот бы здание было зеленым.

Бина йешил болушқа башлиди.-Здание стало становится зеленым; Бина йешил болуп болди.-Здание стало зеленым окончательно.

Мэн яш.-Я молодой; Сэн яш.-Ты молодой; У яш.-Он молодой. Ср.: Мэн яш екәнмәнЯ, оказывается, молодой; Сэн яш екәнсән.-Ты, оказывается, молодой; У яш екән.-Он, оказывается, молодой.

Мы привели парадигматические темпоральные и фазисные трансформации реализаций моделей простого предложения для того, чтобы оттенить своеобразие образования и функционирования модальных модификаций простых предложений в уйгурском языке.

При образовании модальной модификации простого предложения с оценочно-эмоциональным значением, соответствующим

«ну и ...!», «ох и ...!», изменения опять таки происходят в морфологической структуре сказуемого. Однако эти изменения являются трансформациями именно синтаксического порядка, поскольку в уйгурском они обуславливают коренную перестройку структуры всего предложения. Модели

(1) N1 – Vf (ким/нимә нимә қиливатиду);

(2) N1 – Adj/Adv Sor (ким/нимә қандақ)

принимают следующий вид:

(1) N2 – Vf-ған//лиқ/4/ (кимниң/ниминиң нимә қилғанлиғи/ни/);

(2) N2 – Adj/Adv Sor//лиқ4 (кимниң/ниминиң қандақлиғини)

Глагольное сказуемое получает форму причастия на –ған и/или –ватқан, субстантивирующий аффикс –лиқ, аффикс принадлежности (лично-притяжательный аффикс) и, sporadически, аффикс винительного падежа (винительный эмотивный). Именные сказуемые в составе модальных модификаций простого предложения оформляются двояко: либо сами непосредственно принимают целую цепочку морфем, а именно, аффикс –лиқ, лично-притяжательный аффикс и показатель винительного падежа; либо выступают в сочетании со связками, которые принимают на себя перечисленные аффиксы. Примеры:

Алмилар чирайлиқ пишипту.-Яблоки красивыми созрели; Алмиларниң чирайлиқ пишқанлиғини!-Ох и красивыми созрели яблоки! Чокан вападар.-Молодая женщина верная; Чоканниң вападарлиғини!-Ну и верная же молодая женщина! Йемәкликлар ала сүпәтлик.- Продукты высококачественные; Йемәкликларниң ала сүпәтлик экәнлиғини!- Ох и высококачественные продукты!

Как можно заметить, для компонентов

модальных модификаций простых предложений характерна дополнительная аффиксация. На наш взгляд, здесь имеет место то, что Н. Д. Арутюнова называет сферой «максимальной грамматичности» предложения [Общее языкознание, 1972, С. 327].

Аффикс принадлежности, принимаемый глагольной или именной формой сказуемого, стягивает и цементирует структуру модальных модификаций простого предложения изафетной синтаксической связью. Он и «вызывает» аффикс родительного падежа у подлежащего. Например;

Әхбарат толиму нурғун.- Информации очень много; Әхбаратниң толиму нурғунлиғини!- Ох и много же информации! Деханлар ишләватиду.- Земледельцы работают; Деханларниң ишләватқанлиғини!- Ох и работают же земледельцы!

Сказуемое оформляется аффиксами всех трех грамматических лиц. Оно как бы «спрягается», указывая на грамматическое лицо носителя предикативного признака. Например:

Мән сәһбәт өткүздүм.-Я провел беседу; Мениң сәһбәт өткүзгәнлигимни! Ну я и провел беседу! Сән нәтижигә ериштиң.- Ты добился результата; Сениң нәтижигә еришкәнлигиңни! Йолувчилар Қәшқәр шәһиридин қозғалди.- Пассажиры выехали из города Кацгара; Йолувчиларниң Қәшқәр шәһиридин чиққанлиғини!

Сказуемое в модальных модификациях обсуждаемого типа принимает форму, совпадающую с одной из инфинитных форм, которые выступают в роли зависимого сказуемого в составе полипредикативных предложений. Под инфинитными формами обычно понимаются формы, которые используются как сказуемые зависимой предикативной единицы в отличие от финитной формы сказуемого простого предложения. Подобная параллель может быть

перенесена в принципе и на всю структуру простого предложения, которое, видоизменяясь в целях передачи модусной нагрузки, переформируется по структурной схеме зависимой предикативной единицы в полипредикативных конструкциях (сложноподчиненных предложениях) с предикативными актантами. Если посмотреть на формальное оформление этой трансформации, можно заметить, что синтаксическая связь между главными членами простого предложения, ранее квалифицируемая в качестве координации, теперь замещается двусторонней изафетной связью, о которой недвусмысленно сигнализируют аффикс родительного падежа у подлежащего и личнопрыжательный аффикс у сказуемого. Напрашивается вопрос – почему происходят подобные синтаксические преобразования?

Модальные модификации простого предложения строятся по аналогии с зависимыми предикативными единицами, управляемыми глаголом қаримақ «смотреть» в переходном значении. К использованию отмеченных полипредикативных конструкций прибегают при необходимости выражения акцентированного эмоционально-оценочного значения. Ср.:

Бу аялларниң уятсизлиғини қара! «Ты посмотри, до чего же бесцеремонны эти женщины!»

Бина һулиниң егизлиғини қара! «Смотри, какой высокий фундамент здания!»

Хадимниң толиму қопал сөзләватқанлиғини қара! «Смотри, как грубо разговаривает сотрудник!»

В приведенных примерах используются зависимые предикативные единицы как с именным, так и с глагольным сказуемыми. А теперь вернемся к модальным модификациям простого предложения. Перед нами возникает вопрос. Восходят ли модальные модифи-

кации простого предложения непосредственно к полипредикативным конструкциям приведенного типа?

В прошлом такие полипредикативные конструкции специализированно употреблялись в диалогической речи. Доводом в пользу такой констатации служит то обстоятельство, что сама форма управляющего предиката 2-лица қара/қараң, қараңлар «смотри, смотрите» предполагала непосредственного участника речевого акта, реципиента, собеседника, адресата. Затем постепенно аналогичные синтаксические формы нормально стали употребляться и в монологической речи. Ср.:

Мән трубкини алдим. Гүлжамал өйдә экән. Вақтида телефон қилғанлиғимни қара! Биз сөләштуқ ... (журнал «Чолпан» 1987 2) «Я взял трубку. Гульжамал была дома. Смотри-ка, как я удачно позвонил! Мы поговорили ...»

Подобное наблюдается в случаях так называемой автокоммуникации и в ситуациях несобственно-прямой речи [Строй уйгурского языка, 1989, С. 462].

Таким образом, можно заключить, что в современном уйгурском языке модальные модификации простого предложения нормально могут строиться совершенно так же, как зависимые предикативные единицы в составе полипредикативных построений. Однако вместе с этим важно помнить, что синтаксические структуры с управляющим глаголом қара вполне возможны и в монологической речи, когда адресата высказывания нет, он отсутствует. В этом случае глагол қара оказывается семантически опустошенным, стандартизированным компонентом структуры простого предложения. Обратимся к примерам:

Хотәндә уйғур гиләмчилигиниң тәрәкқий қилғанлиғини қара! «Как развилось производство уйгурских ковровых изделий в Хотане!»

Памирниң гүзәллигини қара! «Как красив Памир!»

Шагиртниң чирайлиқ йезиватқанлиғини қара! «Как красиво пишет ученик!»

Тәбиәтниң мәптункарлиғини қара! «Как притягательна природа!»

Формально перед нами полипредикативные конструкции с сильно управляемыми зависимыми предикативными единицами. Однако семантически здесь речь идет больше не об отношениях между двумя событиями, а об эмоционально-субъективном восприятии одного события. При этом автор высказывания «приглашает» собеседника проникнуться таким же модальным отношением к содержанию высказывания. Этой функциональной цели служит использование формы 2-лица единственного числа от глагола *қаримақ* «смотреть». Она может употребляться и в так называемой вежливой форме при добавлении аффикса *-ң*: *қараң*. Специализация указанной глагольной формы императива приводит к тому, что она начинает нести модальную нагрузку уже даже не в полипредикативной структуре, а в составе простого предложения, превращаясь в модальную частицу. Например:

*Бизниң тәбиәтимиз толиму гүзәл, қараң
«Наша природа очень красива (букв. Наша природа очень красива, посмотрите)»*

Коммуникативный актуализатор *қара* несет очевидную модальную нагрузку, потому что выражает интенцию говорящего. Этим он отличается от конструкций в составе предложений переспроса, в которых требуется «модальное соучастие» слушающего. Ср.: *Бизниң тәбиәт чирайлиқ, шундақму? «Наша природа красива, не так ли?»*.

Қара-2 в отличие от *қара-1* употребляется в простых предложениях и не демонстрирует наличия какой-либо синтаксической связи с компонентами простого предложения. Относясь непосредственно ко всему предложению в целом, *қара-1* отличается тем, что синтаксически связано по способу управления с зависимой предикативной единицей в лице ее сказуемого, которое принимает форму винительного падежа в парадигме предикативного склонения, свойственного для алтайских языков [Убрятова 1976; Черемисина 1984]. Эта форма детерминируется валентностными свойствами *қара-1*. Что касается ситуации с простым предложением, то здесь *қара-2* превращается в модальную частицу, своеобразный коммуникативный актуализатор всего предложения.

Зададимся вопросом – в чем заключается наблюдаемое отличие предложений с *қара-2* от предложений, в которых имеет место его элиминация? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к примерам:

1) *Бизниң тәбиәт интаин гүзәл*

«Наша природа очень красивая»

2) *Бизниң тәбиәт интаин гүзәл, қара*

«Наша природа очень красивая, поверь»

Во втором случае акцент на модальном компоненте семантики (модус) ощутимо усиливается. Следовательно, модальный актуализатор, или частица *қара* выступает как специализированный способ выражения модальности в уйгурском языке.

Функциональные аналогии с отмеченной модальной частицей можно провести и при обращении к предложениям с частицами типа *жуму*, *мақулму*, *яхшиму*. В этих предложениях коммуникативный акцент достигается за счет вопроса или переспроса. Говорящий как бы заручается коммуникативной поддержкой реципиента:

Этә көлгә баримиз, жуму

Завтра поедем на озеро, хорошо (понятно)

Модальность субъективно-эмоционального отношения говорящего колеблется в пределах от упрощения (хорошо?) до повеления-переспроса (понял?). Очевидно, такие модальные частицы восходят к вопросительным предложениям. Отсюда и последовательное употребление в их структуре аффикса вопроса – му. Ср. В современном татарском языке: яме:

Иртәгә күлгә барабыз, яме

«Завтра поедем на озеро, ладно»

Без вопросительного аффикса оставшаяся часть обсуждаемых грамматикализованных слов (в уйгурском жу, в татарском – я) на современном этапе не употребляется. Мы рассматриваем данное обстоятельство в качестве довода в пользу того мнения, что языковые единицы данного типа уже вполне сложились как целостные и неделимые модальные частицы.

В значительной части проанализированного нами эмпирического материала в сфере простого предложения глагол-частица *қара* отсутствует. В сфере полипредикативных конструкций картина иная. Его появление скорее выступает как речевой «рецидив» полноценного употребления этого глагола, а не актуализация модели полипредикативного предложения. Такие структуры соотносятся с простыми предложениями и возводятся к ним так же, как и регулярные модификации. Глагол *қара* и «вызываемый» им аффикс винительного падежа начинают употребляться не регулярно. Для сравнения можно обратиться к материалу современного киргизского языка, в котором также наблюдается изафетная схема организации предикативного узла модальных модификаций простого предложения, но аффикса винительного падежа не наблюдается.

За лично-притяжательным оформлением сказуемого, как правило, следует постановка эмотивной частицы ай:

Булбул сайрайт

«Соловей поет»

Булбулдун сайраганы ай!

«Ох и поет же соловей!»

Асман көк

«Небо голубое»

Асмандын көктүгү ай!

«До чего же голубое небо!»

Китептер көп

«Книг много»

Китептердин көптүгү ай!

«Ох и много же книг!»

Примером использования форм сложного полипредикативного предложения в сфере простого предложения могут послужить и монопредикативные синтаксические структуры, тяготеющие к синтаксическим фразеологизмам и использующие сказуемое в форме условного наклонения на –са с аффиксом принадлежности в сочетании со вспомогательным глаголом *болмақ* в форме прошедшего очевидного на –ды (болди) или на –ган с аффиксом принадлежности 3-лица (болғини). Например:

Он миң койлуқ чәктин бирнила еливалсаң болди (Пәрваз)

«Лишь бы взяла один только чек в десять тысяч»

Модальные модификации в отличие от нейтральных простых предложений больше предполагают наличие широкого контекста и синтагматические связи. Прежде чем перейти непосредственно к текстовой модальности остановимся на модальных модификациях

простого предложения с аналитической формой сказуемого (*N1 – Vf-са керэк*). Здесь в составе формы финитного сказуемого употребляются модификаторы типа *керэк, мүмкин, еһтимал*. При этом выражаются такие модальные значения, как предположение, неуверенность и др. Например.

Бу киши Велиахун болса керэк (Ж. Босаков с. 89)

»Этот человек, наверное, Велиахун«

Дилмурат келиши мүмкин (Ш. Шаваев, с. 71)

«Может быть Дилмурат уже прибыл»

Чокан тойда нахша ейтиши еһтимал (Ш. Шаваев, с. 94)

«Может статься что молодая женщина поет на свадьбе»

III. Текстовая модальность

Модальность текста — это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю. Общая модальность как выражение отношения автора к сообщаемому заставляет воспринимать текст не как сумму отдельных единиц, а как цельное произведение. По мнению В. В. Виноградова, личностное отношение автора воспринимается как «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур...» [Виноградов, 1971, С. 118].

По словам Н.С. Валгиной, модальность является важнейшим элементом текстообразования и текстовосприятия, который соединяет все единицы текста в нечто единое целое по смыслу и структуре [Валгина, 2003, С. 96-104]. Так, в тексте актуализируются значения всех модальных единиц, в результате взаимодействия и синтеза которых возникает модальный смысл текста.

Модальность относится к текстообразующим категориям, наряду с персональностью, темпоральностью и локальностью, и обладает «своим собственным текстовым ключом» [Бондарко, 1976, С. 50-64].

В связи со сказанным о трансляции категории модальности на уровень текста интересно рассмотреть рассуждения Дж. Джусаева. Он пишет: «В самом деле, говорящее лицо является главной, центральной фигурой в определении семантического содержания предложения по модальности в плане его реальности, ирреальности, предположительности, долженствования и т.д. сообразно создавшейся ситуации речи в момент порождения предложения. А ситуация речи создается в соответствии с коммуникативной целеустановкой, по обстановке объективной действительности. Далее сообразно заданной установке определяется точка зрения говорящего лица. Но сама эта точка зрения определяется объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику или к выражаемой в предложении объективной действительности. При этом говорящее лицо, прежде всего, определяет модальное значение высказывания, затем использует языковые средства, отбираемые по законам конкретного национального языка, регламентируемые синтагматическими, прагматическими и семантическими отношениями в структуре предложения. А суть модального отношения заключается в том, как мыслит, понимает, квалифицирует говорящий свое сообщение, как он относится к действительности. Отсюда правомерность выделения особой статьей роли говорящего лица оправдана» [Джусаев, 2000, с. 71].

Все сказанное выше можно полностью отнести к тексту и его авторам в уйгурском языке. Художник представляет нам кусочек объективной действительности, который имел

или будет иметь место в прошлом, настоящем или в будущем. Каким бы беспристрастным не был писатель, из повествования мы можем составить себе картину субъективно-личностного отношения автора к происходящему, его симпатии и антипатии, пристрастия, чувства и переживания. Именно имплицитное присутствие автора усиливает эффект и воздействие данного описания на читателя.

«Образ автора, - пишет Л.Г.Барлас, - это носитель той точки зрения на изображаемое, которая пронизывает всю художественно-речевую структуру произведения, все его оценочно-речевые планы – и героев, и рассказчика (если он есть), и повествователя – в их сопоставлении и столкновении, - той точки зрения, которая устанавливает и сдвигает акценты, придает общую тональность всему произведению» [Барлас, 1978, С. 145].

При чтении художественного текста, с одной стороны, перед читателями предстает реальная фабула произведения. С другой стороны, нам кажется, что авторские образы, вновь и вновь оживая, дополняются новыми деталями и гранями. Думается, что именно в этом заключается тот феномен, что автор по настоящему художественного произведения продолжает жить среди нас и говорить что называется сквозь века. Поэтому Пушкин был прав, когда говорил, что к его нерукотворному памятнику «не зарастет народная тропа». Здесь мы подошли к важному, на наш взгляд, моменту, когда необходимо четко провести линию водораздела между автором как конкретной личностью в уйгурской и мировой литературе и автором конкретных произведений, которые мы читаем. Это разные вещи, разные понятия в силу воздействия на читателя категории текстовой модальности. Автор для нас тоже является своеобразным образом. Это формирующийся в нашем сознании образ того человека, который написал то или иное произведение, который повествует и излагает его содержание и, что важно для нас, выражает свое отношение

к этому повествованию. Этот образ возникает в нашем представлении, и это мой и только мой автор. Следовательно, при чтении мы познаем и воспринимаем не только художественные образы, сюжет и систему персонажей, но и образ автора и его отношение к содержанию произведения [Абдуллаев, 2015б, С. 79].

Наблюдения над уйгурским материалом позволяют заключить, что наряду со сказанным относительно авторской и читательской индивидуальности в плане текстовой модальности в языке существует особая гипермодальность, к достижению которой стремятся другие языковые средства и способы.

В рассказе З. Сабира модальность выражается через посредство концепта *муң «светлая грусть, тоска»*. В последнее время концепт *муң «светлая грусть, тоска»* в уйгурском мировосприятии выдвигается в число несомненно ключевых.

Концепт *муң «светлая грусть, тоска»*, являясь специфическим для уйгурской лингвокультуры, практически непереводимый на другие языки, причисляется нами к числу безэквивалентной лексики. В настоящее время становится очевидным, что он наиболее адекватно передает ключевой нерв уйгурской картины мира. Согласно основным положениям теории концепта, уйгурский концепт *муң «светлая грусть, тоска»*, не имея четкой структуры, жестких очертаний и границ, существует для определения картины мира носителей уйгурской культуры. Данный концепт имеет древнетюркские корни.

В древнетюркском словаре зафиксированы следующие лексемы: *bun* печаль, скорбь, страдание, тягость; тип (*min*) потребность, нужда, забота; *напасть*, тягота; страдание, горе, предел, теснота; *bunad-* огорчаться, печалиться, быть озабоченным; *munad-* 1) нуждаться, иметь потребность в чем-либо; сетовать, печалиться; 2) удивляться, изумляться, поражаться; *buns iz* безграничный, безмерный; *buijsuz* 1) беззаботный, беспечальный, без печали, без горя; 2) без-

граничный, безмерный, неограниченный; *murjsuz* 1) без забот; не ведающий забот, тягот, страданий, *murjsuz taqs iz* парн. без тягот, без забот; 2) имя собственное; *bunadi nciX, tunadquluf* удивительный, поразительный; поражающий воображение; волнующий; изумительный; *tunadmaq* изумление; *tunad-* испытывать страдание, горе, нужду; *munaStur-* побуждает, от *tunad-*; *tunuyad* испытывать затруднения, тяготы; сетовать, печалиться; *tunluq* 1) отягощенный заботами, подверженный бедам, испытывающий нужду; 2) печальный, жалкий, немощный; *tunlufun* в страданиях, будучи отягощен страданиями; *turjqar-* причинять страдание, горе; притеснять, мучить; *turjqul* неразумный, глупый; *tunuiq-* испытывать тяготы, бедствия; страдать [Древнетюрк. словарь, 1969, С. 124-125, 350-351]. Очевидно, основой номинации всех вышеприведенных лексем является древнетюркская *bun*, которая почти совпадает с современной интерпретацией.

При обращении к художественным текстам на уйгурском языке можно сказать, что концепт *муң* «светлая грусть» выступает как «текстовый» интегрирующий художественный концепт, безгранично вбирающий в себя национально окрашенную субъективную экспрессию. Настоящее художественное произведение должно передавать *муң* как состояние души и индикатор художественности. В этом смысле он отличается мегакультурной нагрузкой и квалифицируется нами в качестве гипермодальности.

Рассказ Зордуна Сабира «*Eh, топилиқ йол*» в контексте текстовой модальности во многих отношениях симптоматичен. В образе автора явственно ощущается модальное отношение к содержанию повествования по типу философского *муң*. Не вдаваясь в подробное описание вербальной репрезентации этого феномена, отметим мастерское использование лексического материала. В конце повествования, отличающегося захватывающим сюжетом и психологизмом, автор лексически прямо указывает на релевантность рассматриваемого концепта для человеческой психологии.

Сюжет рассказа повествует о молодой женщине, вышедшей по расчету замуж за состоятельного дехканина, который был старше ее по возрасту. Поддавшись уговорам бывшего своего любовника, она решается сбежать, прихватив денежные чеки мужа. Преступная парочка однако была схвачена, но любовник при этом проявил дьявольское вероломство. Он отрестился от содеянного, выставив инициатором и виновником всего Гульайшам. Она не стала оправдываться, поняв, какую огромную ошибку совершила. Однако ее муж, проявив благородство, приехал за ней и позвал её обратно домой. Когда-то, в начале их семейной жизни, когда они в первый раз направлялись домой, она ожидала, что они поедут на каком-либо транспорте. Но экономный дехканин попросил ее пойти пешком. Чем же заканчивается рассказ? Провинившаяся и испытывавшая душевные муки героиня теперь сама отвечает отказом на предложение мужа возвращаться домой на транспорте и предлагает пройтись пешком, мотивируя необходимостью излить душу: *муңдашқач*.

Перед нами глагольная основа, образованная от существительного *муң* при помощи аффикса *-даш*. Выбранная деепричастная форма глагола на *-гач* отмечается во многих тюркских языках, где она выражает действие, предшествующее во времени другому действию. Своеобразие уйгурского языка усматривается в том, что данная глагольная инфинитная форма передает идею совместности и параллельности действия относительно другого действия: «идти, делясь сокровенным, открываясь в духовном плане друг другу». Обратимся к тексту:

Гулайшам Розакбайниң сеғиниш, муһаббат ялқунлап турған көзлиригә қариди. Униң қалбиниң чоңқур йеридә саддә деханға бир хил йеңи туйғу пәйда болди. Гулайшам тунжи қетим көрүватқандәк бовайға қариди. Бовайниң ялғуз бурнила эмәс, һәм-мила йери Гулайшәмгә чирайлиқ көрүнди.

- Сизни дәп ат-һарву қилдим, содилириңизни толук алдим. Тоң чиқиридиған машина

*алдим, экилишкә оғул Қәшқәргә кәтти.
Кени, һарвуңа чиқиң.*

*Гүлайшәм йәргә қариди. У һазир ялиңаяқ
еди.*

- Пиядә кетили.

- Немишкә?

- Муңдашқач.

*Гүлайшәм шундақ дедидә, ялиңаяқ путли-
ри билән йеза йолиниң юмшақ тописини
дәссиди.*

*Еһ, топилиқ йол, Гүлайшәмгә паяндаз бол!
(Пәрваз 1989, с. 129)*

*Гульайшам посмотрела в соскучившиеся
глаза Розакбая, искрившиеся любовью.
В глубине ее души проснулось какое-то но-
вое чувство по отношению к простому
дехканину. Гульайшам посмотрела на бо-
вая, как будто увидела его в первый раз.
Не только его нос, но и все лицо показа-
лись ей симпатичными.*

*- Я нанял тарантас для Вас, разрешил все
Ваши долговые проблемы. Купил моро-
зильный агрегат. Сын поехал за ним
в Кашгар. Садитесь, пожалуйста, поехали.
Гульайшам опустила глаза. Она была
без обуви.*

- Давайте пойдём пешком.

- Почему?

- Общайся.

*Гульайшам произнесла эти слова и ступи-
ла босыми ногами на мягкую пыль сель-
ской дороги.*

*Эх пыльная дорога, стань ковром
для Гульайшам!»*

Модальность - это категория, охватываю-
щая всю ткань речи [Виноградов, 1975, С. 63],
и только при учете функционирования модаль-
ности в речи, в коммуникации, высшей едини-
цей которой является текст, возможен ее адек-
ватный семантический анализ. В том случае,
когда модальность выносится за пределы пред-
ложения на уровень текста, происходит транс-

формация прагматики самой категории: на пе-
редний план выносится сам акт коммуника-
ции, т. е. отношения между автором (говоря-
щим) и читателем (реципиентом). Текстовая
модальность – это прежде всего выражение
различного рода отношения автора к содержа-
нию текста. Так, в повести Хизмета Абдуллина
«Көчкән юлтуз» авторское модальное отноше-
ние выражено в стихотворной форме:

Мәнму адам - инсан роһи бар бир тән,

Муһаббәт вә һәсрәт маңа ят әмәс.

Мениң тәңрим - туғулған жут - Вәтән,

Мунда сөйүш, өлүшму һәм - муққәддәс!

(Абдуллин т. 2, с. 203)

Я тоже человек - существо с душой человека.

Мне не чужды любовь и печаль.

Моя святыня – Родина, Отчизна,

Здесь святы и любовь и смерть.

Автор вкладывает в уста главного персо-
нажа – поэта Лутфуллы приведенные строки
в беседе с другим персонажем Камбарниссой.
Здесь отчетливо выражено авторское отноше-
ние к самому любимому поэту уйгурского наро-
да – Лутфулле Муталлипу.

Модальность как текстовую категорию
специально обозначил И.Р. Гальперин
[Гальперин, 1981]. Он представил сущность ка-
тегории модальности текста через ряд призна-
ков: в тексте носит не грамматический, а функ-
ционально-семантический характер, в силу сво-
ей объективной природы. Она проявляется не-
равномерно в разных фрагментах текста и вы-
ражается через характеристику героев, распре-
деление отрезков текста, актуализацию от-
дельных частей текста и т.д. На формирование
текстовой модальности существенно влияют
экстралингвистические факторы - объект изоб-
ражения, личность автора, особенности его ми-
ровосприятия и др. Действительно, в тексте
выделяются фрагменты, несущие сконцентри-
рованный модальный смысл. Обратимся к упо-
мянутой повести Х. Абдуллина:

Дуниядики дәһшәтлик һадисиләрниң бири қаранғулуқ. Қайси хан яки ваң, қайси султан яки бәг тәрипидин, қайси дәвирдә селинғаглиғи намәлум, амма йәр үстидики һәр қандақ һәрбий истиһкамлардинму пухта ясалған зиндан катигиниң таш тамлири, лим яғач торуси билән теги, төмүр қапланған ишиклири - буларниң барлиғи қап-қараңғу болуп, миңларчә жилниң димиқтирилиғини жиғип қисип турғандәк. Әшу төмүр қапланған ишикниң төписидики хәнжәр қовурғилиқ пәнжирдин чүшүп турған бехил йоруқму аллиқачан йоқап, йәнә түп тәң қараңғу басти. Зай нуриғи Лутфуллиниң демини қисип, бешини қайдуруп, көңлини айландурушқа башлиди. (Абдуллин, т. 2, с.216) «Тьма является одной из страшных вещей на земле. Каменные стены, потолок и пол, железные двери – все это, как-будто собравшись в единую тысячелетнюю темную силу, словно давило. Давно исчезли проблески света, пробивавшиеся над железной дверью, и снова навалилась крошечная тьма. Запах сырости сдавил дыхание Лутфуллы, и он почувствовал приступы головокружения и тошноты»

Автор выражает свое отношение к герою как борцу с социальной несправедливостью, олицетворяющей тьму. Антитеза тьме - идея светлой свободы:

Үмүт парлақ, жиллар еғир,

Мәнзил давамлиқ сәпәрдә.

Дүшмән окопи һәр қәдәмдә,

Тосақ симлар һәр йәрдә.

Алда дәрия... алда өткүл,

Алда қистаң - тар йоллар.

Алда күрәш - тәврәш пүткүл,

Алға ғалип ғаң жиллар...

Қәсам шу төмүр қәсам

Әзиз Вәтән - Аниға

Чекинмәймиз бир қәдәм,

Боялсақму биз қанға.

Күрәш татлиқ, номус аччиқ,

Йеңиш қайнақ күрәштә.

Күрәш қайними өркәшлә,

Йеңиш алдида тәврәштә!..

(Абдуллин т. 2, с. 206)

В приведенном стихотворном тексте практически выражено творческое и жизненное кредо главного персонажа повести – поэта, который стал трибуном и певцом общечеловеческих идей свободы как высшей ценности. Текстовая модальность здесь ориентирована на экспликацию концепта свободы.

Отношение пишущего к действительности, постулируемое как основной признак модальности, характерно для всякого высказывания. В.В. Виноградов считает модальность существенным конструктивным признаком любого предложения и потому присущим любому предложению [Виноградов 1975, С. 55]. В текстах художественного произведения модальность часто проступает через релятивные отрезки повествования. Авторское субъективно-оценочное отношение к описываемому предмету часто не раскрывает сущности явления, а лишь дает представление о мироощущении писателя. Поэтому текстовая модальность чаще всего находит себе место именно в релятивных отрезках. Она играет значительную роль в понимании содержательно-концептуальной информации текста. Существует много авторских приемов выражения модальности. Например, повторяя один из стилистических приемов в его разнообразном лексическом наполнении, автор сознательно или бессознательно характеризует какое-либо событие, явление, персонаж, а также раскрывает свое к ним отношение. Эпитет как средство модальности в тексте играет достаточно незначительную роль. Он характеризует лишь тот предмет, к которому он относится. В художественном

тексте эпитет не всегда соответствует своему содержанию. Но в широком контексте он становится выразителем модальности. Такими «сквозными» эпитетами, в частности, в повести Х. Абдуллина являются «*шаир Лютүн*», «*шаир бурадәр*», в романе Жамалидина Босакова «*Көчкөч*» - «*жут атиси*», «*хәлиқ долқуни*», «*халайиқ*», в повести Шайма Шаваева «*Йоқалған қәләм*» - «*устаз*», «*муәллим*» и др.

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что категория модальности в современном уйгурском языке имманентно ориентирована на коммуникативно-синтаксический уровень языка. Способы ее репрезентации образуют в уйгурском языке систему, в центре которой находятся модальные модификации простого предложения. Они изучаются в связи с вопросами парадигматики простого предложения [Абдуллаев, Абдуллаева, 2014, С. 39]. Другим способом выражения модальных значений выступают модальные частицы и модальные слова, которые вместе с модальными модификациями предложения в конечном итоге служат цели передачи гипермодальности на уровне текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харисова Г.Ф., Гайнуллина Г.Ф. Функционально-семантическая категория модальности в татарском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-3.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23826> (дата обращения: 25.07.2019).
2. Строй уйгурского языка.-Алма-Ата: Наука, 1989
3. Джусаев Дж. Дж. Категория модальности и средства ее выражения в современном кыргызском языке: Автореф. дис. ... филол. наук. – Бишкек, 2000.
4. Золотова Г.А. Русский язык. От системы к тексту. –М.: Дрофа, 2002
5. Абдуллаев С.Н. Динамика становления коммуникативно-синтаксических исследований по уйгурскому языку// Сибирский филологический журнал. 2015а. № 2. С. 71-75.
6. Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка.-Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1963.
7. Һазирқи заман уйғур тили. 2 қисим. Морфология вә синтаксис. Алмута: Наука, 1966.
8. Абдуллаев С. Н. Модальные модификации простого предложения в уйгурском языке//Системность на разных уровнях языка.-Новосибирск: Наука, 1990.-С. 90-95.
9. Общее языкознание. Внутренняя структура языка.-М.: Наука, 1972
10. Строй уйгурского языка.-Алма-Ата: Наука, 1989
11. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка: Моногр. В 2 ч. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1976. Ч. 2: Сложное предложение. Кн. 1–2. 378 с.
12. Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М. и др. Предикативное склонение причастий в алтайских языках: Коллект. моногр. -Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984.
13. Виноградов В. В. О теории художественной речи.-М.: Высшая школа, 1971
14. Валгина Н. С. Теория текста.-М.: Логос, 2003
15. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий.-Л.: Наука, 1976
16. Джусаев Дж. Дж. Категория модальности и средства ее выражения в современном кыргызском языке: Автореф. дис. ... филол. наук. – Бишкек, 2000.
17. Барлас А. В. Русский язык. Стилистика.-М.: Просвещение, 1978
18. Абдуллаев С. Н. Метаморфозы творческого духа (К вопросу об «образе автора» на примере творчества Л. Муталлипа// Вестник Иссык-Кульского университета.- 2015б, № 40.-С. 77-81.
19. Древнетюркский словарь.-Л.: Наука, 1969
20. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке//Исследования по русской грамматике: избранные труды.-М., 1975.- С. 53-87.
21. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования.-М.: Наука, 1981.
22. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке// Исследования по русской грамматике:

- избранные труды.-М., 1975.- С. 53-87.
23. Абдуллаев С. Н., Абдуллаева Г. С. Парадигматика элементарных простых предложений в современном уйгурском языке // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 2 (22). С. 38-40

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

1. Kharisova G.F., Gainullina G.F. Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya modal'nosti v tatarskom yazyke // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2015. - № 2-3.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23826> (data obrashcheniya: 25.07.2019).
2. Stroi uigurskogo yazyka.-Alma-Ata: Nauka, 1989
3. Zolotova G.A. Russkii yazyk. Ot sistemy k tekstu. -M.: Drofa, 2002
4. Abdullaev S.N. Dinamika stanovleniya kommunikativno-sintaksicheskikh issledovaniy po uigurskomu yazyku//Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2015a. № 2. P. 71-75.
5. Zakiev M. Z. Sintaksicheskii stroi tatarskogo yazyka.-Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 1963.
6. hazırkı zaman uıǵur tili. 2 kısım. Morfologiya və sintaksis. Almuta: Nauka, 1966.
7. Abdullaev S. N. Modal'nye modifikatsii prostogo predlozheniya v uigurskom yazyke// Sistemnost' na raznykh urovnyakh yazyka.-Novosibirsk: Nauka, 1990.-P. 90-95.
8. Obshchee yazykoznanie. Vnutrennyaya struktura yazyka.-M.: Nauka, 1972
9. Stroi uigurskogo yazyka.-Alma-Ata: Nauka, 1989
10. Ubryatova E. I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka: Monogr. V 2 ch. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1976.
11. Ch. 2: Slozhnoe predlozhenie. Kn. 1-2. 378 p.
12. Cheremisina M. I., Brodskaya L. M., Gorelova L. M. i dr. Predikativnoe sklonenie prichastii v altaiskikh yazykakh: Kollekt. monogr. -Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1984.
13. Vinogradov V. V. O teorii khudozhestvennoi rechi.-M.: Vysshaya shkola, 1971

14. Valgina N. S. Teoriya teksta.-M.: Logos, 2003
15. Bondarko A. V. Teoriya morfologicheskikh kategorii.-L.: Nauka, 1976
16. Dzhusaev Dzh. Dzh. Kategoriya modal'nosti i sredstva ee vyrazheniya v sovremennom kyrgyzskom yazyke: Avtoref. dis. ... filol. nauk. - Bishkek, 2000.
17. Barlas A. V. Russkii yazyk. Stilistika.-M.: Prosvetshenie, 1978
18. Abdullaev S. N. Metamorfozy tvorcheskogo dukha (K voprosu ob «obrazе avtora» na primere tvorchestva L. Mutallipa//Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta.-2015b, № 40.-P. 77-81.
19. Drevnetyurkskii slovar'.-L.: Nauka, 1969
20. Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke// Issledovaniya po russkoi grammatike: izbrannyye trudy.-M., 1975.- P. 53-87.
21. Gal'perin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya.-M.: Nauka, 1981.
22. Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke// Issledovaniya po russkoi grammatike: izbrannyye trudy.-M., 1975.- P. 53-87.
23. Abdullaev S. N., Abdullaeva G. S. Paradigmatika elementarnykh prostykh predlozhenii v sovremennom uigurskom yazyke // Vestnik Kalmytskogo universiteta. 2014. № 2 (22). P. 38-40

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Abdullaev S.N.

Dct of Philology, Professor

Issyk-Kul State University

Karakol, Kyrgyzstan

abdullaev.sayfullah@gmail.com

Принята к публикации: 10.10.2019

ПРЕДМЕТНАЯ СИМВОЛИКА В РОМАНЕ ЦАО СЮЭ-ЦИНЯ
«СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»

SYMBOLISM OF THINGS IN CAO XUEQIN'S NOVEL
«A DREAM OF RED MANSIONS»

Осокин Александр Владимирович, старший преподаватель,

Институт литературы

Педагогический университет Внутренней Монголии, г. Хух-Хото (КНР)

alex.osockin2013@yandex.ru

Брылёва Наталья Анатольевна, кандидат культурологии, доцент,

Факультет иностранных языков

Педагогический университет Внутренней Монголии, г. Хух-Хото (КНР)

nusferatu09@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Предметная символика, а также символика цвета играют значительную роль в произведении Цао Сюэ-циня. В настоящей статье авторы концентрируют внимание на предметах и обстановке, которыми автор романа окружает одну из своих героинь – Сюэ Бао-чай, мастерски используя этот приём для раскрытия её образа. Посредством ряда примеров в настоящей статье показано, что вся сложность, но и вся прелесть романа скрывается в мелких деталях, которые зачастую опускаются в переводах на европейские языки.

Ключевые слова и фразы: предметная символика, Сон в красном тереме, Цао Сюэ-цинь, Сюэ Бао-чай, Линь Дай-юй.

Для цитирования: Осокин А.В., Брылёва Н.А. Предметная символика в романе Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме». *Современные востоковедческие исследования.* 2019; 1(2): 34-39

ABSTRACT

The symbolism of things and color plays an important role in the Cao Xueqin's novel. Thus, the authors of the article focus their attention on the objects with which the author surrounds one of the characters – Xue Baochai, masterfully using this technique to reveal her image. Through the examples presented in the article, the authors wanted to show that the complexity, but also the charm of the novel is hidden in small details, which are often omitted in translations into European languages.

Key words and phrases: symbolism of things, A Dream of Red Mansions, Cao Xueqin, Xue Baochai, Lin Daiyu.

For citation: Osokin A.V., Bryleva N.A. Symbolism of Things in Cao Xueqin's Novel «A Dream of Red Mansions». *Modern Oriental Studies.* 2019; 1(2): 34-39

В литературоведческой синологии роман «Сон в красном тереме» (红楼梦) единодушно признан вершиной китайской литературной классики. Трактовка же предметной символики этого шедевра китайской литературы, её интерпретация в свете дальнейшей судьбы героев романа традиционно вызывает большой интерес как у китайских исследователей, так и у европейских учёных. По утверждению такого знатока романа, как Хэ Ань-пин (何安萍), в самом Китае этот аспект составляет значительную долю исследований в мире хун-сюэ (红学).

Что же касается отечественной синологии, то объём исследований, посвящённых роману Цао Сюэ-циня, можно назвать более чем скромным, учитывая тот факт, что перевод романа, выполненный В.А. Панасюком (1924 – 1990), был опубликован без малого 70 лет назад, и выдержал ряд переизданий. При этом все крупные работы о романе Цао Сюэ-циня на русском языке были написаны и опубликованы в России тремя учёными китайского происхождения, которые занимались им профессионально, не делая его, однако, единственной темой своих научных изысканий: О.М. Лин-Лин [2], Пан Ином [4] и Гао Хай-юн [1]. Прочие авторы в основном ограничивались обзорными работами, значительная часть которых была написана в период, отмеченный господством социологизаторского подхода в науке, что не могло не сказаться на качестве интерпретации образной системы романа. Символика, отражённая в произведении Цао-гуна, всё же была до некоторой степени разработана Л.П. Сычёвым [5; 6]. Им были сделаны интересные, хотя местами и спорные наблюдения, которые были подвергнуты весьма резкой критике со стороны О. Лин-Лин [3]. Не имея здесь возможности останавливаться на анализе этой любопытной полемики 45-летней давности, мы отсылаем заинтересованного читателя к соответствующим источникам, сами же ограничимся некоторыми наблюдениями, возникшими при прочтении оригинального текста романа.

Цао Сюэ-цин очень подробно описывает не только своих героев, но также и их предметный мир: убранство покоев, наряды, предметы быта, украшения, архитектуру. Большую роль в повествовании играет цветовая символика. Рассмотрим некоторые из этих аспектов на примере одного из главных женских персонажей романа – Сюэ Бао-чай (薛宝钗).

Для начала обратимся к 17-й главе, в которой Цзя Чжэн (贾政) с гостями, осматривая «Сад роскошных зрелищ», попадает в «Сад полли» (蘅芜苑), где живёт одна из главных героинь романа – барышня Сюэ. В тексте читаем: «...все направились к дому, вошли в ворота и тут неожиданно увидели перед собой изящную каменную горку, вокруг которой громоздились груды камней самой разнообразной и причудливой формы; эта горка заслоняла от взора вошедших все строения, скрытые в глубине двора. Ни деревьев, ни цветов здесь не было, зато повсюду росли самые удивительные травы: диковинные лианы и плющ свешивались с горки и пробивались между камней, обвивали колонны строений, опутывали ступени крыльца, ползли по крыше, изумрудными гирляндами колыхались в воздухе или переплетались между собой подобно золотым шнурам; некоторые из них цвели, и цветы эти напоминали не то киноварь, не то золотистую корицу и издавали такое благоухание, перед которым бледнел аромат обычных цветов» [7, с. 284].

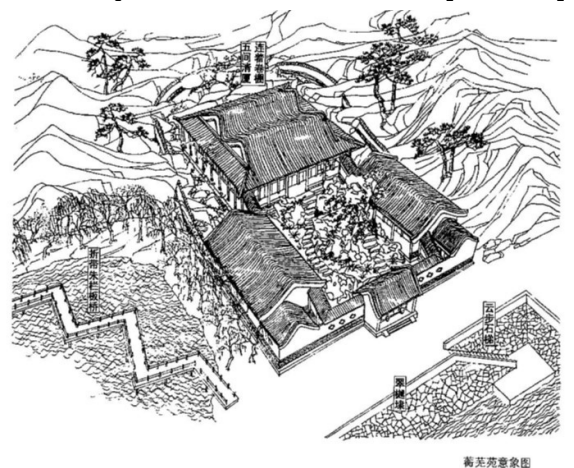

Рис.1 «Сад Полли» - покои Сюэ Бао-чай.

В саду нет ни одного растения, которое не являлось бы тем, что в китайском языке называется 藤蔓 – «лиана, лоза». Свойства растений из «Сада поллии» – это способность пробиваться сквозь препятствия, стремиться вверх, обвивая и оплетая колонны и камни, а так же сильный аромат и обладание лекарственными свойствами. Отражение этой символики мы находим в характере Бао-чай и её дальнейшей судьбе.

Действительно, у обедневшей семьи Сюэ было две возможности возвыситься. Отвергнув первый вариант (сделать её наложницей в императорском дворце), они все усилия устремили на второй: ввести её в семью Цзя и, выдав за Цзя Бао-юя (贾宝玉), в перспективе сделать хозяйкой дома.

Стремление растений вверх символизирует желание Сюэ Бао-чай поднять себя и, соответственно, свой род, вверх по социальной иерархии, а способность оплетать камни $\frac{3}{4}$ это стремление получить власть над Бао-юем (яшма 玉 является ключевым для символики этого персонажа). Аромат – это её добродетели, так ценные в доме Цзя и характеризующие идеальную супругу наследника богатого феодального рода. Что касается способности растений исцелять, то и здесь домашние полагали женитьбу на Бао-чай способом излечить Бао-юя от его «безумия».

Наряды, в которых Сюэ Бао-чай предстаёт перед внимательным читателем, в значительной мере выделяют её среди прочих обительниц «Сада роскошных зрелищ» (大观园). Особенно контрастно её облик смотрится на их фоне в 49-й главе. Так, обратим внимание на особенности наряда Линь Дай-юй (林黛玉), которые не заметны при чтении следующего русскоязычного перевода: «Дай-юй решила переодеться. Она натянула сапожки с узорами в виде золотых облаков, набросила на себя ярко-красную накидку из перьев аиста, подбитую мехом, подпоясалась поясом с золотыми и бирюзовыми украшениями и кольцами, затем

надела широкополую шляпу от снега...» [7, с. 686]. В этом отрывке переводчиком упущен ряд деталей, показывающих, что наряд Дай-юй действительно отличался и богатством, и яркостью. В оригинале романа автором для описания вышитых золотом сапожек барышни Линь использовано словосочетание хунсян янпи сяосюэ (红香羊皮小靴). Во времена Цао Сюэ-цин выделанная баранья кожа хунсян янпи (红香羊皮) ввозилась в Цинскую империю из Монголии и входила в реестр податных товаров. Что касается накидки ярко-красного цвета дахун (大红) из перьев аиста, то она была ещё и подбита белым песцовым мехом. Во времена Цао Сюэ-цин для изготовления такой одежды использовались не только перья птицы, но также и руно, что делало её более тёплой; к тому же, она обладала водоотталкивающим свойством. По свидетельству некоторых китайских учёных, такие накидки можно было увидеть на аристократах Поднебесной ещё в 30-х годах прошлого века.

Что же до пояса Линь Дай-юй, то В.А. Панасюк допускает неточность, переводя словосочетание цин цзинь шань люй (青金闪绿) как «бирюза и золото». Поскольку речь здесь идёт о предмете гардероба, необходимо переводить иероглиф цин (青) исключительно как «чёрный». Цин цзинь шань люй – это плетение из чёрных и золотых шнуров с пропущенными сквозь них зелёными нитями. Таким образом, мы видим на Дай-юй «поясок, плетённый из чёрных и золотых нитей с зеленоватым отливом шань люй (闪绿)». В оригинальном тексте произведения также отсутствуют всяческие «украшения и кольца», а есть поясная застёжка в виде благопожелательного символа шуанхуань сыхэ жуи (双环四合如意). Согласно канону, сапожки и накидка красного цвета дахун по цветовой гамме великолепно сочетались с чёрным цветом, более уместным здесь, чем бирюзовый, как в русском переводе. Как видим, перед нами $\frac{3}{4}$ юная девушка, безусловно и со вкусом одетая.

Что же касается остальных, то «одеты они были в накидки ярко-красного цвета из атласа и тонкого войлока» [8, с. 661]. В оригинале присутствует сочетание синсин чжань (猩猩毡), свидетельствующее о чрезвычайной дороговизне и богатстве этих одежд. Дело в том, что ткани для них окрашивались краской, производившейся из крови орангутанга синсин (猩猩), что уже само по себе делало их дорогостоящими. Среди присутствующих одна лишь Ли Вань (李纨) была одета в чёрное. Эту важную деталь переводчик романа на русский язык также оставил без внимания. Между тем, об этой героине автор сообщает следующее: «Ли Вань была дочерью известного чиновника из Цзиньлина. Её отца звали Ли Шоу-чжун, когда-то он занимал должность возлиятеля жертвенного вина в императорской академии Гоцзы-цзянь. Раньше в их роду все мужчины и женщины учились. Однако, начиная с Ли Шоу-чжуна, в отношении женщин стали придерживаться правила: «Чем меньше девушка талантлива, тем больше в ней добродетелей». Поэтому, когда родилась Ли Вань, ей не позволили учиться по-настоящему. Она прочла лишь «Четверокнижие для девушек» да «Жизнеописания знаменитых женщин», выучила кое-какие иероглифы и запомнила несколько имён мудрых и добродетельных женщин, живших при прежних династиях. На этом дело и кончилось. Главным занятием её сделалось прядение и рукоделие.... Рано потеряв мужа, Ли Вань, несмотря на то, что жила в довольстве и роскоши, исхудала, стала похожей на засохшее дерево или мёртвый пепел, перестала интересоваться окружающим. Всё её внимание сосредоточилось на воспитании сына и на служении родителям покойного мужа; в свободное время она вместе со служанками занималась вышиванием или читала вслух» [7, с. 67-68]. Несомненно, в сцене 49-й главы цвет одежд Ли Вань прямо указывает на её судьбу (в старом Китае вдовы в быту часто носили чёрное).

Как же была одета в тот день Бао-чай? В отличие от прочих девушек, Сюэ Бао-чай была одета в накидку из перьев пурпурного цвета. В русском переводе романа, цвету накидки лянцин (莲青) В.А. Панасюк подобрал дословный эквивалент «цвет свежего лотоса» (здесь читатель может задаться вопросом: что это $\frac{3}{4}$ лотос на рассвете, только что раскрывшийся, после дождя, белый, розовый?), что не верно, так как лянцин – это один из оттенков «пурпура»-цзы (紫). Хотя такой цвет считался благородным и дорогим, но на фоне других девушек, в одеждах которых преобладал яркий и праздничный красный цвет дахун (大红), её наряд выглядит очень сдержанно, если не сказать мрачно. Очевидно, что автор здесь намеренно приближает образ совсем ещё юной Сюэ Бао-чай к образу Ли Вань.

С другой стороны, для Бао-чай характерны бледные и холодные цвета, чему ярким примером является эпизод из 8-й главы: «На девушке был медового цвета ватный халат, тёмно-красная безрукавка, шитая золотыми и серебряными нитями, и немного поношенная юбка из набивного сатина цвета пожелтевшего лука. ...во всём изящество и простота» [7, с.127]. Имеющиеся в оригинале романа биномы михэ (蜜合) и цунхуан (葱黄) в русском издании переведены как «медовый» и «цвет пожелтевшего лука» соответственно. В китайском же языке цветообозначение 蜜合 обозначает «белый цвет с оттенком жёлтого»; а 葱黄 – это «жёлтый с лёгким оттенком зелёного» [9, с. 572, 133]. В старом Китае эти неброские цвета всегда считались скромными, «пресными» дань-я (淡雅) и едва ли подходили для девочки, подобной Сюэ Бао-чай по возрасту и положению.

Таким образом, в нарядах Сюэ Бао-чай доминируют бледные цвета тяготеющие к белому, а также цвета мрачные. Иногда, подобно Ли Вань, она появляется перед читателем в ношенной одежде.

При всём внешнем благополучии этого женского образа, созданного автором романа, такие мелочи лишают образ Бао-чай одномерности, придавая ему глубину, а у читателя складывается ощущение надвигающихся на героиню жизненных испытаний. Можно заключить, что в небольшом пейзаже, открывающемся читателю в «Саду полли», раскрывается характер Сюэ Бао-чай, а также её устремления и стремления её рода. С другой стороны, её наряды указывают на дальнейшую судьбу героини романа.

Подобные детали и нюансы предметного мира героев зачастую игнорируются исследователями и переводчиками знаменитого романа (не говоря уже о рядовом читателе) как на Западе, так и в самом Китае. Игнорируются с одной стороны как незначащие и перегружающие повествование элементы, с другой $\frac{3}{4}$ по причине того, что в сознании читателей они могут противоречить тем образам персонажей, которые создаются в процессе чтения. И в этой связи представляет интерес то, как такие видимые противоречия решаются китайскими режиссёрами в театре и кинематографе, а также на свитках и изображениях по мотивам романа. В обыденном сознании, красный цвет естественным образом ассоциируется с пылкостью, теплотой, здоровьем, а в Китае к тому же имеет массу благожелательных коннотаций, для чего существует даже специальный термин хунсэ вэньхуа (红色文化), т.н. «культура красного цвета». В то же время люди болезненные, вялые, замкнутые, склонные к задумчивости и меланхолии, подобные Дай-юй, выбирают цвета холодного спектра. Поэтому, практически во всех проанализированных нами постановках романа «Сон в красном тереме» в Китае, в одеждах Бао-чай доминирует красный цвет в различных вариациях и оттенках, в то время как в нарядах Линь Дай-юй преобладают холодные цвета. Вероятно, это до некоторой степени приближает образы двух героинь к зрите-

лю, делает их более понятными, лишая противоречий, присущих персонажам оригинала. Исключением является телеверсия этого произведения, вышедшая на экраны в 2010 году, в которой режиссёр Ли Шао-хун (李少红) поставила своей целью максимально точную передачу всех нюансов произведения Цао Сюэ-циня.

Наши наблюдения подтверждает и такой видный исследователь романа, как Лю Вань-ли (刘万里). В качестве примера он приводит выпущенный издательством «Народная литература» (人民文学出版社) сборник иллюстраций к роману. Линь Дай-юй изображена на них всего восемь раз. На шести изображениях в её наряде присутствуют белый и голубой цвета, на одном она облачена в белое и зелёное, и лишь на одной иллюстрации мы видим на ней элемент красного цвета – это всё та же красная накидка доу-пэн (斗篷). Сюэ Бао-чай в указанном сборнике появляется на четырёх картинах; на двух из них она носит одежды цвета 粉红 фэньхун (розовый), один раз предстаёт перед нами в одежде цвета 朱红 чжухун (ярко-красный, алый), один раз появляется в накидке чёрного цвета (青衫 цин шань) и красной юбке (红裙 хун цюнь). Как видим, в оригинале романа всё обстоит с точностью до наоборот. Любопытно, что именно тот вариант текста романа «Сон в красном тереме», который был подготовлен данным издательством, стал классическим и выдержал десятки переизданий.

Таким образом, вся сложность, но и вся прелесть романа скрывается в мелких деталях, которые зачастую опускаются в переводах на европейские языки. Многообразные и зачастую взаимоисключающие трактовки символики предметного мира романа, его открытость интерпретации приводят к необходимости многократного прочтения произведения Цао Сюэ-циня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гао Хай-юн. Трагические мотивы в романе Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме». Дисс.... кандидата филологических наук. М.: МГУ, 2001. 167 с.
2. Лин-Лин О.М. Новые герои в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме». Дисс.... кандидата филологических наук. М.: МГУ, 1972. 265 с.;
3. Лин-Лин О. М. К вопросу о символах в романе Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме» // Вестник Московского университета №1. М: МГУ, 1972. С. 55-61.
4. Пан Ин. Текстология китайского классического романа. СПб.: Нестор-История, 2008. 352 с.;
5. Сычѐв Л.П. Традиционная символика вещей и имѐн в романе Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме». / Проблемы Просвещения в мировой литературе. М: Наука, 1970. С. 261-266.
6. Сычѐв Л.П., Сычѐв В.Л., Костюм в романе Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме» / Китайский костюм: Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М: Наука, 1975. С. 81-90.
7. Цао Сюэ-цинь. Сон в красном тереме / пер. с кит. В.А. Панасюка. М.: Художественная литература, 1958.
8. 曹雪芹.红楼梦 (Cao Xueqin. Honglouloumeng). Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 2018.
9. 钟兆华,白维国.红楼梦语言词典 (Zhong Zhaohua, Bai Weiguo. Honglouloumeng yuyan cidian). Beijing: Shangwu yinshuguan, 1995.
4. Pan In. (2008) Tekstologiya kitajskogo klasicheskogo romana. [Pan Ying. Textology of the Chinese classical novel] Saint-Petersburg, Russia: Nestor-History, 352 p. (in Russ.)
5. Sychyov L.P. (1970) Tradicionnaya simvolika veshchej i imyon v romane Cao Syue-cinya «Son v krasnom tereme». [Sychev L. P. Traditional symbolism of things and names in Cao Xue-Qin's novel «A Dream of Red Mansions» / Problems of Education in world literature]. Moscow: Nauka, p. 261-266. (in Russ.)
6. Sychyov L.P., Sychyov V.L. (1975) Kostyum v romane Cao Syue-cinya «Son v krasnom tereme» [Sychev L. P., Sychev V. L., Costume in the novel by Cao Xue-Qin «A Dream of Red Mansions» / Chinese costume: Symbolism, history, interpretation in literature and art.] Moscow: Nauka, p. 81-90. (in Russ.)
7. Cao Syue-cin. (1958) Son v krasnom tereme [Cao Xueqin. A Dream of Red Mansions / tr. by V. A. Panasyuk.] Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (in Russ.)
8. Cao Xueqin. (2018) Honglouloumeng. [Cao Xueqin. A Dream of Red Mansions]. Beijing: Renmin wenxue chubanshe. 1602 p. (in Chin.)
9. Zhong Zhaohua, Bai Weiguo (1995) Honglouloumeng yuyan cidian [Zhong Zhaohua, Bai Weiguo. A Dream of Red Mansions: dictionary of words and expressions]. Beijing: Shangwu yinshuguan (in Chin.)

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN RUSSIAN CHINESE)

1. Gao Haj-yun. (2001) Tragicheskie motivy v romane Cao Syue-cinya «Son v krasnom tereme». [Gao Hai-Yun. The tragic events in the novel, Cao Xueqin's «A Dream of Red Mansions»]. Diss.... candidate of philology. Moscow: Moscow state University, 167 p. (in Russ.)
2. Lin-Lin O.M. (1972) Novye geroi v romane Cao Syuecinya «Son v krasnom tereme». [Ling-Ling O. M. New characters in Cao Xueqin's novel «A Dream of Red Mansions»]. Diss.... candidate of philology. M.: Moscow state University, 265 p. (in Russ.)
3. Lin-Lin O. M. (1972) K voprosu o simvolah v romane Cao Syue-cinya «Son v krasnom tereme» [Lin-Lin O. M. On the question of symbols in Cao Xue-

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander Osokin, Assistant Professor

Institute of Literature

Inner Mongolia Normal University, Hoh-hot (China)

alex.osockin2013@yandex.ru

Natalia Bryleva, Cand. Sc. in Culturology, Associate Professor

Department of Foreign Languages

Inner Mongolia Normal University, Hoh-hot (China)

nusferatu09@mail.ru

Принята к публикации: 01.11. 2019 г.

ОБРЯД ПОЧИТАНИЯ БОДХИСАТТВЫ КАННОН В ЯПОНИИ НАЧАЛА XIII В.:
ВЕРСИЯ ГЭДАЦУБО ДЗЁКЭЯ

THE RITUAL OF BODHISATTVA KANNON WORSHIP IN JAPAN
AT THE BEGINNING OF THE 13TH CENTURY:
GEDATSUBO JOKEI THREE-PART VERSION

Трубникова Надежда Николаевна

Школа актуальных гуманитарных исследований

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

trubnikovann@mail.ru

<https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann>

АННОТАЦИЯ

Обрядовые тексты ко:сики служат ценным источником для религиоведов и историков философской мысли: небольшие по объему и четко структурированные, памятники этого жанра дают ответ на вопрос, как в японском буддизме XI–XIII вв. объясняли почитание того или иного будды, бодхисаттвы, божества или святого. Одним из самых плодотворных авторов ко:сики был монах Дзё:кэй (1155–1213) – последовательный сторонник многообразия учений и обрядов, критик тех «исключительных» путей, которые требовали выбрать одну традицию и отказаться от прочих. Дзёкэй в этом тексте сводит воедино традиции, наиболее влиятельные в Японии в его время: «таинства», амидаизм, учение «Лotosовой сутры», совместное почитание богов и будд. Статья предваряет перевод «Каннон ко:сики».

Ключевые слова: японский буддизм, обрядовые правила ко:сики, бодхисаттва Каннон, Дзёкэй, школы города Нара, буддийские таинства, амидаизм.

Для цитирования: Трубникова Н.Н. Обряд почитания бодхисаттвы Каннон в Японии начала XIII в.: версия Гэдацубо Дзёкэя. *Современные востоковедческие исследования.* 2019; 1(2): 40-55

ABSTRACT

Kōshiki ritual texts serve as a valuable source for religious scholars and historians of philosophy: small in size and clearly structured, they provide an answer to the question, as Japanese Buddhists in 12th and 13th centuries explained the veneration of a particular buddha, bodhisattva, deity or holy teacher. One of the most prolific authors of kōshiki was Jōkei (1155–1213), a consistent supporter of a variety of teachings and rituals, a critic of “exceptional” ways that required choosing one tradition and abandoning the others. Jōkei in this text brings together the traditions most influential in Japan at his time: mikkyō, amidaism, the teachings of the Lotus Sūtra, Shinto-buddhist syncretic worship. The article introduces the translation of three-part Kannon kōshiki.

Key words: Japanese Buddhism, kōsiki, Bodhisattva Kannon, Jōkei, Nara schools, mikkyō, amidaism.

For citation: Trubnikova, Nadezhda N. “The ritual of Bodhisattva Kannon Worship in Japan at the Beginning of the 13th Century: Gedatsubō Jōkei Three-part Version”. *Modern Oriental Studies*, 2019; 1(2): 40-55

Японские средневековые «обрядовые правила» 講式, ко:сики, – настоящий подарок для религиоведа: большой корпус однотипных, формально схожих коротких текстов, посвящённых разным почитаемым существам, разным случаям, когда проводились буддийские обряды. На их основе легко вычленить общую структуру обряда, а также выделить отличия одних культов от других. Эти тексты показывают, как в тех или иных храмовых общинах теоретические положения учения применялись для обоснования повседневной практики, позволяют на живых примерах проследить соединение буддизма с почитанием местных богов ками. Без опоры на ко:сики трудно вообще судить, какие обряды действительно были в ходу в Японии и какой смысл в них принято было вкладывать. Такой взгляд в японской, а затем и в западной науке закрепился в конце XX в. и с некоторыми оговорками поддерживается и в наши дни. Тексты сведены в пополняемую базу данных [Гюльберг 1997]; обоснование их изучения как корпуса дано в книге [Gülberg 1999]. Переводы ко:сики и исследования по ним публикуются не только в специальных религиоведческих изданиях, но и в журнале «Monumenta Nipponica», а значит, жанр признан важным для изучения японской культуры в целом. Первые итоги исследований этого жанра подведены в специальном выпуске «Японского журнала по религиоведению» (Japanese Journal of Religious Studies) 2016 г., см.: [Ambros, Ford, Mross 2016]; на русском языке введение в тему ко:сики см. в статье: [Лепёхова 2019]. За двадцать лет работы исследователям пришлось пересмотреть некоторые исходные установки, в частности, ту, что главным назначением ко:сики было упростить обряд, чтобы привлечь в храмы прихожан-мирян, неискущённых в буддийской теории. Более веским сейчас признано предположение, что по

крайней мере некоторые тексты ко:сики не излагают простым языком уже известный обряд, а выстраивают новый, для нужд конкретной общины или даже одного конкретного подвижника. Но даже вводя нечто новое, ко:сики закрепляют его как отныне традиционное. Рамки традиции при этом могут охватывать буддийскую школу или группу единомышленников из разных школ; судя по тому, что обряды по ко:сики исполняются и в наши дни, порой авторам этих текстов действительно удавалось создать традицию. На русском языке переводы ко:сики пока не издавались, и мне бы хотелось восполнить этот пробел.

Термином ко:сики обозначают как обрядовые правила, так и ту разновидность буддийского обряда, которую они описывают. Обряд этот короче, чем обычные чтения сутр, включающие в себя не только воспроизведение канонического текста, но и его толкование, а также поклонение соответствующим буддам и богам, поднесение даров общине и др. Вместе с тем обряд ко:сики более строго структурирован, чем просто проповедь. Сики 式 здесь, собственно, значит «правильный», формализованный. Ко: 講 может пониматься как «чтения», «наставления», или же как название того сообщества, которое собралось слушать наставника. В этом смысле термин можно было бы перевести как «обрядовые правила общины такой-то», хотя и не всегда точно известно, в каком храме или сообществе появился тот или иной из дошедших до нас текстов ко:сики. Как указывает Томабэти Сэйити, в Японии чтения сутр при дворе и в крупных храмах предполагали диспут вокруг читаемого текста между монахами разных школ, и похожая полемическая составляющая есть и в ко:сики; выстроить свою традицию здесь значит отграничить её от прочих, указать, в каких вопросах «наша» община расходится с другими [Томабэти 1998].

Обряд ко:сики обычно строится вокруг величания одного из будд, бодхисаттв, богов, почитаемых наставников прошлых веков. Основную часть текста произносит руководитель обряда, «учитель Пути» 道師, до:си, он же «распорядитель» 式師, сикиси, на особый распев, а отдельные строки повторяют за ним все участники обряда. Тексты ко:сики как правило состоят из следующих частей: 1) вводное «объявление» цели обряда 表白, хё:бяку; 2) один или несколько «частей» 段, дан (три, пять, семь, иногда и больше), где говорится о самом почитаемом существе, его чудесных деяниях в мире в целом и в особенности в Японии; 3) «стихи» 伽陀, када, в конце каждой части, обычно четверостишия; 4) итоговое «обращение заслуг» 回向, эхо:, где участники говорят, на пользу кому они хотят передать благие последствия совершённого обряда. Именно такая структура отличает ко:сики от других обрядов. Внутри текста ремарки указывают, сколько раз повторяется тот или иной отрывок, какие слова следует произнести с поклоном, когда подносить дары и т.п. Во многих ко:сики «обращению заслуг» предшествует «божья часть» 神分, дзимбун, то есть моление к богам ками, а в самом конце даются краткие сведения о времени, месте и обстоятельствах составления текста. Ко:сики предполагает многократное воспроизведение, и в этом его главное отличие от жанра гаммон – «пожелания» по итогам уже состоявшегося обряда. Как правило текст ко:сики записан на китайском языке (камбун), он включает в себя отрывки из сутр и трактатов (цитаты и пересказы), а также величания почитаемого существа от лица общины и наставления, обращённые от чтеца к общине. При обряде этот текст читается по-японски; иногда уже и в записи текст частично

даётся на японском языке (например, когда прозаические величания дополняются стихотворными славословиями васан). Порой в текст включаются «заклятия» дарани, в этом случае предполагается, что иероглифами или азбукой записан санскритский текст; подобное многоязычие характерно для японской буддийской словесности в целом.

Первым образцом жанра считаются «Правила сосредоточения двадцати пяти», которые составил знаменитый наставник Гэнсин 源信 (942–1017) для основанной им общины почитателей будды Амиды. За ними последовали «Обрядовые правила [почитания] клятвы-обета [Амиды]» монаха Мё:кэна 明賢 (1026–1098) и «Обрядовые правила [тех, кто ищет] возрождения [в Чистой земле]» монаха Эйкана 永觀 (он же Ё:кан, 1033–1111). Все они принадлежат амидаистской традиции школы Тэндай. В начале XII в. несколько ко:сики составил Какубан 覺鑊 (1095–1143) из школы Сингон, в них речь уже идёт не только о почитании Амиды, но и об обрядах, обращённых к «светлым государям» и другим подателям чудесных сил, чтимым в буддийских «таинствах», а также к будущему будде Мироку, к бодхисаттве Дзидзо:, к Ко:бо:-дайси, он же Ку:кай, основателю школы Сингон, и др. А расцвет жанра приходится на рубеж XII–XIII вв., когда работали монахи Гэдацубо: Дзё:кэй 解脱房貞慶 (1155–1213) и Мё:эбо: Ко:бэн 明惠房高弁 (1173–1232).

Для японского буддизма это было время обновления, пересмотра почти всех прежних традиций. Появляется первое «исключительное» учение – Хо:нэн 法然 (1133–1212) проповедует, что в наступившем «злом веке» междоусобиц и всеобщего упадка никто не может полагаться на собственные силы, остаётся лишь довериться «силе Другого» и возложить

все надежды на возрождение в Чистой земле, в раю будды Амиды (Амитабхи). Если сам Хонэн и не учил, что почитание Амиды требует отказа от всех прочих обрядов, то многие поняли его именно так, и это шло вразрез с верой в Чистую землю традиции Тэндай, да и с остальными традициями японского буддизма. Дзёкэй долгое время был известен прежде всего как противник Хонэна, составитель «Прошения храма Кофукудзи» (興福寺奏状, «Ко:фукудзи со:дзё:», 1205 г.), где от имени монахов старых школ высказано требование остановить распространение нового учения, непочтительного и к «родным богам», и к Будде Сякамуни (Шакьямуни), и к другим буддам и бодхисаттвам, и ко всей японской общине с её многообразием обрядов, и к мирским властям, которые это многообразие поддерживают. Приверженцы радикального амидаизма и других «исключительных» традиций – включая дзэн – обычно представляют Дзёкэя ретроградом, сторонником того разложившегося буддизма, обновить который старались реформаторы (Хонэн, Синран, Догэн, Нитирэн). Однако судя по сочинениям Дзёкэя и по рассказам о нём, он сам видел необходимость перемен, пытался восстановить точное соблюдение монашеского устава, воссоздать общину в том виде, какой она была в древности – если не при Будде в Индии, то в Японии в пору её становления и расцвета. И хотя Дзёкэй в этом не слишком преуспел, его сочинения оказались важны для движения за возрождение уставов и заповедей, которое развернулось уже в XIII в.; см.: [Трубникова, Бабкова 2014, 57–60, 437–439].

Дзёкэй принадлежал к знатнейшему роду Фудзивара, хотя и к той его ветви, которая особенно пострадала в ходе междоусобиц середины XII в. Учёбу он начинал в храме Кофукудзи в городе Нара, родовом храме Фудзивара. Принято считать Дзёкэя продолжателем традиции школы Хоссо:, которая специализировалась на буд-

дийской теории познания, но, как было принято в городе Нара, он изучал наследие всех тамошних школ: учение о будде (Кэгон), об общинных уставах и заповедях (Рицу), о «пустоте» (Санрон), а также примыкающие к ним более специальные учения школ Куся и Дзё:дзицу. Жизнеописания рисуют Дзёкэя как монаха с очень тихим голосом, что мешало проповедовать и тем более выступать на диспутах, но говорят, что он был превосходным знатоком учения. В поучительных рассказах сэцува Дзёкэй предстаёт как любимец богов, особенно – небесных предков рода Фудзивара из святилища Касуга, близко связанного с храмом Кофукудзи. В 1180 г. храмы города Нара были сожжены в пору новой междоусобной войны, и с этих пор Дзёкэй не жил в больших храмах, а только в малых горных обителях; он отказался от карьеры исполнителя государственных обрядов 官僧, кансо:, и стал отшельником 遁世, тонсэй. Такой же путь – от яркого облачения «служилого монаха» к тёмному отшельничьему плащу – прошли многие его современники, включая Хонэна. При этом с храмом Кофукудзи Дзёкэй поддерживал связь, как и с другими храмами города Нара, с сообществом уцелевших учёных монахов; бывал он и в столице (Киото).

Для тех обителей, где жил в разные годы, Дзёкэй писал «обрядовые правила». Всего известно тридцать его текстов в жанре ко:сики. Среди них преобладают обращённые к будде Сякамуни, грядущему будде Мироку (Майтрейе) и бодхисаттве Каннон (Авалокитешваре). Как считает Дж. Форд, эти трое почитаемых у Дзёкэя соответствуют трём временам – прошлому, будущему и настоящему [Ford 2006, 78]. А Томабэти Сэйити видит здесь, скорее, три уровня: Сякамуни почитается как основатель всей общины, Мироку – как покровитель школы Хоссо, а Каннон как защитник храма Кофукудзи и святилища Касуга, а также их дочерних

малых общин [Томабэти 1998, 164]. Сохранились также ко:сики Дзёкэя о бодхисаттвах Дзидзо: (Кшитигарбхе), Кокудзо: (Акашагарбхе) и Мондзю (Манджушри), о богине Бэндзайтэн (Сарасвати), богах Касуга и другие. Такое многообразие для исследователей XX в. представляло проблему: как может один и тот же автор не просто исповедовать столь разные изводы веры, но ещё и в каждом случае величать то одного, то другого будду, бодхисаттву или бога главным спасителем людей? Объясняется ли это тем, что работал Дзёкэй по принципу «чего изволите», обращал свои навыки буддийского писателя на пользу разным общинам, но не верил сам в то, что пишет? Или же вся эта разноголосица как-то умещалась в пределах одной эклектической веры? Ведь Дзёкэй, в отличие от Какубана, даже не был учителем «тайнств» – той традиции, где великое множество почитаемых существ предстаёт как единый сонм, как серия воплощений одного вселенского будды, а соотношение между ними задаётся расстановкой изображений на обрядовой картине-мандале. До какого-то уровня (не высшего) Дзёкэй изучил «тайнства», как и все монахи – исполнители обряда («тайнства», собственно, и представляют собой прикладное буддийское учение об обряде), «тайные» мотивы звучат в его сочинениях. Но в том-то и дело, что его ко:сики обосновывают каждый обряд как самодостаточный, а не как часть культовой системы, единой для всей страны или для целого мироздания, как в «тайнствах». Если это и часть чего-то большего – то такая часть, которой одной хватит для спасения, даже если превратности «злого века» разорвут все связи данной малой общины со внешним миром. Современные историки буддийской мысли склоняются к тому, что многоверие в сочетании с автономностью отдельных культов принципиально для средневекового японского буддизма, и именно

в этом ключе следует рассматривать корпус ко:сики вообще и разработки Дзёкэя в частности.

Изучая корпус текстов ко:сики, интересно сравнивать тексты одного автора о разных буддах или бодхисаттвах, выделяя общие черты в разных культурах. Но не менее интересно сопоставлять каждый из текстов с памятниками других жанров, связанных с одним и тем же культом. Для некоторых почитаемых существ возможно выстроить подборку, где будет представлено всё жанровое разнообразие японской буддийской словесности: от учёных трактатов до приключенческих повестей, включая обрядовые «объявления» хё:бьяку и «пожелания» гаммон, храмовые предания энги, поучительные рассказы сэцува. Ниже я рассмотрю один из текстов ко:сики Дзёкэя и постараюсь показать в нём черты сходства и различия с другими сочинениями, посвящёнными бодхисаттве Каннон.

Несомненно, почитание Каннон принадлежит к числу самых развитых в Японии культов. Во многом здесь оно следует тем же установкам, что и в других странах (см.: [Поповцев 2011]), но имеет и особенности. Имя Авалоки-тешвара толкуется как Внимающий Звукам Мира (觀世音, Кандзэон) или Внимающий/Глядящий Свободно (觀自在, Кандзидзай); чаще встречается первый вариант в сокращённой форме Каннон. Хотя японоведы обычно пишут о Каннон в женском роде («милосердная Каннон» и т.п.), я кроме отдельных случаев предпочитаю говорить об этом бодхисаттве в мужском роде. Известные мне старояпонские тексты настаивают, что бодхисаттва может являться как в мужском, так и в женском обличье, в разных образах – человеческих, божественных, демонических – но чаще прочих описывают облик отрока или пожилого монаха.

Основу почитания Каннон составляет глава XXV «Лотосовой сутры», где перечислены

тридцать три облика бодхисаттвы, дан обширный список бед и страданий, от которых он спасает; передавать имя Кандзэон по-русски как «Внимающий Звукам Мира» предложил А.Н. Игнатович в переводе этой сутры. Для почитания Каннон важно не только учение «Лотосовой сутры» о подвижничестве бодхисаттв, о «милосердии», оно же «сострадание и жалость» 慈悲, дзихи, но также и учение об «уловках», «искусных способах» 方便, хо:бэн, которыми бодхисаттва ведёт людей к спасению, порой проводя через трудные испытания. Однако «Лотосовая сутра» – не единственный источник для культа Каннон. Не менее важны ещё три группы канонических текстов: сутры о Чистой земле, где бодхисаттва появляется как помощник будды Амиды (Амитабхи), провозглашает умерших в край Высшей Радости (Сукхавати), буддийский «рай»; сутры о «запредельной премудрости», праджня-парамите, где просветлённому взору Авалокитешвары открывается относительность любых определений, условность любых различий; «тайные» сутры, где обоснованы обряды почитания Каннон как Исполняющего желания, Одиннадцатиликого, Тысячерукого и др.. Разные традиции японского буддизма – амидаизм, дзэн, «тайнства» – чаще ссылаются на ту или другую группу сутр, но так или иначе учитывают их все. Что же до «Лотосовой сутры», то её учение о Каннон разрабатывают как наставники школы Тэндай, наиболее влиятельной в Японии в Средние века, так и последователи Нитирэна, который во второй половине XIII в. стал проповедовать «исключительное» почитание этой сутры. Особая роль в культе Каннон принадлежит «Сутре цветочного убранства», где юноша, странствуя в поисках учителя, посещает Фудараку (Поталаку) – чудесную гору Авалокитешвары. В Японии принято изображать Фудараку как гористый остров за южны-

ми морями; правда, некоторые горы в самой Японии порой отождествляются с ним; см.: [Трубникова 2018a]. «Отпечатками следов» Каннон называют многих богов ками, как в святилище Касуга, так и по всей стране.

База данных Н. Гюльберга насчитывает девятнадцать ко:сики о Каннон (№№ 064–080, 317, 371). Среди них есть обращённые и просто к Каннон, и к Исполняющему желания, Тысячерукому и Одиннадцатиликому. Список окажется ещё примерно втрое длиннее, если сюда же добавить правила обрядов почитания тех, кого отождествляют с Каннон, в том числе богов Касуга и святого мудреца Сё:току-тайси (см. о нём ниже). Дзёкэю принадлежат два «Каннон ко:сики» – текст 1201 года в трёх частях (№ 065 по базе данных Гюльберга) и текст того же года в пяти частях (№ 067); Дзёкэй в эту пору жил в храме Касаги-дэра 笠置寺 к северо-востоку от Нара (поселился он там в 1193 г.). Кроме того, Дзёкэй составил «Правила обряда встречи Каннон» в семи частях (№ 070) и «Правила обряда [Каннон] с жемчужиной исполнения желаний» в трёх частях (№ 075). В других жанрах Дзёкэй также писал о Внимающем Звукам, например, в сочинении «Бодхисаттва Кандзэон откликается на молитвы: выборка» см.: [Томимура 1976; Кусуноки 2010].

Я выбираю для перевода и разбора «Правила обряда Каннон» 1201 г. в трёх частях не только потому, что из перечисленных текстов Дзёкэя только этот включён в японский буддийский канон (ТСД 84, № 2728), но и потому, что по сравнению с другими он наиболее всеобъемлющий. «Каннон ко:сики» того же года в пяти частях предназначается для женщин и строится в основном на «Лотосовой сутре», а этот текст – на более широком круге источников и обращается ко всем людям. «Правила обряда Каннон» в трёх частях сохранились в нескольких рукописях, что говорит о популярности текста.

Я пользуюсь изданиями [ТСД 84, 886а–887с; Дзёкэй 2000, 161–176]. Отрывки из трёхчастного «Каннон ко:сики» переведены в книге Дж. Форда [Ford 2006, 92–94], а полный перевод, насколько я знаю, не публиковался. Подробный разбор текста дан в статье [Томабэти 1998].

Ниже я постараюсь проследить ход изложения у Дзёкэя и сопоставить его текст с другими известными мне сочинениями о Каннон.

Во введении Дзёкэй приводит слова самого бодхисаттвы, когда тот на горе Фудараку побуждает своих приверженцев почитать Будду Сякамуни. Тот обряд должен послужить образцом для обряда в храме, где место «главного почитаемого» 本尊, хондзон, занимает уже сам Каннон. Затем, как принято в ко:сики, Дзёкэй называет темы трех частей: 1) «причины», «основы» 道理, до:ри, для почитания Каннон; 2) «польза и выгода» 利益, рияку, от действий бодхисаттвы в здешнем мире; 3) его «руководство» 引攝, индзё:, на пути к будущему рождению. Для сравнения, в пятичастных «Каннон ко:сики» разбивка такая: бедствия, от которых защищает Каннон; избавление от бедности; избавление от алчности, гнева и глупости и помощь в смертный час; помощь каждому человеку сообразно его склонностям; обретение благого посмертия. В «Выборке» разделов шесть: помощь каждому по склонностям; защита от бед и обретение земных благ; защита в смертный час; встреча с буддами в будущей жизни; возрождение в Чистой земле; благие «уловки», что позволяют человеку встать на путь милосердия [Кусуноки 2010, 9].

В первой части трехчастных «Каннон ко:сики» Дзёкэй ставит вопрос, которого, насколько я знаю, обычно не касаются составители текстов о Каннон в жанрах гаммон, энги, сэцува и других: как Внимающий Звукам стал

бодхисаттвой? Обычно готовность Каннон помогать людям берётся как данность – следуя «Лотосовой сутре» и сутрам о Чистой земле, где предыстории у этого бодхисаттвы нет. У Дзёкэя такая предыстория есть, и выстроена она ожидаемым для слушателей способом: по той же модели, что и широко известная предыстория будды Амиды в амидаистских текстах. Как и Амиды, Каннон в своё время отказался становиться просветлённым, если не сможет дать людям таких-то благ (в случае Амиды – создать для них Чистую землю); этот «изначальный обет» 本願, хонган, исполнился, а значит, названные в нём блага людям обеспечены. В случае Каннон клятва говорит о помощи на пути через море страданий к «другому берегу», к освобождению. Текст клятвы восходит к не дошедшей до нас «Сутре о десяти великих обетах Внимающего Звукам Мира»; он сохранился в виде большой цитаты в сочинениях китайских наставников тех школ, чьи традиции продолжали в Японии школы города Нара, – у Цзи-цзана 吉藏 (549–623) и Хуэй-чжао 慧沼 (648–714); см.: [Курамото 2010]. Вы отступаете от учения о всеобщей причинно-следственной связи, от самой сути буддизма! – упрёк, который в Японии снова и снова звучал на монашеских диспутах, особенно когда одну сторону представляли наставники из Нара, а другую учителя школы Тэндай с их концепцией «исконной просветлённости», изначального, а значит, беспричинного тождества любого живого существа с буддой; см.: [Трубникова, Бабкова 2014]. Исходя из этого понятно, что Дзёкэй, отстаивая традицию старого буддизма, должен был даже в обрядовом тексте уделить место причинам милосердия Каннон.

Примечательно, что клятву свою будущий бодхисаттва произносит перед одним из будд прежних времён, которого тоже зовут

Авалокитешварой. Тем самым сутра даёт основу для двух взглядов на бодхисаттву: что его могущество, как и всё в мире, имеет причину, – и что Внимающий Звукам «был всегда», менял обличья, но кто-то под этим именем неизменно помогал людям. О множестве образов, какие принимает уже бодхисаттва Каннон, в этой части тоже говорится, хотя перечисления их и нет. Из всего многообразия обличий выделено лишь одно, и это – божество, а именно, «вечно новый» бог солнца. Дзёкэй подкрепляет отождествление Каннон с солнцем всего одним примером – и не из сутр, а из преданий китайской буддийской общины. Внимающий Звукам в пору засухи явился на солнечном диске Шань У-вэю 善無畏 (он же Шубхакарасимха, 637–735), одному из основателей «тайного учения» в Китае, когда тот молился о дожде. Тем самым почитание Каннон связывается с традицией «таинств».

Далее Дзёкэй говорит о том, как бодхисаттва пришёл в Японию. Это был не кто иной как царевич Сётоку-тайси 聖徳太子 (574–622) – важнейший деятель в истории японского государства, легендарный первый законодатель, образец сыновней преданности и прочих добродетелей. Традиция «почитания Царевича» 太子信仰, Тайси-синко:, к началу XIII в. насчитывала уже несколько столетий. Его чтители не только как верного приверженца Будды, победителя врагов буддизма, основателя многих храмов, но и как первого толкователя «Лотосовой сутры», как одного из первых японцев, возродившихся в Чистой земле, а также как чуждого мирских условностей подвижника дзэн, и при всём этом – как земное воплощение Каннон. Почти все перечисленные мотивы преданий о Сётоку встречаются уже в текстах XI–XII вв., в том числе в рассказах сэцува. В XIII в. разрабатывать и обосновывать культ Царевича будут приверженцы разных традиций, но осо-

бенно знамениты в дальнейшем станут тексты амидаистов, в том числе самых радикальных; см.: [Lee 2007]. В трёхчастных «Каннон ко:сики» Дзёкэй предлагает свою версию почитания Сётоку, указывая главные его заслуги: он чтит Будду Сякамуни, чьи «угли от костра» (санскр. шарира) чудесным образом явились в Японии; он открыл японцам путь в Чистую землю; он почитал местных богов, отождествляемых с буддами и бодхисаттвами согласно учению об «исконных ступенях и отпечатках следов» 本地垂迹, хондзи суйдзяку.

Примечательно, что здесь же, среди причин почитания Каннон, Дзёкэй называет и то, что обычай чтить Каннон и богов, чья «исконная ступень» – Каннон, уже принят всюду в Японии. Подобное обоснование традиции через неё саму встречается и в памятниках других жанров. Например, в «Преданиях храма Коккава» в том же ряду, что истории о чудесах Каннон (исцелениях и др.), стоят рассказы о том, как храм посещали знаменитые люди: отрекшиеся государи, сановники, праведные монахи, поэты; в этих рассказах не обязательно происходит какое-либо чудо. Общая вера в Каннон позволяет человеку «завязать связи» 結縁, кэтиэн, со всеми этими замечательными людьми прошлых веков, создаёт сообщество, принадлежать к которому не менее ценно, чем удостоиться милостей от бодхисаттвы; см.: [Трубникова 2018б].

Во второй части «Каннон ко:сики» тема традиции продолжается, здесь говорится, что Каннон почитают все от государя и высшей знати до простого народа, и особенно бедняки. Список бедствий, при которых помогает Каннон, здесь опять-таки не самый широко известный (не тот, что в «Лотосовой сутре»: спасение в морских водах и в огне, при грозе и при падении с высоты, от разбойников и от палачей и т.д.),

и всё же его можно назвать традиционным. В известных мне текстах о Каннон XII–XIII вв., особенно в рассказах сэцува, тема избавления от бедности звучит как одна из главных. У Дзёкэя особенную милость Каннон обретают также те, кто сам в одиночку заботится о стариках или детях, то есть добровольно обрекает себя на лишения ради ближних, и наоборот, те люди, чьи земные связи разорваны: слуги, оставшиеся без господина, покинутые супруги и др. Здесь перед нами своего рода самосрабатывающий текст: коль скоро он звучит на собрании общины, значит, любой из участников обряда уже не одинок, хотя на самом деле любого из людей можно назвать одиноким. Радуюсь весеннему солнышку или печалюсь на осеннем ветру, каждый порою жалел, что не кем разделить эту радость и печаль, чему свидетельством – вся поэтическая традиция Китая и Японии, к которой отсылает Дзёкэй.

В этой части ещё больше отсылки к «тайному учению»: говорится о чудотворных «заклетьях» (санскр. дхарани), упоминаются восемь обликов бодхисаттвы, чтимых в «тайнствах». Если первая часть представляла в основном старинное учение о Каннон, принятое в школах города Нара, то здесь Дзёкэй обращается к учению «тайной» школы Сингон, а также к учению Тэндай (шесть обликов Каннон). Эти две школы пришли в Японию позже, чем школы Нара, а следующий этап представлен учением о Чистых землях в третьей части «Каннон ко:сики». Можно сказать, что в пределах одного обряда разворачивается вся история Закона Будды в Японии от древности, от времён царевича Сётоку, и до недавней поры. Но это, вероятно, также означает, что Дзёкэй признаёт обращение к вере в Чистую землю в качестве насущной потребности (это не было прихотью Хонэна и его учеников, люди в такой вере действительно нуждаются) и приводит одну из версий учения о благом посмертии и о спасении «силой Другого», в данном случае соотносимую с почитанием Каннон.

Согласно третьей части текста, Глядящий Свободно помогает избавиться от помрачений и увидеть мир вокруг как любую из Чистых земель: как Орлиную гору Будды Шакьямуни, как небесную обитель Майтреи или край Высшей Радости будды Амитабхи. Однако у бодхисаттвы есть и своя Чистая земля, остров Фудараку. Рожденные на этом острове ещё не обретают освобождения, но уже могут без помех накапливать заслуги и милосердно помогать другим, уподобляясь Каннон, – так же, как в первой части бодхисаттвы уподобился будде Внимающему Звукам. Подобие человека и Каннон – нередкая тема «пожеланий» гаммон, особенно приуроченных к погребальным обрядам; см.: [Трубникова 2019]. У Дзёкэя мы видим ту же мысль, только не в виде констатации (всей жизнью человек доказал, что шёл путём бодхисаттвы), а в виде предписания. Само по себе деление обряда на две части – милости Каннон для нынешней жизни и для будущей – также традиционно, похожую двухчастную композицию мы находим, например, в «Преданиях храма Кокава».

Подводя итог, можно сказать, что «Каннон ко:сики» Дзёкэя в трёх частях осмысляет традицию почитания Каннон в русле старинных буддийских учений города Нара. Для него важно, что в познавательном опыте непросветлённого человека уже присутствует Внимающий Звук – будь то солнечный свет, где-то слышанные имена и величания, обыденные знания о том, в какие храмы ходят люди, или же собственный опыт деятельного милосердия. Обряд помогает осознать и упорядочить весь этот опыт, и сделать это возможно без обращения к теоретическим выкладкам, просто за счёт краткого перечисления того, чего человек ждёт от бодхисаттвы. Вместе с тем, жанр ко:сики позволяет соединить веру обычных людей и знания из редких текстов канона, а тем самым упрочить связь между обиходной и учёной традициями.

Правила обряда Внимающего Звукам

觀音講式, «Каннон ко:сики»

(Общий поклон)

*Почтительно приветствуем почитаемых
небожителей и великих просветленных!*

*Много их, как песчинок в Ганге, счастье
их и мудрость совершенно-полны,*

*Причины совершенны, плоды обретенны,
достигнуто истинное просветление,*

*Вечное, прочное, такое, что не пройдёт
и не придёт!*

*Славим, склоняя головы и ища прибежища,
бодхисаттву, Дарующего Бесстрашие,
великого святого, Глядящего Свободно!*

(Повторяем трижды)

С почтением говорю:

*О, великий милостивый господин учения, Сяка-
муни, Пришедший своим путём!*

*О, Три Сокровища всюду в трёх мирах
на десяти сторонах!*

*И меж ними – Великий Сострадательный, Вели-
кий Милосердный, наш почитаемый, Глядящий
Свободно!*

*На горе Фудараку он говорит бесчисленной тол-
пе святых:*

*– Ныне, о ученики, перед главным почитаемым
мы зажжём благовония, рассыплем цветы,
не сходя с места, выслушаем наставление,
и станем молиться о желаниях нынешней жиз-
ни и будущей!*

Не такова ли и наша решимость?

*У великих святых заслуги бывают соразмерны
тому или этому веку, но в том, как глубоко свя-
зан с каждым из нас, как часто приносит пользу
всем живым, – в этом всё-таки нет равных Вни-
мающему Звукам, его милосердным обетам! Ве-*

*ру в сердце сам устроит, жажду-желания нако-
нец прекратит. Итак, исполним наш замысел,
развернём его величание! Вначале проясним, по-
чему мы ищем у него прибежища на всю жизнь,
затем восславим его за всяческую пользу, что
он приносит, и наконец, помолимся, чтобы он
вёл нас в будущей жизни. Желаем лишь одного:
обрести милость Великого Милосердного!*

Первая часть. Проясняем, почему у него мы
ищем прибежища на всю жизнь.

*В сутре ставится вопрос: почему Внимающий
Звукам всюду крепко связан со всеми в этом ми-
ре? И дается ответ: в старину в одной стране
был царь, звали его – Всем Голова. У него было
пятьсот сыновей. Старшего звали Благой Свет.
Перед буддой, чьё имя – Царь Пустоты, Внимаю-
щий Звукам Мира, царевич дал десять великих
обетов. Первый: полностью понять Закон, –
и далее вплоть до десятого: стать равным те-
лу, чья природа – Закон. Так сказано. Царевич
дал крепкую клятву:*

*– Пусть в будущем меня тоже назовут Внимаю-
щим Звукам Мира! И если кто из страждущих
трижды позовёт меня по имени, а я не окажусь
рядом и не спасу его, – да не обрету я истинного
просветления!*

*Так он сказал. И с давних пор он всё так же креп-
ко верен исконному обету, всюду и всегда готов
откликнуться. Множество бодхисаттв издав-
на обитает в нашем мире Сяба, но лишь его зо-
вут Дарующим Бесстрашие.*

*Итак, сообразно нашим склонностям, следуя
связям, он является во многих разных образах.
Созерцает всё явственно, являет чудесные си-
лы, такие, что трудно понять. Только будды
озаряют нас таким сияньем! Что за свет в ми-
ре самый достохвальный, ясный перед глазами у
каждого? В этом ничто не превзойдёт солнца,
луны и звёзд. И среди этих трёх светил в теле
Солнца, дитяти богов, воплощён Внимающий
Звукам! Так воистину следует из слов сутр.*

В старину Шань У-вэй, Переводчик, молился о дожде, и Внимающий Звукам сам вышел из солнечного круга и пролил воду из чаши. Таково одно из свидетельств его чудес.

И конечно, в нашей стране: здесь истоки не таковы, как в других странах, надо расспросить – и уверуем! Ибо царевич Сётоку, чтобы распространить Закон Будды, явился за море на восток. Впервые построил сорок шесть обителей, постепенно обратил в монахи и монахини тысячу триста человек. Ещё во чреве милосердной матери читил он угли от костра Сякамуни, глазам простых людей явил Восточные врата Чистой земли – ведь это он! Знал уловки Внимающего Звукам, Спасителя Мира, и всё же сам отправился за дальние пределы, в окраинные земли, подобные зёрнышкам проса. Вполне понимал и милости, и заслуги, на виду у всех сам обратился к тем святым следам. И кто не верил, чьи взоры были мутны – даже они не смогли сдержать слёз благодарной радости!

Но не только тогда: в наши дни от цветущей столицы и до дальних дикарских уделов¹, на вершинах высоких гор и на дне глубоких долин – всюду Внимающий Звукам во множестве являет чудеса. В святилищах светлые боги берут начало от разных будд, но где чудесный свет особенно ярк – там отпечатан след Внимающего Звукам! Из рождённых в нашей стране – разве кто сомневается, что Внимающий Звукам готов нам помочь, связан с нами?²

В стихах говорится:

Чудесные силы совершенны, как у божества,

Широки умение, знание, уловки,

На десяти сторонах, во все страны и земли

Неуничтожимый, не является ли он сам?

Да славится Великий Сострадательный,

Великий Милосердный, наш почитаемый,

Глядящий Свободно! Обет, что дал он

в сердце своём, исполнен в точности!

(Все вместе повторяем трижды)

Вторая часть. *Славим его за всяческую пользу, что он приносит.*

Человек живёт в мире – нет единства в его помыслах. То молит о счастье, то молит о долготелетии, то ищет чинов, то ищет сынов. Как придёт срок, просит исцелить от недугов, избавиться от бед. А кому-то грозят проклятия, гнев врагов. Одолеть всё это человек не в силах, обо всём молится буддам и богам. И конечно, кто ищет пути к избавлению от грехов, ко благой жизни, думает, как воздать за милости и принести пользу другим, – тот ничего не достигнет в мирских пределах, отдаляясь от Трёх Сокровищ. И хотя у всех будд и бодхисаттв исконные милосердные обеты воистину равны, всё же заслуги и милости бывают больше или меньше. А для Внимающего Звукам, Великого Мужа, в нынешнем веке и в будущем, в здешнем мире и на пути прочь из мира нет дел, каких бы он не устроил, нет желаний, каких бы не исполнил. Не потому ли он является в образах шести Внимающих Звукам, восьми Великих Внимающих Звукам? Выявляет заслуги, и число их разновидностей – не одна! У нас и у других пока не слышали, чтобы среди великих святых кто-то другой действовал так же. И у всей этой толпы достойных, что идут вместе, всё обустроено. Из них Тысячерукий каждой рукою подаёт разные заслуги. Свойства наши различны, но к каждому Одиннадцатиликий обращён одним из ликов. Если тщательно изучить, сущность их едина, та же, что у всех почитаемых.

И к тому же Внимающий Звукам сам говорит Будде:

– Среди чудесных заклятий, что держат все бодхисаттвы и святые, моё – первое, выше его нет! – так он говорит.

¹ До областей, где живут эмиси, потомки покорённого народа северо-восточной Японии.

² Разве кто-то сомневается в его 機縁, киэн.

Закон Будды дает мало заслуг, пользу приносит нескоро, а тайные чудесные заклęcia в этом непревзойдённы. И среди них заклęcia Внимающего Звукам – первые. Из десяти тысяч деяний бодхисаттв первейшее – великое милосердие, а Внимающий Звукам собирает воедино великое милосердие всех будд. Чудесные силы его обращены на пользу живым – надо в них верить! Ибо от государя, исполнившего десять благих дел, и до четырёх частей общины, от высших, что сокрыты за жемчужными занавесями, до низших, кто живёт за плетёными дверьми, – все помещают в храмы изваяния почитаемых, все читают свитки сутр, и из десяти человек восемь или девять обращаются не к кому иному, как ко Внимающему Звукам. А особенно – те семьи, что влачат жизнь в бедности, та братия, что прозябает в ничтожестве. Кто в одиночку заботится о престарелых родных, кто у кого на руках плачут малые дети. Или когда господин и слуга полагаются друг на друга – и не исполняют долга взаимной заботы; или когда супруги связаны клятвой – и вдруг изменяют своей решимости быть вместе до старости. У чьих ворот не видно людского следа, и лишь весной заглядывает солнце; в чьих домах не дымятся очаги, и лишь осенью задувает холодный ветер. Вот такие бедные, убогие, одинокие, печальные, измученные, когда на дне сердца скорбь глубока, а извне тело истерзано горестями – лишь только они взглянут на милостивый лик Внимающего Звукам, лишь только вспомнят о клятве Великого Милосердного – он тотчас же небесным слухом услышит их голоса, оком Пути осветит их сердца! Его милосердие глубже материнского милосердия, сострадание выше отцовского сострадания. Пусть воздаяние за прежние их дела таково, что трудно помочь им сразу, – но польза достаточна, ни для кого не напрасна. Откуда бы ни узнали о том, из ближних и дальних мест прихо-

дят пешком знатные и простые, собираются толпами. Людей столько – некуда воткнуть шило! Повозок столько – негде развернуть оглобли! Из всех обычаев нашей страны к этому привыкли издавна, но даже когда советуют родные, даже когда велит государь, люди порой противятся – таковы их сердца. Если нам самим нечем откликнуться – величайшая польза в мире окажется малой. Кто в помрачении не терял веру, кто понапрасну не лишился заслуг! Нужно на земле чудес, где нет помех, понять и усвоить это!

В стихах говорится:

В каждый миг жизни – не сомневайся!

*Чистота и святость Внимающего Звукам
Мира*

В страданиях жизни и смерти

Смогут создать тебе опору!

*Да славится Великий Сострадательный,
Великий Милосердный, наш почитаемый,
Глядящий Свободно! Обет, что дал он
в сердце своём, исполнен в точности!*

(Все вместе повторяем трижды)

Третья часть. Молим, чтобы вёл он нас в будущем веке.

Обычай глупцов – совершать одни лишь грехи. Всю жизнь словно бы спим – и вот уже река с тремя переправами... Грехи-помехи глубоки, но не выходят за пределы трёх ядов. Три яда – это, как сказано, алчность, гнев и глупость. Кто часто поддается им, если будет постоянно памятовать о Внимающем Звукам, в итоге от всех них отдалится. Корни и ствол – и те погибнут, а ветки и листья – и подавно. Злые деяния исчезнут – откуда ж возьмутся дурные плоды? В сутре об Исполняющем желания сказано:

– С нынешнего дня и до тех пор, пока не станете буддами, вы не падёте на дурные пути, постоянно будете рождаться там, где есть будды!

В этой записи сказано всё, что важно для будущего рождения. И ещё сказано:

– Если день за днём повторять заветное по сто восемь раз, тот тут же и увидишь бодхисаттву Глядящего Свободно, и он спросит: какое желание ты хочешь исполнить? Я всё дам тебе.

Сам будда Амида явится воочию, взору откроется всё величие Чистой земли Высшей Радости. И видны станут все будды на десяти сторонах. И видна гора Фудараку, обитель Глядящего Свободно. Так сказано. Именно так, когда благодарно чтить Великого Милосердного, когда доверишься молитве желания сердца, – тут-то и Святая гора, чистая земля Великого учителя Сякамуни, и внутренняя молельня неба Тосоцу почитаемого милосердного Мироку, чудом открываются тебе, и, не покидая этого тела, ты их видишь, чудомходишь в их пределы. Какие заслуги сравнятся с этой? Такое – в нынешнем теле! Что уж и говорить о верной встрече в будущем веке!

И ещё: когда мы возрождаемся в западной стороне, исполняется Изначальный обет. Амида – исконный учитель Внимающего Звукам. А Внимающий Звукам – помощник для тех, кто рождается в краю Высшей Радости. Он непременно приходит вместе с толпой святых, сам несёт лotosовое сиденье и нас на нём уносит. Желание его – только это:

– Чьи деяния ещё не исчерпаны, кто пока не готов возродиться [в Чистой земле], тот пусть родится сначала на горе Фудараку!

Эта гора – к юго-западу отсюда, посреди великого моря. Цветы в рощах, плоды на деревьях – всё сияет такими красками, как россыпи драгоценных камней. Вода в прудах, потоки родников – таких не встретишь в мире людей! На той горе все птицы обличьем чудесны, наделены ми-

лосердием, голоса их даруют радость. Есть там алмазный драгоценный камень-цветок, Внимающий Звукам на нём восседает. И все бесчисленные бодхисаттвы восседают на драгоценных камнях. Небожители, драконы, боги, бессмертные – все с почтением внимают Закону. Есть там палаты и дворцы, высокие башни – и каждое здание великолепно. Где просторно, а где тесно, и всё же глядишь – не это ли Чистая земля, не похожа ли? Это мир Сяба – но это не мир Сяба: кто из мудрых и святых не возрадуется ей? Это Чистая земля – но это не Чистая земля: простые люди воистину легко возродятся там. Внимающий Звукам сам говорит, побуждая к подвижничеству:

– Воистину, вы здесь родитесь, в чистом краю будд, и вместе со мной совершите деяния бодхисаттвы! – так он говорит. – Это моя Чистая земля, край Высшей Радости в западной стороне далёк отсюда, а гора Фудараку – вот она!

Эти дела бодхисаттвы – врата Закона исконного обета и великого милосердия Внимающего Звукам. Начиная с нынешних наших отцов и матерей, родных и близких, и вплоть до тех, кто в прежние века были нашими мудрыми друзьями, кого мы любим и благодарно чтим, – вместе со всеми ними мы на той горе пройдем Путь Будды. Таковы уловки Великого Святого – кто мог бы в них усомниться! Пусть же у нас, как у Внимающего Звукам, тоже пробудится безусловное милосердие и сострадание! Пусть, как и Внимающий Звукам, мы тоже обретём неизмеримые заслуги! И пусть все живые существа тоже уподобятся Внимающему Звукам Мира!

В стихах говорится:

*Мы точно родимся там, в чистом краю будд,
Вместе свершим деяния бодхисаттв,
Ибо наш Великий Милосердный, Глядящий Свободно,
Уже всего этого достиг!*

Пусть же такие заслуги

Обретём и мы все,

Пусть мы и все живые существа

Вместе пройдем Путь Будды!

*Да славится Великий Сострадательный,
Великий Милосердный, наш почитаемый,
Глядящий Свободно! Обет, что дал
он в сердце своём, исполнен в точности!*

(Все вместе повторяем трижды)

*(Далее следуют часть для богов и обращение
заслуг от шести видов приношений)*

*Почтение Трём Сокровищам! Почтение святым
мудрецам! Почтение Пришедшему своим путём,
царю, чьё сияние величаво и всеохватно, как мо-
ре! Почтение всем пришедшим своим путём, рав-
но просветлённым, чей отклик верен! Почтение
святому, Глядящему Свободно, бодхисаттве-
махасаттве, Великому Милосердному!*

(Великое заклятие Внимающего Звукам)

*Записано в первый год Кэннин [1201 г.] в два-
дцать третий день пятого месяца ради мирян,
мужчин и женщин, во исполнение особого обета.
Эти строки ничтожны, но решимость
не напрасна! Вообще указания для молитв
о здешнем мире и о выходе из мира в наш век раз-
личны, задействуют по отдельности разных
главных почитаемых. Основа их истинна, однако
многие ради нынешней жизни глубоко уходят
в молитвы одному будде или бодхисаттве и об-
ретают заслуги, а другие молятся главному по-
читаемому лишь о будущем веке. Что же до Вни-
мающего Звукам, то его обеты – для двух веков,
сообразны тому и этому. Хотя он и прекращает
стремление к славе и выгоде, ради пользы жи-
вых нужно особенно чтить его клятву, – так
сказано. А что до горы Фудараку, то тех, кто
стремится туда, разве так уж мало? Ради Выс-
шей Радости эта уловка особенно подходит.*

*При государе Итидзё-ин в краю Ава досточтимый
Катё глубоко ушёл в молитвы о той горе, и ему
было видение во сне. В третий год Тёхо [1001 г.]*

*в восемнадцатый день восьмого месяца он от за-
лива Мурото в краю Тоса с одним учеником он пу-
стился в путь. Их лодка понеслась по течению
к югу, несомая девой-драконом, они вверили тела
свои ветру страны ракшас, не жалели жизни
в жарком море, но достигли желаемого. Что уж
говорить об уловках Великого Святого! Неужели
тех мест нельзя достичь?! Так – с нынешним те-
лом. А уж в будущей жизни – неужто свет его по-
гаснет? В старину решимость у людей и обеты
были крепки – вот почему. Нам же недостаёт
храбрости – стыдно и жалко!*

Шрамана Дзёкэй из храма Касаги

ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДЫ

1. Дзёкэй 2000 – Дзё:кэй ко:сики-сю: 貞慶講式集 [Собрание текстов Дзёкэя в жанре ко:сики]. Под ред. Ямада Сё:дзэн 山田昭全, Симидзу Ко:сэй 清水宥聖. Токио: Санкибо: буссёрин 山喜房仏書林, 2000. ISBN: 479630097X Yamada Shōzen, Shimizu Kōsei, eds. (2000) Jōkei kōshiki shū, Sankibō Busshorin, Tokyo (in Japanese).
2. Гюльберг 1997 – Gülberg N. Ко:сики да-табэсу 講式データベース [База данных по ко:сики] URL: <http://www.f.waseda.jp/guelberg/koshiki/kdb/main/kdindex.htm> Gülberg, Niels (1997) Kōshiki database.
3. ТСД – Тайсё: синсю: дайдзо:кё: 大正新脩大藏經 [Большое собрание сутр, заново составленное в годы Тайсё]. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> Chinese Buddhist Canon, Taishō Edition, Digital Text.
4. Лотосовая сутра 1998 — Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. Издание подготовил А.Н. Игнатович. М.: Ладомир, 1998. Lotus

Sūtra, Russian Translation.

- ИСКБ 1999 — Избранные сутры китайского буддизма. Перевод с китайского Д.В. Поповцева, К.Ю. Солонина, Е.А. Торчинова. СПб., 1999. Selected Sūtras from Chinese Canon, Russian Translation.

ССЫЛКИ

- Курамото 2010 – Курамото Сё:току 倉本尚徳. Тю:гоку-ни окэру Каннон синко:-но тэнкай-но итиёсё: – «Кандзэон дзю:дайганкё:»-то Кандзэон буцу 中國における観音信仰の展開の様相 : 『観世音十大願經』と「観世音佛」 [Один из аспектов развития веры в Гуаньинь в Китае: «Сутра о десяти великих обетах Внимающего Звукам Мира» и будда Гуаньшинь] // Рю:коку дайгаку адзиа буккё: бунка кэнкю: сэнта кэнкю: хо: кокусё 龍谷大学アジア仏教文化研究センター研究報告書. 2010. С. 117–132.
- Кусуноки 2010 – Кусуноки Дзюнсё:. Дзё:кэй Каннон синко: сайко: – синсирё: «Кандзэон босацу канно:сё:»-о тю:син то ситэ 貞慶の観音信仰再考 : 新資料『観世音菩薩感應抄』を中心として [Снова о вере в Каннон у Дзёкэя – по вновь найденному тексту «Бодхисаттва Кандзэон откликается на молитвы: выборка»] // Interdisciplinary Studies of Japanese Buddhism. 2010. Вып. 8(0). С. 9–29.
- Лепёхова 2019 – Лепёхова Е.С. Образ Рахулы в японских ритуальных текстах косики // Религиоведение. 2019. № 2. С. 79–86. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.2.77-84
- Мещеряков 2012 – Размер имеет значение: Эволюция понятия «островная страна» в японской культуре // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 72–84.
- Поповцев 2011 – Поповцев, Д.В. Бодхисаттва Авалокитешвара. История формирования и развития махаянского культа. СПб.: Евразия, 2011.

- Томабэти 1998 – Томабэти Сэйити 苦米地誠一. Гэдацубо: Дзё:кэй-но «Каннон ко:сики»-ни цуйтэ – миккё: Дзё:до синко:-о мэгуттэ 解脱房貞慶の『観音講式』について : 密教浄土教信仰をめぐる [«Правила обряда Каннон» Гэдацубо Дзёкэя – о «тайной» вере в Чистые земли] // Тисан гакухо: 智山学報. 1998. Вып. 47. С. 143–180.
- Томимура 1976 – Томимура Такафуми 富村孝文. Гэдацу-сё:нин то Каннон синко: 解脱上人と観音信仰 [Досточтимый Гэдацу и вера в Каннон] // Риссё: дайгаку сигакукай. 1976. Вып. 40. С. 21–32.
- Трубникова 2018а – Трубникова Н.Н. Остров среди гор: Кукай о горе Фудараку в Японии // Религиоведение. 2018. № 2. С. 30–42.
- Трубникова 2018б – Трубникова Н.Н. Чудеса бодхисаттвы Каннон в «Преданиях храма Кокава». Предания храма Кокава. Перевод и комментарии Н. Н. Трубниковой // История и культура Японии 11. СПб.: Гиперион, 2018. С. 76–129.
- Трубникова 2019 – Бодхисаттва во плоти: запись о поминовении принцессы Сонси // Религиоведение. 2019. № 2. С. 66–76.
- Трубникова, Бабкова 2014 – Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XIII-XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
(Ссылки на издания на европейских языках см. в разделе «References»)

REFERENCES

- Ambros, Barbara R., Ford, James L., Mross, Michaela (2016) “Editors’ Introduction. Kōshiki in Japanese Buddhism”, Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 43/1, pp. 1–15. <http://dx.doi.org/10.18874/jjrs.43.1.2016.1-15>.

2. Ford, James L. (2006) "Competing with Amida: A study and translation of Jōkei's Miroku kōshiki", *Monumenta Nipponica*, Vol. 60, pp. 43–79.
3. Ford, James L. (2006) *Jōkei and Buddhist Devotion in Early Medieval Japan*, Oxford University Press, New York.
4. Gülberg, Niels (1999) *Buddhistische Zeremoniale (Kōshiki) und ihre Bedeutung für die Literatur des japanischen Mittelalters*, Franz Steiner Verlag, Stuttgart.
5. Kuramoyo, Shotoku (2010) "To the Evolution of Avalokiteśvara Cult in China: Guanshiyin shidayuan jing and Avalokiteśvara Buddha", *Ryukoku University Research Center for Buddhist Cultures in Asia Research Reports*, pp. 117–132 (in Japanese).
6. Kusunoki, Junshō (2010) "Reevaluating Jōkei's Worship for Kannon Bodhisattva: Centering on the Newly Discovered, Kanzeon-bosatsu kannō-shō", *Interdisciplinary Studies of Japanese Buddhism*, Vol. 8(0), pp. 9–29 (in Japanese).
7. Lee, Kenneth Doo Young (2007) *The prince and the monk: Shōtoku worship in Shinran's Buddhism*, SUNY Press, New York.
8. Lepekhova, Elena S. (2019) "The Image of Rahula in Japanese Ritual Texts Koshiki", *Religiovedenie*, Vol. 2 (2019), pp. 77–86.
9. Meshcheryakov, Alexander N. (2012) 'Size does Matter. The Evolution of the Concept of "Island Nation" in Japanese Culture', *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 92012), pp. 72–84 (in Russian).
10. Popovtsev, Dmitriy V. (2011) *Avalokiteśvara Bodhisattva. History of Formation and Evolution of Mahayana Cult, Eurasia*, Saint Petersburg (in Russian).
11. Quinter, David (2014) "Localizing strategies: Eison and the Shōtoku Taishi cult", *Monumenta Nipponica*, – 2014. – № 69. – P. 153–219.
12. Quinter, David (2016) "Materializing and Performing Prajñā. Jōkei's Mañjuśrī Faith and the Kasagidera Restoration", *Japanese Journal of Religious Studies*, Vol. 43/1, pp. 17–54. <http://dx.doi.org/10.18874/jjrs.43.1.2016.17-54>
13. Tomabechi, Seiichi (1998) 'A Study on the "Kannonkōshiki" written by Jōkei : On the thoughts of Rebirth in Buddhas' Paradieses (buddha-ksetresu pariguddhisu, in generally, translated to "Pure Land") and so on in the esoteric Buddhism', *The Chisan Gakuho Journal*, Vol. 47(0), pp. 143–180 (in Japanese).
14. Tomimura, Takafumi (1976) "'Gedatsu shonin and Kannon Faith", *The Historical reports of Rissho Univeersity*, Vol. 40, pp. 21–32 (in Japanese).
15. Trubnikova, Nadezhda N. (2018) "Kannon Miracles in Kokawadera-engi", *History and Culture of Japan 11*, Giperion, Saint Petersburg, pp. 76–129 (in Russian).
16. Trubnikova, Nadezhda N. (2018) *Island among the Mountains: Kūkai on Fudaraku Peak in Jaban*, *Religiovedenie*, Vol. 2 (2018), pp. 30–42 (in Russian).
17. Trubnikova, Nadezhda N. (2019) *Incarnated Bodhisattva: a Record of the Commemoration of Princess Sonshi*, *Religiovedenie*, Vol. 2 (2019), pp. 66–76 (in Russian).
18. Trubnikova, Nadezhda N., Babkova, Maya V. (2014) *Japanese Religious Philosophy in 13th – 14th Centuries: Renewing Traditions*, *Politicheskaya enciklopediya*, Moscow (in Russian).

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Trubnikova N. N.

DSc in Philosophy, leading researcher,
SASH RANEPА, professor, IAAS MSU

Принята к публикации: 10.10.2019

**СТАТЬЯ БОННЕРА Ф. ФЕЛЛЕРСА «HIROHITO'S STRUGGLE TO SURRENDER»
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗИЦИИ РУКОВОДСТВА США
В ОТНОШЕНИИ ИМПЕРАТОРА ЯПОНИИ ХИРОХИТО**

**BONNER F. FELLERS' ARTICLE "HIROHITO'S STRUGGLE TO SURRENDER"
AS A SOURCE FOR STUDYING THE US POSITION REGARDING
THE EMPEROR OF JAPAN HIROHITO**

*Лестев Антон Евгеньевич, канд. ист. наук
ООО «АЕЛ Эксперт», Институт культуры мира (ЮНЕСКО)¹
lestev@ael-expert.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается публикация бригадного генерала Боннера Фрэнка Феллера, написанная им по итогам расследования вины императора Японии Хирохито в развязывании войны против США. В работе раскрываются причины, побудившие Б. Феллера написать такую статью, а также характерные акценты, расставленные им. Сделан вывод о том, что статья Феллера явилась инструментом американской пропаганды и документом, оправдывающим перед американскими читателями непопулярное в США решение об избавлении императора Японии от уголовного преследования и суда в рамках Международного военного трибунала для Дальнего Востока. В статье приведен полный перевод статьи Боннера Ф. Феллера «Hirohito's Struggle to surrender» с комментариями по исправлению некоторых имён и фотографиями описываемых Феллером лиц.

Ключевые слова: Боннер Феллерс, Хирохито, Вторая мировая война, Дуглас Макартур, МВТДВ, военные преступления, Япония.

Для цитирования: Лестев А.Е. Статья Боннера Ф. Феллера "Hirohito's struggle to surrender" как источник для изучения позиции руководства США в отношении императора Японии Хирохито. *Современные востоковедческие исследования.* 2019; 1(2): 56-67

ABSTRACT

The article discusses the publication of Brigadier General Bonner Frank Fellers, written by him following an investigation into the guilt of the Emperor of Japan Hirohito in starting a war against the United States. The paper considers the reasons that prompted B. Fellers to write such an article, as well as the characteristic accents placed by him. It is concluded that Fellers' article was an instrument of American propaganda and a document that justified before American readers an unpopular decision in the United States to save the emperor of Japan from prosecution and trial in the framework of the International Military Tribunal for the Far East. The article provides a complete translation of Bonner F. Fellers' article "Hirohito's Struggle to surrender" with comments on correcting some names and photographs of the persons described by Fellers.

Key words: Bonner Fellers, Hirohito, World War II, Douglas MacArthur, IMTFE, war crimes, Japan.

For citation: Lestev A.E. Bonner F. Fellers' article "Hirohito's struggle to surrender" as a source for studying the US position regarding the emperor of Japan Hirohito. *Modern oriental studies.* 2019; 1(2): 56-67

После окончания Второй мировой войны и оккупации Японии перед американцами встал вопрос о дальнейшем устройстве Японии и о месте императора Хирохито в будущем страны. Для американцев ситуация осложнялась тем, что союзники по антияпонской коалиции и политические деятели внутри страны (включая многих сенаторов) требовали привести Хирохито к суду организованного Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ). Однако, исходя из собственных интересов, американцы приняли решение не подвергать императора уголовному преследованию и всячески оградить его и членов императорской семьи от участия в судебном процессе МВТДВ. Некоторые аспекты уже были рассмотрены автором в предыдущих публикациях [1].

Чтобы подвести под это решение правовую базу было решено провести расследование о роли и мере ответственности императора за военные преступления японцев в ходе Второй мировой войны. Расследование было поручено провести бригадному генералу, военному секретарю Главнокомандующего Фрэнку Боннеру Феллерсу (1896 – 1973). При этом само расследование имело совершенно определенную цель: Феллерсу необходимо было показать невиновность Хирохито, возложив всю ответственность на военных. В книге Стерлинга и Пегги Сигрейв в ярких красках иллюстрируется весь процесс склонения японских министров к даче ложных показаний: «Пусть Тодзё заявит, что именно он настоял на решении о нападении на Соединенные Штаты, не прислушиваясь <...> даже к возражениям императора» [2, с. 342]. Феллерс решил использовать секретный аффидевит Хирохито для доказывания его невиновности [2, с. 344], однако по ответам Хирохито выходило, что император был в курсе всего и был настроен воинственно [2, с. 345].

Обнародовать данный аффидевит было опасно, поэтому его было поручено использовать только в случае крайней необходимости.

По этой причине Феллерсу пришлось уже в собственной статье самолично приводить доводы в пользу невиновности императора. В 1947 году, когда вышла статья Феллерса, опасность для императора еще полностью не миновала. Оригинал статьи был впервые опубликован в июльском номере официального издания организации Ветеранов зарубежных войн «Иностранная служба» в 1947 году. В этой статье Феллерс подробно описывает разногласия между японскими чиновниками и предшествовавшие капитуляции Японии события. При этом характерно, что Феллерс пытался переложить ответственность за затягивание войны на СССР [3]. Выражение подобной точки зрения Б. Феллерсом следовало не только из-за его критического отношения к СССР, но и из-за обострившихся отношений между союзниками. Штаб Макартура боялся, что под давлением СССР правительство США может изменить своё решение относительно Хирохито, по этой причине Феллерс считал главной задачей доказать невиновность Хирохито [4, р. 16].

Свою статью Б. Феллерс опубликовал уже будучи демобилизованным из армии, причем при демобилизации он был понижен в звании с бригадного генерала до полковника. Причиной этого послужили взаимная нелюбовь между Дугласом Макартом и председателем Объединенного комитета штабов Джорджем Маршаллом вместе с Дуайтом Эйзенхауэром – начальником штаба сухопутных войск, который невзлюбил Д. Макатура со времён службы под его командованием на Филиппинах. Боннера Феллерса демобилизовали с понижением в звании из-за его близости к Д. Макарту.

Также интересно отметить еще один расставленный в статье акцент. Б. Феллерс стремился показать, что капитуляция Японии была, прежде всего, решением Хирохито. На это решение атомная бомба не оказала влияния. Подобная позиция в корне противоречит всему дальнейшему американскому политическому дискурсу, в котором на протяжении десятилетий доказывается о решительном вкладе атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в деле капитуляции Японии. Из этого следует два важных вывода или вопроса. Если для капитуляции Японии не требовалось применения атомной бомбардировки, то не является ли она сама по себе военным преступлением, из-за которого погибли и остались калеками, бездомными и сиротами сотни тысяч мирных граждан? Второй вопрос к американцам: если не атомная бомбардировка, то возможно вступление СССР в войну против Японии и разгром Квантунской армии привели Японии к капитуляции? Оба вопроса крайне непопулярны в американской историографии. Хотя американский историк японского происхождения Ц. Хасэгава писал, что «вступление СССР в войну потрясло японцев больше, чем атомные бомбы, поскольку оно положило конец всем надеждам придти к соглашению, хоть немного отличному от безоговорочной капитуляции» [5, с. 574].

Статью Б. Феллерса необходимо читать и использовать осторожно, понимая для каких целей она написана. Изложенные в ней факты поданы в необходимой для замысла автора манере. Однако при этом данная статья является важным историческим источником, освещающим политические процессы после Второй мировой войны. Кроме того, она проливает свет на некоторые важные вопросы истории МВТДВ, одной из главных проблем которого до сих пор считается непривлечение императора и членов его семьи к суду.

Рисунок 1. Боннер Фрэнк Феллерс.

Перевод статьи выполнен по копии из архива Гуверовского института. Перевод не подвергался значительной литературной обработке в целях сохранения аутентичности и стилистики текста. К статье добавлены фотографии лиц, упоминаемых в ней. Также добавлены комментарии, когда Феллерс неправильно пишет фамилию или имя действующего лица.

Боннер Ф. Феллерс

полковник армии США в отставке

Борьба Императора Японии Хирохито за прекращение войны

Осенью 1945 года я стоял в дверях впечатляющего здания американского посольства в Токио и наблюдал, как черный лимузин медленно подъезжает к обочине. Вышедший из лимузина человек явно нервничал, это был

Рисунок 2. Генерал армии США Дуглас Макартур и император Японии Хирохито на исторической встрече в американском посольстве в Токио.

японец в очках, одетый в довоенный короткий однобортный сюртук с закруглёнными, расходящимися спереди лапами, и в старомодные высокие ботинки, с доходящими до голени кнопками. Как только моя рука опустилась после выполненного воинского приветствия, он приблизился достаточно близко ко мне, чтобы протянуть мне руку для крепкого рукопожатия. Мы обменялись приветствиями и, повернувшись, пошли рядом друг с другом внутрь посольства. Таким образом, в качестве военного секретаря генерала армии Макартура, я официально встретил Хирохито – императора Японии. Впоследствии я узнал почти невероятные факты, стоящие за капитуляцией Японии.

Эти факты, бесспорно, демонстрируют, что СССР неоднократно отвергал первоначальные попытки японцев добиться мира с Союзни-

ками, в которых СССР должен был выступить в качестве посредника, еще за шесть месяцев до капитуляции Японии. Хладнокровно в своих собственных интересах СССР планировал занять доминирующее положение на Востоке, как в территориальном плане, так и в политическом, для достижения этой цели СССР планировал вступить в войну с Японией в наиболее благоприятное для него время. В результате проведенного мной расследования, основанного на допросах членов кабинета Хирохито и других высокопоставленных чиновников, а также истории рассказанной лично императором, я выяснил, что СССР, выдвигая грабительские требования в качестве платы за посреднические услуги между Японией и США, сделал все возможное, чтобы задушить первые попытки японцев добиться разумной капитуляции в течение всей зимы и весны 1945 года. В июле СССР снова заблокировал попытку капитуляции, не приняв в качестве официального посланника императора Японии принца Коноэ, уполномоченного сдаться и добиться мира.

Рисунок 3. Принц Коноэ Фумимаро

Вне всякого сомнения, неоднократные попытки Хирохито добиться мира, в предшествующий августовской капитуляции период, ясно показывают, что атомная бомба не явилась причиной решения о капитуляции и не повлияла на конечный результат.

На самом деле император принял личное решение сдаться и сделал первую попытку получить российское посредничество в этом

вопросе еще в феврале 1945, после того, как силы генерала Макартура освободили Филиппины и вошли в Манилу. Четырнадцатого февраля император вызвал к себе принца Коноэ, три раза занимавшего пост премьера Японии и считавшегося относительно пацифистом, что стало первым за последние несколько лет совещанием во дворце для Коноэ. Расхаживая по комнате, очевидно, непоколебимый в своем решении, Хирохито прямо заявил, что считает поражение неизбежным, но милитаристы хотят продолжать сражаться. Они утверждали, что требования союзников о безоговорочной капитуляции могут означать только упразднение системы императорской власти; кроме того, они выступали резко против прямых контактов с США по этому вопросу, т.к. фраза о безоговорочной капитуляции была сказана именно президентом Рузвельтом. Коноэ сказал Хирохито, что он не думает, что Америка будет продолжать вести военные действия лишь для того, чтобы уничтожить императорскую династию; Хирохито согласился, но отметил, что пока милитаристы контролируют все средства связи, невозможно иметь дело непосредственно с Соединенными Штатами. Император главным образом хотел узнать, собирается ли Коноэ помочь ему в переговорах о капитуляции; Коноэ с готовностью согласился.

Незамедлительно Хирохито начал с необычайной силой давить на своих милитаристов, что стало одним из наиболее радикальных поворотов в истории Японии.

Он обвинил их в том, что они постоянно лгали о военных успехах, распространяя в войсках информацию о том, что армия высадилась на западном побережье Соединенных штатов; а флот только недавно утверждал, что потоплено 77 американских авианосцев и 26

линейных кораблей, т.е. больше авианосцев и линкоров, чем было у Соединенных Штатов! Милитаристы были ошеломлены этими упреками. В то время они существенно ослабили Маньчжурскую армию для защиты родных островов, и особенно опасались, что СССР может вступить в войну. Поэтому, когда Хирохито сказал им, что дал наказ министру иностранных дел Хирота начать неофициальные мирные переговоры через посольство России в Токио, с тем, чтобы СССР выступил в качестве возможного посредника в переговорах с союзниками, милитаристы неохотно согласились с этим, в надежде на то, что посредничество русских предотвратило бы Советскую атаку.

Рисунок 4. Малик Яков Александрович

Это стало первой трещиной в железной позиции милитаристов, отвергавших любую возможность капитуляции. Но Мелик¹, советский посол в Токио, довольно прохладно воспринял усилия Хироты по получению российской помощи. Исключительно умный дипломат,

который был хорошо осведомлен о безвыходном положении Японии, Мелик затягивал свои переговоры с Хирота в течение нескольких месяцев. Просто за участие СССР в роли посредника, он потребовал серьезные уступки в сторону Советского Союза. Эти требования немедленно ужесточили и так сдержанное отношение японских милитаристов, которые были готовы пойти лишь на самые незначительные уступки

¹Феллерс неправильно пишет фамилию советского посла. Малик Яков Александрович, с 1942 по 1945 – полпред СССР в Японии.

для достижения мира. Между тем, от Сато, японского посла в Москве, император узнал, что СССР холодно относился к идее мира и не собирался обсуждать никаких предложений, кроме результата равносильного безоговорочной капитуляции, несмотря на то, что не находился в состоянии войны с Японией. Такую позицию лидеры японской армии и флота в то время отказались бы даже рассматривать.

Императором в этой связи было принято решение о ещё более смелом шаге. Жесткий, непримиримый борец, 77 летний Кантаро Судзуки, настолько откровенный пацифист, ставший жертвой покушения во время восстания, так называемых, «молодых милитаристов»

Рисунок 5. Судзуки Кантаро (1867–1948) - военный и государственный деятель, адмирал и премьер-министр Японии с апреля по август 1945 г.

в 1936 (в него выстрелили четыре раза и оставили умирать), вдруг, 7 апреля, назначается императором на пост премьер-министра. Хирохито верил, что назначение такого известного противника милитаристов будет воспринято союзниками как ясный сигнал того, что Япония хочет мира. Кроме того, Судзуки и император всю жизнь были друзьями, таким образом, в первый раз с начала войны Хирохито чувствовал, что рядом с ним был лидер, которому он мог доверять. На секретном совещании Хирохито сказал Судзуки, что он не доверяет своей императорской ставке и не может понять, почему они слепо продолжают войну, когда все надежды на победу уже потеряны. Потерять жизнь в результате этого было бы преступно, заявил император.

Однако к удивлению Хирохито и Судзуки никаких предложений о проведении мирных переговоров со стороны союзников сделано не было. Апрель перешел в май, и решимость Хирохито положить конец войне крепла с каждым днем. Результатом только одного налета бомбардировщиков Б-29 на Токио стало 185000 жертв; листовки, сброшенные с американских самолетов и поднятые императором в ходе угрюмой прогулки по территории дворца, обещали, что такие налеты будут усиливаться. Однако милитаристы продолжали утверждать, что, когда начнется вторжение, они смогут победить на побережье, где американские войска будут в невыгодном положении. По крайней мере, рассуждали они, тяжелые потери, которые будут нанесены при высадке американских войск, усилят позицию Японии во время заключения мира. Даже военные поражения на островах Тихого океана, на Филиппинах, и на Окинаве, потеря своего флота, бессилие их военно-воздушных сил, все еще оставляли фанатичных милитаристов психологически неспособными к капитуляции. Эта психическая неспособность к поиску выхода из создавшегося положения стала сложной проблемой для императора, что заставило его действовать с осторожностью, чтобы самому не быть убитым за «измену» империи.

Как и император Судзуки работал тайно весь май и июнь, разрабатывая приемлемую для милитаристов формулу капитуляции, наши воздушные удары усилились, уничтожая сотни тысяч домов и зданий в пятидесяти крупнейших городах Японии, сопротивление военно-воздушных сил Японии неуклонно снижалось.

После разрушения Токио и Йокогамы в прошедшем мае, император сказал своим домочадцам, что он предложит остановить войну независимо от того, что случится с ним лично. Наконец, в результате ожесточенной борьбы в Верховном Совете, состоявшем из премьер-министра,

министра иностранных дел, военного министра, министра военно-морского флота, и начальников штабов армии и флота, Судзуки добился, по крайней мере, предварительного согласия приблизиться к советскому правительству в Москве, официально и непосредственно, в стремлении достичь мира. Тем не менее, даже достигнув согласия на контакт с СССР, члены Верховного Совета, словно герои какой-нибудь из оперетт Гилберта и Салливана, не могли заставить себя начать переговоры.

Для измученного Хирохито, это стало последней каплей. После ожидания в течение нескольких дней, он призвал членов Верховного Совета во дворец и резко приказал им принять незамедлительные меры. В тот же день 22 июня японские радиостанции транслируют заявление о революционных изменениях напрямую к народу: «Правительство, подчиненное непосредственно императору, чья власть основана на традиции и чувствах нации, намного более подобающе, нежели правительство созданное в соответствии с законом, и может более успешно выполнять приказы, обусловленные серьезностью ситуации».

Если отвлечься от восточной двусмысленности, это означало, что Хирохито берет на себя личное руководство Японией, поставив себя выше и вне существующего в соответствии японской политической системой конституционного правительства или контроля со стороны армии и флота.

Все еще чувствуя, что непосредственные контакты с Соединенными Штатами были невозможны из-за жесткого контроля военными над всеми средствами связи, Хирохито 7 июля в обход Верховного Совета в целом, приказал Судзуки просить российского разрешения на отправку личного эмиссара императора в Москву. Хирохито уже выбрал князя Коноэ

для этой миссии, и они вдвоем разработали отчаянный план, предусматривавший возможность безоговорочной капитуляции перед союзниками. В октябре 1941 года, с одобрения Хирохито, Коноэ безуспешно пытался договориться о встрече с президентом Рузвельтом, во время которой Коноэ планировал заключить соглашение о выводе всех японских войск с территории Китая, получив публичное одобрение этого решения императором при помощи телеграфа, еще до того, как милитаристы успели бы узнать, что такое решение принято. Теперь же Хирохито предусмотрел точно такую же процедуру для действий Коноэ в Москве, то есть, предоставив Коноэ виртуальный карт-бланш для заключения мира любой ценой, с последующей немедленной публичной ратификацией договора императором.

Но этот план оказался тоже обреченным на провал. Радиограмма с просьбой к советскому правительству принять Коноэ была направлена в Москву 10 июля, но дни проходили без ответа, несмотря на предпринимаемые послом Сато в Москве усилия, подтолкнуть российское министерство иностранных дел к действию. В действительности, Сталин и Молотов отбыли из Москвы в Потсдам, сохраняя загадочное молчание, через четыре дня после того как было получено сообщение. 22 июля Москва наконец попросила «разъяснить цели миссии Коноэ более конкретно», император направил прямой ответ, в котором заявил, что Япония стремится добиться российского посредничества на пути к заключению мира. На второе японское сообщения ответа не было.

До этого момента, император по собственной инициативе предпринял, по крайней мере, четыре конкретных шага в сторону заключения мира: первые переговоры с Россий-

ским послом Меликом в Японии, назначение известного пацифиста Судзуки на пост премьер-министра, собственное публичное обращение Хирохито о личном руководстве, и официальный, но безрезультативный запрос о принятии принца Коноэ в СССР для обсуждения условий мирного договора.

Все эти шаги, за исключением первоначальных переговоров с Меликом, сразу стали известны американскому правительству. Кроме того, в мае бывший президент Гувер обратил внимание самых высоких кругов в Вашингтоне на то, что назначение Судзуки означало готовность японцев к капитуляции, Гувер настаивал на том, что если соблюсти всего два условия: сохранение императора и возможность впоследствии выбирать свое либеральное правительство, то японцы согласятся на все остальные требования: демилитаризацию, наказание военных преступников, репарации и возвращение завоеванных территорий. Основой для такого предложения, было назначение Судзуки, о котором я уже говорил. Гувер говорил, что выбор Судзуки в качестве премьера был очевидным белым флагом, и предположил возможность заключить быстрое мирное соглашение без русских сложностей, поскольку они не были в состоянии войны с Японией. Несмотря на всю болтовню о «безоговорочной капитуляции» того времени, эти предложения были примерно такими же как условия Потсдамской конференции, предложенные Японии семьдесят пять дней спустя. Я не знаю, какие шаги Соединенные Штаты предпринимали для использования этой благоприятной возможности в период с мая по июль, до того, как были сброшены атомные бомбы, когда стало известно, что император уже ищет мира.

Между тем, пока император обсуждал, какие новые меры следует предпринять с уче-

том явного нежелания Советов принимать Коноэ, Потсдамская декларация была опубликована 26 июля. Для императора и других либеральных японцев она, казалось, была приемлемым условием для капитуляции. В то время как Верховный Совет еще пытался бороться с проблемой, однако, первая атомная бомба взорвалась над Хиросимой 6 августа, а затем через три дня последовал второй атомный взрыв в Нагасаки, и декларации СССР с объявлением войны Японии. В то же утро Верховный Совет проголосовал за принятие условий Потсдамской декларации с четырьмя оговорками: сохранение императорской династии, что Япония не будет оккупирована, что она сама будет руководить разоружением и эвакуацией своих собственных войск, и что она сама осудит лиц, ответственных за войну.

Хирохито выслушал решение Верховного Совета молча. Он был уверен, что если Япония будет настаивать на принятии условий Верховного Совета, то союзники проигнорируют их. Он знал, что тихоокеанские военно-воздушные силы Америки, значительно усиленные перебросенными с европейского направления войсками, значительно усилят катастрофические бомбардировки, которые уже уничтожили промышленность Японии и сравняли ее главные города с землей. Поэтому он приказал, чтобы Верховный Совет вновь был созван незадолго до полуночи для дальнейшего обсуждения в его временном дворце - небольшом коттедже, построенном в одном из самых глубоких бомбоубежищ Японии.

В оставшемся без электричества и разрушенном Токио, освещенном только тлеющими кострами, горящими по всему городу, члены Верховного Совета толпой медленно продвигались в небольшой конференц-зал, чтобы начать самые знаменательные дебаты в истории Японии.

Стояла летняя жаркая и влажная ночь; расплывшиеся в застойном дворцовом рве комары злобно гудели вокруг стола переговоров, в то время как вспотевшие лидеры Японии уселись, потрясённые и трепещущие, после низких поклонов императору. В дополнение к шести членам Верховного Совета и императору на встрече присутствовал барон Киитиро Хиранума, президент² Тайного совета.

Один за другим, три главных милитариста Совета - военный министр Корэтика Анами, начальник штаба армии генерал Ёсидзиро Умэдзу, и начальник штаба флота адмирал Созму Тоёда выступили против капитуляции. Их обычная молчаливость и стоическое спокойствие покинуло их. Все плакали. Капитуляция была немислима. Они будут уничтожать американцев на побережьях. Сражаться! Яростные, их голоса пронзительно разносились через всю комнату, когда они просили больше времени, задержки на месяц, на несколько недель... Безапелляционно, премьер-министр Судзуки, дрожа от волнения и усталости, потребовал провести голосование. С двумя пулями в своем теле после пережитого покушения, организованного военными экстремистами за десять лет до этого, он знал, что убийственный фанатизм милитаристов может легко привести к государственному перевороту и убийству всех, кто выступал против них. Тем не менее, Судзуки был неумолим. Один за другим, члены Совета проголосовали. Три милитариста продолжали неизменно выступать против капитуляции за исключением условий, при которых они сами смогут разоружить свои войска, и Япония остаётся не оккупированной. Судзуки, министр иностранных дел Сигэнори Того, министр военно-морского флота Мицумара Ионай³ и барон

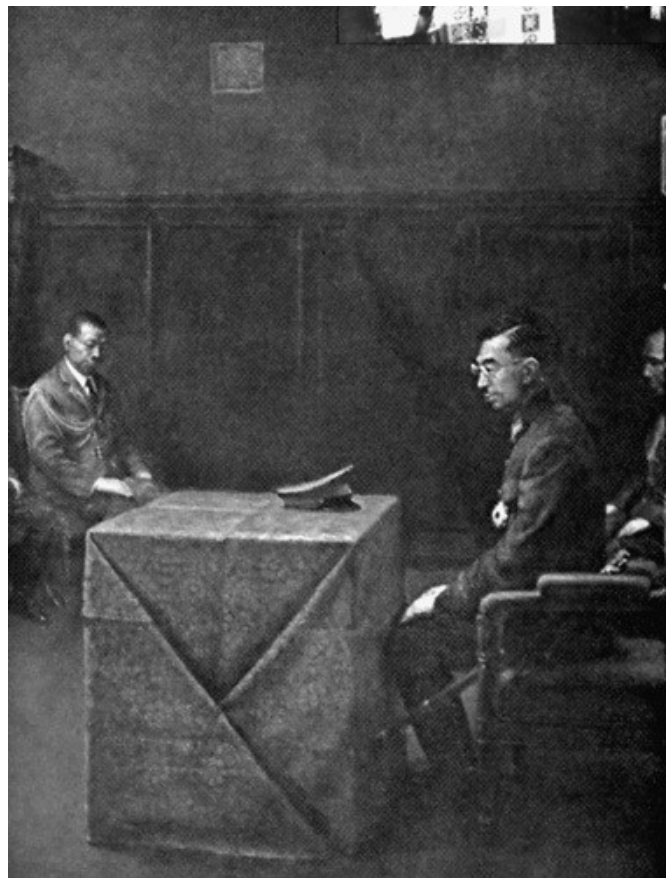

Рисунок 6. Император Хирохито с министрами в бункере во время войны.

Хиранума проголосовали за капитуляцию, единственным условием которой было сохранение императорской династии нетронутой.

По жесткому обычаю, никогда раньше не нарушавшемуся, решение Совета должно быть единогласным. Тем не менее, его члены оказались в тупике, четыре против трех. Теперь император, который сохранял тишину в течение напряженной дискуссии и последующего голосования, начал говорить. Спокойно и холодно, он отметил, что с самого начала войны, планы военных были далеки от истинных фактов. «Учитывая реальное состояние дел» – продолжал он, «это совершенно бесполезно продолжать войну ценой жизни и уничтожения имущества. Я выслушал тех, кто выступает против прекращения войны. Но я не изменил своего мнения, я доверяю союзникам и я хочу принять

² председатель

³ Мицумаса Ёнай

их условия такими, какие они есть». Он помолчал, потом продолжил повелительным тоном, первое повеление, которое Верховный Совет когда-либо слышал от японского императора: «Я хочу, чтобы все вы согласились со мной по этому вопросу».

Встреча уже длилась в течение нескольких часов, время было почти 3 утра; со слезами на глазах члены Совета склонили головы, когда Хирохито закончил говорить. Молчание нарушил военный министр Анами. Упав на колени, он пополз к Хирохито. Презрительно, император повернулся к нему спиной. Голос Анами сорвался на крик. «Пожалуйста, у нас есть план, вы не должны сдаваться!» – воскликнул он истерично. Подойдя ближе, все еще на коленях, он потянулся, чтобы схватить за полы пальто Императора. Презрительным движением, Хирохито повернулся и пошел прочь. Подождав мгновение, он снова повернулся к Совету. «Я хочу, чтобы все вы согласились со мной» – сказал он снова, и вышел из комнаты.

Начался рассвет, когда члены Совета покинули дворец, во исполнение всех требований императора, направив телеграмму в Швецию и Швейцарию для передачи ее в США, Великобританию, Китай и СССР. В сообщении было согласие безоговорочно принять условия Потсдамской декларации, при условии сохранения Императорского двора и суверенитета Японии. Но битва с милитаристами, временно поверженными трепетом перед императором, ещё не закончилась. Через три дня союзники ответили заявлением о том, что «впоследствии японское правительство должно быть создано в результате свободного волеизъявления японского народа». В ходе горячего спора во время заседания Верховного Совета в бомбоубежище, военный министр и начальники штабов армии и флота снова потребовали продолжать войну,

утверждая, что ответ союзников означал отмену системы императорской власти. Между тем, американские самолеты по всей стране сбрасывали копии Потсдамской декларации и ответа Японии на нее.

Рисунок 7. Кидо Коуми - лорд-хранитель печати, японский политический деятель, доверенное лицо императора (1889 - 1977).

Маркиз Кидо, Хранитель печати и один из приближенных императора, принес листовку Хирохито. Оба боялись, что армия, в основном развернутая вдоль морских побережий и тем самым практически не имеющая представлений о страшных разрушениях в городах, в любой момент может поднять восстание, когда

узнает, что Япония согласилась сдать. Хирохито знал, что основная часть армии посчитает безоговорочную капитуляцию Японии национальным унижением и может легко отказаться от исполнения каких-либо условий; фанатичные офицеры, с другой стороны, смогут убедить их, что согласие Императором принять такие условия было поддельным, и призвать войска продолжать борьбу. С другой стороны, император знал, что люди устали от бомбардировок. Из сбрасываемых с воздуха листовок людям давно известно истинная картина войны и они будут приветствовать его рескрипт. Таким образом, император рассудил, что условия Потсдамской декларации могут вызвать две противоположные реакции: подтолкнуть армию продолжать сражаться, а для обычных людей требовать мира. Для предотвращения кровавого беспорядка, он не должен был позволить

ситуации выйти из-под контроля; крайне важно, чтобы императорский рескрипт об окончании войны транслировался сразу.

Ещё раз император созвал Верховный Совет на совещание в первой половине дня 14 августа. Два начальника штабов и военный министр снова яростно выступали против капитуляции. Император посмотрел на них грозно. «Мое решение принять условия Потсдамской декларации не далось мне легко» заявил он. «Но оно не претерпело никаких изменений. Если война не будет прекращена на данном этапе, то не только национальная система государственной власти Японии будет уничтожена, но будет уничтожен японский народ. В будущем Япония полностью откажется от выделения средств для ведения войны и, таким образом, будет наслаждаться истинным вечным миром. Так как я хочу быть понятым народом, подготовьте проект Императорского Рескрипта, я требую ...» – в этот момент он грозно посмотрел на милитаристов – «чтобы все присутствующие разделили мои взгляды».

К вечеру, по всей видимости, наконец-то сломив сопротивление милитаристов, рескрипт был готов. В 11 часов вечера император закончил запись рескрипта, который должен был транслироваться через радио к нации, представитель Радио Токио стоял рядом готовый отнести запись в студию. Но как только запись была готова, и осталось только вынести её из дворца, около 1000 мятежных солдат проникли на территорию дворца. До того, как солдаты успели достигнуть коттеджа, запись была спрятана в тайнике Хирохито, который или из-за благоговения перед императором, или из-за незнания его местонахождения, так и остался нетронутым войсками.

Та ночь оказалась самой дикой, какую когда-либо переживал любой японский император.

Рисунок 8. Генерал-лейтенант японской императорской армии Танака Сидзуити (1887 - 1945).

Шесть раз мятежные войска вторгались в коттедж в поисках записи и маркиза Кидо, которого они были полны решимости убить за ту роль, которую, как они полагали, он сыграл в капитуляции. Кидо спрятался в тайном подземном переходе, в то время как император скрылся в другой части коттеджа, считая его собственное убийство неизбежно. Между тем, другие войска атаковали резиденцию Сузуки из пулеметов, а затем сожгли её дотла. В 4 часа утра военный министр Анами, перегруженный чувством вины и позора из-за попытки государственного переворота и его выступления против императора, покончил жизнь самоубийством. Вскоре после 8 утра генерал Сидзуити Танака из Командования обороной Восточного направления прибыл на место происшествия и убедил солдат разойтись. Двое из офицеров застрелились. После чего генерал Танака ушёл в свою комнату и тоже застрелился.

К вечеру запись Императорского рескрипта была транслирована, и нация услышала собственный голос Императора, объявивший им об окончательной капитуляции Японии.

Таким образом, за исключением отдельных инцидентов, завершилось шестимесячное сопротивление официальных лиц Японии в сражении императора за мир, и на протяжении всего Тихоокеанского направления 7 000 000 японских солдат, жестких духовно и физически, сложили оружие и направились домой. Это исторически

беспрецедентная капитуляция, бесспорно, сократила войну на много месяцев и предотвратила, по оценкам, 450 000 американских боевых потерь, плюс миллиарды долларов на дополнительное вооружение.

Был ли Хирохито всегда пацифистом, который стал инструментом в руках фанатичных милитаристов, не имея возможности дать им отпор? Я покинул Японию с убежденностью, что был. Как титульный лидер Японии, конечно, император не может технически не разделить вину за военные преступления своих лидеров. Тем не менее, это не умаляет той удивительной драмы, развернувшейся, когда император, обладавший только номинальной властью, дерзнул повергнуть ниц своих фанатичных милитаристов, узурпировать их власть, и одной только силой воли заставить их сдать побежденную страну превосходящим силам противника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лестев А.Е. Понимание ментальности страны - значимый фактор в выстраивании внешнеполитических отношений (на примере послевоенных отношений между СССР, США и Японией) // Международные отношения. - 2015. - № 3. - С. 358-361. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.3.14546
2. Сигрейв С., Сигрейв П. Династия Ямато. - М.: АСТ : ЛЮКС, 2005. - 495 с.
3. Fellers B.F. Hirohito's Struggle to surrender // Bonner Frank Fellers Papers, 1904-1997 Collection, box 1, folder 2, Hoover Institution Archives.
4. Holden R. Saving the throne // Earlhamite. Winter 1998. P. 12-17.
5. Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905-1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. - М.: АИРО-XXI, 2012. - 656 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

1. Lestev A.E. Ponimanie mental'nosti strany - znachimyi faktor v vystraivanii vneshnepoliticheskikh otnoshenii (na primere poslevoennykh otnoshenii mezhdru SSSR, SShA i Yaponiei) // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. No 3. P. 358-361. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.3.14546
2. Sigreiv S., Sigreiv P. Dinastiya Yamato. - M.: AST : LYuKS, 2005. 495 p.
3. Fellers B.F. Hirohito's Struggle to surrender // Bonner Frank Fellers Papers, 1904-1997 Collection, box 1, folder 2, Hoover Institution Archives.
4. Holden R. Saving the throne // Earlhamite. Winter 1998. P. 12-17.
5. Molodyakov V.E. Rossiya i Yaponiya v poiskakh soglasiya (1905-1945). Geopolitika. Diplomatiya. Lyudi i idei. M.: AIRO-XXI, 2012. 656 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anton Lestev

PhD

Director of LLC "AEL Expert"

420087, Kazan, Kurchatova str., 8-54

Russia

lestev@ael-expert.ru

Принята к публикации: 20.10.2019

ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ РАЗВИТИЯ КОРЕЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ В XIX В.

THE MAIN CENTERS OF KOREAN STUDIES IN RUSSIA IN THE XIX CENTURY

Каримова Ю.Ю., Аликберова А.Р.
Казанский федеральный университет
Karimova141190@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассказывается о появившихся в XIX в. основных центрах изучения корееведения в России, таких как Санкт-Петербургский университет, Восточный институт во Владивостоке и Православное миссионерское общество в Казани. Дается краткая характеристика их деятельности и работам исследователей и преподавателей, которые внесли большой вклад в развитие корееведения как самостоятельной науки.

Ключевые слова и фразы: корееведение, корейский язык, Корея, Восточный институт, Санкт-Петербургский университет, Православное миссионерское общество, центр корейского языка.

Для цитирования: Каримова Ю.Ю., Аликберова А.Р. Основные центры развития корееведения в России в XIX в. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(2): 68-71.

Корееведение представляет из себя отдельную отрасль востоковедной науки. В становлении и развитии российского корееведения были как подъемы, так и спады. В развитии корееведения в России внесли свой вклад ученые, писатели и деятели культуры. Только после освобождения от японской колониальной оккупации завершилось становление корееведения как комплексной науки востоковедения. Л. Концевич выделяет несколько этапов развития корееведения в России: I этап (до

ABSTRACT

The article describes the main centers of Korean studies in Russia that were created in the XIX century, such as St. Petersburg University, Eastern Institute in Vladivostok and the Orthodox missionary society in Kazan. The article gives a brief description of their activities and the work of researchers and teachers who have made a great contribution to the development of Korean studies as an independent science.

Key words and phrases: Korean studies, Korean language, Eastern Institute, St.Petersburg University, Orthodox missionary society, center of Korean studies.

For citation: Karimova U.U., Alikberova A.R. Main centers of Korean studies in Russia in the XIX century. Modern Oriental Studies. 2019; 1(2): 68-71.

середины XIX в.) и II этап (с середины XIX в. до 1917 г.). Первый этап он охарактеризует как период накопления эпизодических сведений о Корее, в то время как второй период – это начало систематического знакомства со страной и ее углубленного изучения в разных областях, становление практического корееведения [1]. Основоположником научного корееведения в России считается глава девятой духовной миссии (1807-1821 гг.), архимандрит Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин (1777-1853 гг.).

С его трудами началось научное изучение истории и культуры Кореи в России. Также в России он первым приступил к изучению корейского языка. Чиновником для особых поручений при Приморском областном правлении Михаилом Павловичем Пуцилло (1845-1889 гг.) был составлен первый в Европе переводной иностранно-корейский словарь живого языка. При составлении данного словаря М. Пуцилло помогал П. И. Кафаров и крещенный кореец Н. М. Лян. Работа М.П. Пуцилло был издан в 1874 г. и назывался «Опыт корейско-русского словаря». Всего в словаре было 5,5 тысяч слов, слова давались в корейском написании с русской транскрипцией и переводом слов на русский язык. Первое учебное пособие по корейскому языку для начального уровня был издан в Санкт-Петербурге в 1874 г. священником В.Г. Пьянковым и назывался «Корейская азбука: в пользу корейских школ Южно-Уссурийского края: автограф корейца, обучавшегося в миссионерской школе» [2, с. 30-31]. Работа миссионера В.Г. Пьянкова – это «первое изложение корейской грамматики на русском языке» [3].

Конец XIX в. стал знаменательным в сфере культурных отношений между Российской империей и корейским государством. На территории России появляются три центра корееведения: Санкт-Петербургский университет, Восточный институт во Владивостоке и Православное миссионерское общество в Казани. Впервые зарубежном корееведение стали преподавать корейский язык и читать курсы лекции по истории и географии Кореи в Санкт-Петербургском университете, Восточном институте во Владивостоке. Стоит также отметить Православное миссионерское общество в Казани, где были составлены учебники для российских корейцев. Рассмотрим каждый из этих трех центров корееведения более подробно.

Санкт-Петербургский университет с середины XIX в. стал центром академического и университетского востоковедения в Российской империи. Вместе с тем в 1804 г. на отделениях словесных наук были открыты кафедры восточных языков в Московском, Казанском и Харьковском университетах. Создание первой научно-исследовательской организации (Азиатский музей) состоялось только в 1818 г., наследником которой является Институт востоковедения РАН. Факультет восточных языков открылся в Санкт-Петербургском университете в 1854 г. Крупнейший китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818-1900) в своей статье «О преподавании восточных языков в России» в 1886 г. писал, что: «Еще более нуждается Россия в знатоках восточных языков на дипломатической службе и для развития наших торговых сношений в Азии. Следовательно, потребность изучения их не есть какая-то временная или модная (как изучение языков классических). Нельзя предполагать и скорого исчезновения народов, говорящих на этих языках» [4, с. 9]. Также он говорит, что когда университет располагал финансами, то дважды открывал кафедру японского языка, постоянно прося о введение её в штат. «Эта кафедра так и осталась не осуществленной, а между тем потребность в ознакомлении с корейским языком стучится в дверь...» [4, с. 9]. Преподавание корейского языка в университетскую программу было включено лишь в 1897 г. На кафедре китайской и маньчжурской словесности факультета восточных языков впервые в Европе преподавался корейский язык, тогда только как факультативный предмет. Однако корейский язык преподавался нерегулярно и только до 1907 г. Несмотря на то, что в 1914 г. деканом факультета восточных языков было возбуждено ходатайство о возобновлении преподавания

корейского языка, лишь в 1947 г. профессору Александру Алексеевичу Холодовичу (1906-1977 гг.) удалось это сделать.

В целях обеспечения специалистами со знанием двух языков и культур стран Дальнего Востока, а также для подготовки специалистов для управления на русском Дальнем Востоке в 1899 г. был основан Восточный институт во Владивостоке. В институте работало четыре отделения: китайско-маньчжурское, китайско-монгольское, японо-китайской и корейско-китайское. Студенты должны были изучать два восточных языка, географию, этнографию, экономику и политику Восточной Азии. Корейско-китайское отделение возглавил профессор Григорий Владимирович Подставин (1875-1924 гг.), был первым основоположником корейского языкознания и первым заведующим кафедрой корейского языка в России. Он опубликовал много работ не только по разным аспектам корейского языка, но также его интересовали история и политическая организация корейского государства. Другим выдающимся ученым был профессор Николай Васильевич Кюнер (1877-1955 гг.). В Восточном институте он читал лекции по истории, историографии, географии, истории и культуре стран Восточной и Центральной Азии, а его труды входят в золотой фонд российского корееведения [5].

Со второй половины XIX в. Казань тоже стала одним из основных востоковедных центром Российской империи. В Восточном разряде философского факультета Казанского университета был организован теологический семинарий для выходцев из восточных стран, однако преподавание корейского языка пока не велось. В теологическом семинарии Казанского университета учились и несколько

корейцев. Как пишет известный советский и российский востоковед и кореевед Л.Р. Концевич: «С помощью этих корейцев под руководством Православного миссионерского общества были составлены практические пособия в просветительских целях – для обучения русскому языку детей корейских переселенцев» [6]. Ценность составленных и изданных трудов заключается в том, что в них в русской транскрипции отражен диалект Кёнхына, они являются письменными источниками, так называемыми среди корееведов – Казанскими материалами. В силу того, что в Казанские материалы отражают языковые особенности советских корейцев, они привлекли к себе большое внимание в начале 90-х г. XX в. Были написаны и защищены диссертационные работы по языковым особенностям советских корейцев в 1991 г. в Гарвардском университете Росса Кинг, в 1992 г. в Корее Квак Чхун Гу, в 2004 г. в Казахстане Н.С. Пак [7, с. 34].

В 2007 г. в Казанском государственном университете подписал соглашение с Корейским Фондом об открытии центра корейского языка. С 2016 г. Казанский (Приволжский) федеральный университет и Академия корееведения в Корее совместно с отделом по развитию предпринимательства из посольства Республики Корея в Российской Федерации начали «Проект по развитию и поддержке молодых исследователей корееведения за рубежом». Целями данного проекта являются проведение научно-практических семинаров, изучение и развитие корееведения в Татарстане и в Приволжском федеральном округе. В этом же году был создан научно-образовательный центр исследований Кореи «Корееведение».

ЛИТЕРАТУРА

1. Концевич Л.Р. О развитии традиционного корееведения в царской России [Электронный ресурс]: Корё сарам: записки о корейцах / Л. Р. Концевич. – Режим доступа: <https://koryo-saram.ru/o-razvitiitraditsionnogo-koreevedeniya-v-tsarskoj-rossii/>. – Проверено: 22.03.2019.
2. Корееведение в России: история и современность. – М.: Первое Марта, 2004. – Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем». – Т. 2. – С. 384.
3. Ким Г. Н. Корейские книжные фонды в Казахстане [Электронный ресурс]: Корё сарам: записки о корейцах / Г.Н. Ким. – Режим доступа: <https://koryo-saram.ru/kim-g-n-korejskie-knizhny-e-fondy-v-kazahstane/>, свободный. – Проверено 30.07.2018.
4. Васильев В. О преподавании восточных языков в России / В. Васильев // Восточное обозрение. – 1886. – 13 февраля (№ 7). – С.7-10 – Сведения также доступны по Интернет: <http://suntsuru/mminfo/000349167/>. – Проверено 08.08.2018.
5. История российско-корейских отношений [Электронный ресурс]: ДРПК: диалог Россия-Республика Корея. – Режим доступа: <http://drrk.ru/istorija-rossijsko-korejskih-otnoshen/>, свободный. – Проверено 08.08.2018.
6. Архимандрит Августин (Никитин) Россия и Корея: обзор церковных связей [Электронный ресурс]: Самый Восточный: информационно-просветительский портал Хабаровской епархии / Архимандрит Августин (Никитин). – Режим доступа: <http://pravostok.ru/blog/rossiya-i-koreya-obzor-cerkovnih-svyazei/>. – Проверено 09.08.2018.
7. Пак Н.С. О работе над составлением «Русско-корейских разговоров» и «Опыта краткого русско-корейского словаря», изданных Православным Миссионерским Обществом в Казани в 1904 г. / Н.С. Пак // 115 лет с начала преподавания корейского языка в СПбГУ: материалы международной научной конференции, СПб, 8-9 ноября 2012 / Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб.: 2012, – С. 34. – сведения также доступны по Интернет: http://kspg.spbu.ru/sites/default/files/proceedings_of_the_conference_115_years_since_teaching_korean_language.pdf, свободный. – Проверено 11.08.2018.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Karamova U.U.

Senior lecturer

Department of Altaic and Chinese studies

Institute of international relations

Kazan Federal University

Karamova141190@gmail.com

Alikberova A.A.

Candidate of History, Associate Professor

Department of Altaic and Chinese studies

Institute of international relations

Kazan Federal University

Принята к публикации: 10.09.2019 г.

ОТКРЫТИЕ ТОРГОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ТАТАРСТАНА В ЯПОНИИ

THE OPENING OF TATARSTAN TRADE REPRESENTATIVE OFFICE IN JAPAN

Ибатуллина Д.Г.*Институт международных отношений**Казанский федеральный университет**dilyara.ib@gmail.com***АННОТАЦИЯ**

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена активизацией сотрудничества Республики Татарстан и Японии и последовавшее за этим открытие зарубежного представительства РТ в Японии в 2019 году. Международная деятельность субъектов Российской Федерации является одним из приоритетных вопросов российской политики. Целью статьи является оценка и анализ открытия Представительства РТ в Японии. Ведущими подходами к исследованию данной проблемы являются системный подход и сравнительно-анализ, а также прогнозирование. Основным результатом исследования является выявление причин открытия заграничного торгового представительства, определение целей и задач зарубежного органа, осуществление оценки эффективности, определение основных направлений и способов реализации программы зарубежного института, выработка перспектив. В ходе работы были также проанализированы сферы сотрудничества и конкретные проекты, реализуемые двумя субъектами с помощью деятельности Представительства РТ в Японии. Не без внимания остался культурный вопрос, нуждающийся отдельного внимания со стороны будущего зарубежного института. В целом, работа Представительства, по итогу исследования, выявлена результативной. В качестве вывода следует указать о том, что деятельность торгово-экономического представительства способствует развитию и расширению двусторонних отношений.

Ключевые слова и фразы: Россия, Япония, Татарстан, Торгово-экономическое представительство, двустороннее сотрудничество, татарская диаспора.

Для цитирования: Ибатуллина Д.Г. Открытие торгового представительства Татарстана в Японии. *Современные востоковедческие исследования.* 2019; 1(2): 74-77.

ABSTRACT

The relevance of the article is due to the intensification of cooperation between the Republic of Tatarstan and Japan and the subsequent opening of the foreign Representative Office of the Republic of Tatarstan in Japan in 2019. The international activity of the constituent entities of the Russian Federation is one of the priority issues of Russian politics. The purpose of the research is to evaluate and analyze the opening of the Representative Office of the Republic of Tatarstan in Japan. The leading approaches to the study of this problem are a systematic approach and comparative analysis, as well as forecasting. The main result of the study was the identification of the reasons for opening a foreign trade representative office, the determination of the goals and objectives of a foreign body, the implementation of an effectiveness assessment, the identification of the main directions and ways of implementing the program of a foreign institution, and the development of prospects. The article also analyzes the areas of cooperation and specific projects promoted by the two entities through the activities of Tatarstan in Japan. A cultural issue was also considered, requiring special attention from the future foreign institute. In general, the work of the Representative Office, as a result of the study, was identified as effective. As a conclusion, it should be pointed out that the activity of trade and economic representation contributes to the development and expansion of bilateral relations.

Key words and phrases: Russia, Japan, Republic of Tatarstan, Trade and economic representation, bilateral cooperation, Tatar diaspora.

For citation: Ibatullina D.G. The opening of Tatarstan trade representative office in Japan. *Modern Oriental Studies.* 2019; 1(2): 74-77.

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация отдает большое значение развитию регионального международного сотрудничества страны. Еще с начала 90-х годов XX века, по мнению многих исследователей и экспертов в области политики и международных отношений (Т. Ю. Акулов, О.Н. Барабанов, С.А. Намчак, О.Б. Александров, Г.Л. Мурадов, О.Ю. Дубровина, И.Н. Галиев, Р.Р. Гиматдинов, И.Р. Насыров и др.), регионы РФ стали развивать сотрудничество с зарубежными странами, играя таким образом важную роль в становлении внешней политики России и ее дальнейшей направленности.

Республика Татарстан является успешно развивающимся регионом Российской Федерации, занимая 4 место в рейтинге регионов России по качеству жизни и 1 место по показателю инвестиционной привлекательности в стране на протяжении последних трех лет.

С целью осуществления внешнеэкономической политики а также продвижения интересов Республики, Татарстан использует один из ключевых методов развития двусторонних отношений – открытие представительства за рубежом. Это подтверждает существующий в Республике Татарстан закон О представительствах Республики Татарстан от 10.11.2003 № 47-ЗРТ, в котором отмечается то, что Представительство РТ создается с целью «всестороннего развития внешних связей Республики Татарстан» [Закон №47-ЗРТ, 2003].

Началом открытия представительств Республики Татарстан за рубежом считается начало 1990-х годов. По мнению отечественных исследователей, именно с этого момента назревает потребность «совершенствования региональных механизмов управления и поддержки комплекса международных и внешнеэкономических связей» [Насыров, 2015, С. 885].

На сегодняшний день Республика Татарстан имеет представительство в 15 странах, 10 из которых являются торгово-экономическими. Это такие страны, как: Куба, Финляндия, Франция, Турция, Туркменистан, Азербайджан, Беларусь, Украина, Узбекистан, Дубай, Финляндия, Чехия, Швейцария, США. В данный список также входит Китай из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, Япония является второй страной АТР, в которой будет открыто торговое представительство Татарстана. О данных намерениях Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов объявил в ходе деятельности бизнес-форума, проходившего в г. Токио (Япония) с 1 по 2 октября 2017 года [Пресс-служба Президента РТ, 2017]. Представительство планируют открыть в 2019 году.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования вопроса открытия Торгового представительства Татарстана в Японии, были проанализированы труды отечественных ученых по таким направлениям, как международные отношения, регионализм, анализ политических процессов на федеральном и региональном уровнях, политические и экономические интересы Российской Федерации и Республики Татарстан, характеристика и положение внешнеэкономической деятельности РТ, специфика историко-культурных отношений Республики Татарстан и Японии.

В ходе изучения вопроса научной работы был использован системный подход, который позволил сделать выводы об эффективности данного института. Также были использованы методы сравнительного анализа для выявления цели и основных задач торгового представительства РТ в Японии. Были представлены возможные ориентиры на осуществление деятельности работы зарубежного органа, а также

выявление динамики и тенденций развития представительства.

Чрезвычайно полезными оказались личные наблюдения и сведения, почерпнутые из бесед с представителями государственных органов, связанные с вопросом двустороннего сотрудничества России и Японии, Республики Татарстан и Японии, отечественными учеными, исследующих также вопрос взаимоотношений между двумя странами, а также представителями японской организации по вопросу торговли с Россией.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Необходимость создания торгово-экономического представительства Республики Татарстан в Японии может быть обусловлено несколькими причинами. Безусловно, можно предположить, что одним из предпосылок создания представительства является стабильный рост торгового оборота между Республикой Татарстан и Японией и увеличивающаяся динамика привлечения инвестиций из Японии в РТ. Другим основанием могло послужить необходимость привлечения не только японских компаний – потенциальных инвесторов в республику, но также татарстанских бизнес лиц для освоения японского рынка. На сегодняшний день, с сожалением можно отметить, что присутствие татарстанских продуктов и видов услуг в Японии практически отсутствует, не учитывая энергетическое и химическое сырье.

Известно о том, что руководить представительством будет Т.Н. Абдикеев, являясь единственным сотрудником зарубежного органа. По мнению самого будущего представителя РТ в Японии выбор на него как на руководителя пал по той причине, что Т. Н. Абдикеев давно занимается различными бизнес-проектами, связанными с Российской Федерацией и Японией, в том числе Республикой Татарстан. К примеру,

Абдикеев признается, что именно с его помощью японская компания «Иида Санге» по строительству домов, познакомилась с татарстанским рынком в 2016 году. Также один из участников бизнес-форума в Токио, на котором было объявлено о намерениях открыть представительство РТ, отметил, что Т. Н. Абдикеев «достаточно хорошо знает министра промышленности Японии и других руководителей, бизнесменов в Японии» [Иванова, 2017]. Все это, а также другие причины, как например фактор проживания руководителя в Японии – послужили основанием назначить Т. Н. Абдикеева представителем Республики Татарстан в Японии.

Разумно полагать, что целью будущего торгово-экономического представительства РТ в Японии является расширение двустороннего сотрудничества и выявление отношений на более прогрессивный уровень.

На основании данной цели, возможным является предположение следующих задач представительства:

- продвижение интересов Республики Татарстан в Японии,
- содействие развитию экономического сотрудничества между Республикой Татарстан и Японией,
- продвижение новых и существующих ранее бизнес-проектов между РТ и Японией,
- исследование конъюнктуры рынка Японии,
- подготовка встреч и визитов высших лиц государства и бизнес кругов в РТ и Японию,
- поддержание контактов с соотечественниками РТ в Японии,
- организация культурных мероприятий,
- установлению контактов и организация проектов с целью обмена студентами, учеными, специалистами РТ и Японии и тд.

Содействие развитию экономического сотрудничества между Республикой Татарстан и Японией включает в себя комплекс различных мер и инструментов, в которые входят: оказание помощи компаниям и отдельным предпринимателям, заинтересованным в организации торгово-экономического проекта в РТ; проведение ознакомительных и презентационных мероприятий об особенностях экономического положения и инвестиционной привлекательности Республики; проведение консультаций по вопросам, связанным с законодательной структурой республики, возможности экономической деятельности и знакомства с рынком Татарстана; проведение конференций и бизнес-форумом, с целью также ознакомления и привлечения новых партнеров; организация стажировок в Республику Татарстан и Японию и тд.

Что касается продвижения новых бизнес-проектов, потенциал у РТ видится огромным. На сегодняшний день речь может идти о проектах в следующих сферах:

- медицина (Токусикай медикал груп – лечение онкологических заболеваний и исследования в данной области),
- сельское хозяйство (сельхозкооперативы, тепличное хозяйство, выращивание пшеницы),
- химическая промышленность (переработка сырья азот продукции),
- экспорта технологий и продукции (самолеты Setouchi Holdings Inc, Quest Kodiak, Katz арматура),
- финансово-кредитная сфера (создание инвестиционного фонда) и тд.

Отдельно необходимо отметить об осуществлении своей деятельности на территории Японии татарской диаспоры, которая на сего-

дняшний день представляет из себя количество от 10 до 20 человек, более пожилого возраста. Несмотря на малочисленность проживающих соотечественников в Японии, возрастает пребывание в ней студентов и специалистов по обмену. Республика Татарстан сотрудничает со многими университетами Японии и отправляет студентов по обмену в рамках реализации партнерских соглашений и участия в совместных научно-образовательных проектах, в которые входят: Исследовательский институт RIKEN, Национальный институт агробиологических наук, Национальная астрономическая обсерватория Японии, Университет Цукуба, Университет Канадзавы, Университет Сайтамы, Университет Окаямы, Хирошимский университет, Окинавский Институт Науки и Технологии, Университет Джунтендо, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо, Университет Дошиша, Университетом Ямагучи. Что касается специалистов по обмену, здесь стоит упомянуть обмен между сотрудниками японской компании “Иида Санге”.

Таким образом, каждый год на территории Японии со сроком от нескольких месяцев до 2-3 и более лет проживают соотечественники Республики Татарстан, для которых целесообразно предположить, было бы интересно участвовать в культурных мероприятиях, организованных будущим торгово-экономическим представительством РТ в Японии.

ВЫВОДЫ

На сегодняшний день, показатель торгово-экономического сотрудничества между Республикой Татарстан и Японией представляет собой положительно развивающуюся динамику, с увеличением инвестиций из Японии в Республику. Однако из-за отсутствия продуктов и услуг татарстанского рынка и предпринимательства на территории

Японии, а также низкая экспортная составляющая РТ в Японию, является целесообразным началом использования новых, ранее не применяемых к данной стране инструментов активизации двусторонних отношений – каковым является открытие торгово-экономического представительства.

Как показал анализ, данная активизация будет подразумевать не только увеличение числа бизнес-проектов и экспорта продукции и услуг, но также повышение уровня осведомленности о Республике Татарстан, что, несомненно, способствует увеличению числа возможностей как для японских компаний и частных предпринимателей, так и для татарстанских в Японии.

Количество и качество реализуемых проектов с сфере медицины, технологий, сельского хозяйства, финансирования и химической промышленности свидетельствуют о чрезвычайной необходимости зарубежного органа. В силу высокой компетентности будущего представителя Татарстана в Японии Т.Н. Абдикеева в вопросе предпринимательской деятельности на территории Японии и японского бизнеса в РТ, а также наличие возможности обращения к первым лицам промышленности и торговли Японии непосредственно, видится реальным эффективностью будущего торгового представительства в Японии, и, в целом, улучшение и совершенствование торгово-экономического диалога между Республикой Татарстан и Японией. Вероятность развития культурного вопроса татарстанско-японских отношений в Японии является высоким в силу выражения желания заниматься данным направлением будущим представителем РТ в Японии, безусловно, помимо бизнес-проектов и торгового сотрудничества. Логичным будет отметить то, что развитие

отношений Республики Татарстан с Японией будет способствовать укреплению доверия и развитию делового сотрудничества между странами в целом на уровне мирового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Татарстан от 10 ноября 2003 года № 47-ЗРТ. О представительствах Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_134259, (дата обращения: 01.04.18)
2. Насыров И.Р. Институт зарубежных представительств Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1227>, (дата обращения: 01.04.18)
3. Tatarstan Investment Development Agency. Representative offices of the Republic of Tatarstan overseas. [Электронный ресурс]. – URL: [http://tida.tatarstan.ru/file/Tida%20Print\(1\).pdf](http://tida.tatarstan.ru/file/Tida%20Print(1).pdf), (дата обращения: 01.04.18)
4. Правительство Республики Татарстан. В Токио состоялся бизнес-форум «Татарстан-Япония». [Электронный ресурс]. – URL: <http://prav.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/1023244.htm>, (дата обращения: 01.04.18)
5. Иванова Е., Голобурдова Н., Скряби И. Азиатский вояж Минниханова: «Неоднократно встречался с вашим отцом, господином Ли Куан Ю». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/359542>, (дата обращения: 01.04.18).
6. Материалы Департамента Внешних Связей Президента РТ. Сотрудничество с Японией, 2016 г.

7. Личное интервью с Абдикеевым Т.Н. – руководителем торгового представительства РТ в Японии, декабрь 2017 г.

news/1023087.htm, (accessed 04.04.2018)

7. Personal interview with T. Abdikeev - Head of the RT Trade Representation in Japan, December 2017.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

1. Law of the Republic of Tatarstan dated November 10, 2003 No. 47-ЗРТ. On the representations of the Republic of Tatarstan. [Electronic resource]. - URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_134259, (accessed: 04/01/18)

2. Gimatdinov R.R. and Nasyrov I.R. Institute of Foreign Representations of the Republic of Tatarstan. [Electronic resource]. - URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1227>, (accessed: 01/01/18)

3. Tatarstan Investment Development Agency. Representative offices of the Republic of Tatarstan overseas. [Electronic resource]. - URL: [http://tida.tatarstan.ru/file/Tida%20Print\(1\).pdf](http://tida.tatarstan.ru/file/Tida%20Print(1).pdf), (accessed: 04/01/18)

4. The Government of the Republic of Tatarstan. The business forum "Tatarstan-Japan" was held in Tokyo. [Electronic resource]. - URL: <http://prav.tatarstan.ru/eng/index.htm/news/1023244.htm>, (accessed: 04/01/18)

5. Ivanova E., Goloburdova N., Scriaby I. Asian voyage of Minnikhanov: "I have repeatedly met with your father, Mr. Lee Kuan Yu." [Electronic resource]. - URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/359542>, (accessed: 04/01/18).

6. The Government of the Republic of Tatarstan. Rustam Minnikhanov discussed issues of cooperation with the Tokushikai management. [Electronic resource]. - URL: <http://prav.tatarstan.ru/eng/index.htm/>

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ibatullina D.G.

Institute of International Relations, History and Oriental Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Pushkina Street 1/55

Russia

dilyara.ib@gmail.com

Принята к публикации: 10.10.2019 г.

ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И РОССИЕЙ, ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ

DYNAMICS OF ECONOMIC RELATIONS BETWEEN JAPAN AND RUSSIA, BASIC MOTIVES

Магдеев Рафик Рашитович, ассистент

Кафедра алтаистики и востоковедения, Института международных отношений
Казанский (Приволжский) федеральный университет
magdeef@mail.ru

Халиуллина Алина Айратовна, ассистент

Кафедра алтаистики и востоковедения, Института международных отношений
Казанский (Приволжский) федеральный университет
alina.khaliullina27@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, роль России для Японии и Японии для России. Отслеживаются экономические отношения России с Японией, динамика этих отношений с конца XX века по настоящее время. Структура экономических отношений и её изменение с течением времени, отслеживаются изменения в ключевых отраслях. Дается определение существующим ограничениям и возможностям России в экономической деятельности с Японией. Рассматриваются крупнейшие совместные проекты и организации, а также планы совместной деятельности в четырех островах. Дается характеристика роли малого и среднего бизнеса в реализации совместных проектов и освоений ТО-Ров. Определяются основные мотивы и цели России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также мотивы и цели Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества между Россией и Японией в более долгосрочном плане, возможность подписания мирного договора.

Ключевые слова: Россия, Япония, российско-японские отношения, трансформация международных отношений, страны АТР, мирный договор, экономические отношения.

Для цитирования: Магдеев Р.Р., Халиуллина А.А. Динамика экономических отношений между Россией и Японией, основные мотивы. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(2): 78-83

ABSTRACT

The article examines the policy of Russia in the Asia-Pacific region, the role of Russia for Japan and Japan for Russia. The economic relations of Russia with Japan, the dynamics of these relations from the end of the twentieth century to the present. The structure of economic relations and its change over time, changes in key sectors. The definition of the existing restrictions and opportunities of Russia in economic activity with Japan. The largest joint projects and organizations are considered, as well as plans for joint activities in four islands. The role of small and medium-sized businesses in the implementation of joint projects and development of ASEZs is described. The main motives and goals of Russia in the Asia-Pacific region are determined, as well as the motives and goals of Japan in the Asia-Pacific region. Prospects for cooperation between Russia and Japan in the longer term, the possibility of signing a peace treaty.

Key words and phrases: Russia, Japan, Russia-Japan relations, transformation of international politics, Asia Pacific countries, peace treaty, economic relations.

For citation: Magdeev R.R., Khaliullina A.A. Dynamics of economic relations between Japan and Russia, basic motives. Modern oriental studies. 2019; 1(2): 78-83

Экономические связи между Россией и Японией в первое десятилетие XXI века продемонстрировали поступательную, хотя и неровную, динамику. В 2011 году двусторонний торговый оборот достиг рекордной отметки в 30,8 млрд долл. При этом экспорт России в Японию составил 19 млрд долл., а импорт – 11,8 млрд долл. Таким образом, Россия имела положительное сальдо в торговле с Японией в размере 7,2 млрд долл. Однако доля Японии в российском товарообороте составляла всего около 4 %. То есть роль Японии во внешней торговле России весьма незначительна. Еще меньшее значение имеет Россия во внешней торговле Японии. Ее доля во внешнеторговом обороте Японии чуть более 1,8 % [Панов, 2011, С. 11].

Но при этом структура торговли на протяжении долгих лет не претерпевает серьезных изменений. Япония закупает у России преимущественно энергоресурсы, цветные металлы, морепродукты и лес. На эти четыре товарные группы приходится свыше 90 % всего стоимостного объема российского экспорта в Японию.

Однако следует выделить динамику отношений, так президент России отметил, что японский бизнес вкладывает капиталы и технологии в лесной и агропромышленный комплексы нашей страны. В Красноярском крае совместно создается мощный лесохимический комплекс, оснащенный самым современным оборудованием, а объем инвестиции составляет – 3,5 млрд долларов. Хорошие перспективы, по мнению президента, намечаются и для сотрудничества в сфере медицины. Также, отметил он, с использованием современных отечественных и японских технологий в нашей стране будет построен Центр диагностики и лечения рака, а в 2014 году в Ярославле

начнет работу фармацевтический комплекс «Такеда» с инвестициями более 100 млн долларов. Путин также напомнил и о примерах кооперации в сфере автопрома: во Владивостоке выпускаются машины марки «Мазда», в Калужской области налажено производство компании «Мицубиси», в феврале 2013 года в Приморье запущено серийное производство автомобилей «Тойота». Кроме того, «Бриджстоун» вместе с «Мицубиси» построят завод по производству автопокрышек в Ульяновской области [2].

Рассматривая сферу энергетики следует выделить такие проекты как

«Сахалин-1» и «Сахалин-2», в которых участвует японский бизнес. Реализация данных проектов позволили начать экспорт нефти в Японию.

На фоне повышения цен на нефть в 1999 и 2005 годах российская государственная монополия «Транснефть», начала строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий Океан на участке Тайшет (Иркутская область) – Сковородино (Амурская область) в 2006 году.

Нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий Океан был введен в эксплуатацию в 2009 году. А в 2012 году нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий Океан был продлен от Сковородино до порта Козьмино в Приморском крае.

С 2009 года предприятие по производству СПГ «Сахалин-2», управляемая компанией «Сахалин Энерджи», начало экспорт будучи единственным российским экспортёром СПГ. Если в 2010 году объём экспорта российского СПГ в Японию оставался на уровне 6 млн тонн, то уже в 2013 году он увеличился до 8,6 млн тонн. Но после достижения этого пикового значения за два года объём экспорта российского СПГ в Японию снизился до менее 8 млн тонн. Основной причиной ограничения увеличения

объёмов производства заключалась в ограниченных возможностях предприятия «Сахалин-2», единственного на тот момент российского предприятия СПГ. Проектная мощность производственных линий предприятия «Сахалин-2» составляла 9,6 млн тонн в год. Поэтому, для дальнейшего наращивания экспорта СПГ в Японию России необходимо увеличение производственных мощностей предприятия «Сахалин-2» или создание новых предприятий по производству СПГ [Тайсуке, 2019, С. 9].

В целом следует отметить что администрация Путина задалась целью максимально диверсифицировать своих экономических партнёров в АТР для развития Дальнего Востока, включив в их число Японию, Южную Корею и другие страны. Японские политические элиты всерьёз восприняли фразу о том, что развитие Сибири и Дальнего Востока – «наш национальный приоритет на весь XXI век» произнесённую Владимиром Путиным, как своего рода стратегический сигнал от России. Также немаловажным является создание Министерства по развитию Дальнего Востока и проведение саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке. Всё это соответствует развороту российской политики в сторону Азии, который был инициирован президентом Путиным [Панов, 2012, С. 15].

Пришедшая к власти в Японии в декабре 2012 года администрация Синдзо Абэ, активно поддерживает японский бизнес и стимулирует его к участию в развитии российского Дальнего Востока. Главной целью данной активности является создание благоприятных условий для разрешения давнего территориального вопроса и заключение мирного договора между Японией и Россией. Необходимо полномасштабное наращивание взаимного доверия между страна-

ми через углубление сотрудничества и связей на всех уровнях, включая экономику и культуру. Одним из ключевых областей экономического сотрудничества должно стать развитие российского Дальнего Востока, а также совместная экономическая деятельность на спорных Курильских островах.

Что касается совместной экономической деятельности России и Японии на спорных Курильских островах, оба правительства уже определили потенциальные проекты в 5 сферах:

- развитие туризма по особым местам Курильских островов;
- тепличное овощеводство; аквакультура и морепродукты;
- меры по снижению объёмов мусора;
- внедрение генерации ветровой энергии.

На данный момент министерства иностранных дел обеих стран продолжают консультации по созданию правового механизма для реализации этих проектов [4].

Рассматривая средний и малый бизнес следует отметить что, несмотря на поддержку японского правительства, японские компании во многом считают инвестирование в российский Дальний Восток нецелесообразным с точки зрения бизнеса поэтому не инвестируют свои средства так активно. Российское правительство предусмотрело такой вариант событий и предприняло ряд мер по созданию привлекательных условий в данном регионе включая создание территорий опережающего социально-экономического развития и Свободного порта Владивосток.

По настоящее время в качестве резидентов ТОРов зарегистрировано шесть японских компаний. Среди них совместное российско-

японское предприятие «Джей Джи Си Евергрин», которое создано по инициативе японской компании «Джей Джи Си», основная деятельность которой направлена на снабжение местного населения Хабаровска свежими огурцами и помидорами. Аналогичный проект появился в Якутске в рамках проекта «Саюри» по инициативе японской компании «Хоккайдо». Японская корпорация «Arai Shouji» при сотрудничестве с российским партнером планирует создать два предприятия: «Прометей» (по производству запчастей для электрокаров) и «Терминатор» (по переработке автомобилей). Российско-японская компания «Хонока-Сахалин» совместно с компанией «Марушин Ивадера» начали работу по созданию первого курорта с горячими источниками в японском стиле на острове Сахалин. Совместное российско-японское предприятие «Мазда Соллерс» планировали в 2018 году запустить производство двигателей для автомобилей во Владивостоке.

Кроме вышеуказанных компаний, три японские компании были зарегистрированы в качестве резидентов Свободного порта Владивосток. Компания «Славянский лесной терминал», созданная японской корпорацией «Иида Сангё Холдинг», планировали построить заводы по производству пиломатериалов и переработке древесины в Приморском крае. В мае 2018 года компания «JGS Nokuto Healthcare» открыла реабилитационный центр во Владивостоке. Началась диверсификация прямых японских инвестиций в Россию и переход от исключительной ориентации на традиционную энергетику и крупные автомобильные предприятия в пользу новых малых и средних предприятий в сфере здравоохранения, туризма, сельского хозяйства и т.д. Данная тенденция

началась сравнительно недавно, поэтому необходимо продолжать прилагать дальнейшие усилия для её расширения и ускорения [Тайсуке, 2019, С. 12].

Интерес Японии к восточным районам России продолжает расти. Но рассматривая основы данного интереса следует отметить различия – прежде всего, если раньше Япония отталкивалась от военно-политического противостояния с Россией, то сейчас основывается на причинах невоенного характера. Теперь важное значение имеет экономическая конкуренция с Китаем, зависимость от внешних энергетических и продовольственных рынков, озабоченность проблемами экологии в данном регионе.

Выстраивая политику по отношению к России Япония проявляет осторожность и продолжает отталкиваться от задачи возвращения «северных территорий». Все это обусловлено осторожностью японского бизнеса, проявляющая интерес и исключительную прагматичность по отношению к России. Собственный опыт взаимодействий Японии с постсоветской Россией заставляют их быть ещё более осторожными, поэтому общественное мнение также не испытывает особых симпатий к своему западному соседу. Хотя префектуры восточного побережья Японского моря в большей степени заинтересованы в связях с Россией, но и они имеют не меньший выбор для международного взаимодействия. В целом у Японии есть выбор, зачастую не более привлекательное, но тем не менее более предсказуемое [2].

Синдзо Абэ проявляет упорство и настойчивость в общении с Кремлем, и его мотивы достаточно ясны и прозрачны. В условиях неуклонного сокращения степени вовлеченности США в международные дела, особенно

в Евразии, японский премьер стремится выстроить баланс в отношениях с ведущими державами. Чтобы чувствовать себя увереннее в отношениях с Пекином основные усилия направлены на Россию и Индию. Также следует отметить стремления премьера Синдзо Абэ войти в историю как политик сумевший вернуть суверенитет хотя бы над частью так называемых северных территорий и сумевший заключить мирный договор с Москвой.

С другой стороны, мотивы российской стороны также вполне очевидны. Япония является ведущей экономической, технологической, финансовой державой, взаимодействие с которой крайне важна для России и российского Дальнего Востока, в частности. Хотя Япония и остается верным союзником США, Япония проявляет больше самостоятельности во внешней политике и все больше ориентируется на национальные интересы. Полноценные отношения с Японией укрепляют политические и экономические позиции России в Азии и на Тихом океане. Урегулирование пограничных вопросов с соседями, как это, например, произошло с Китаем, способствует повышению уровня безопасности страны и формирует культуру доверия с соседними странами.

Подведение окончательной черты под проблемами, унаследованными от прошлого, и строительство фундамента отношений доверия и сотрудничества – сложные задачи, решение которых в конечном счете должно быть ратифицировано не только парламентами, но и народами России и Японии.

Процесс согласования является сложнейшим упражнением по сопряжению реальных интересов двух стран, а переговоры – инструментом для создания элементов доверия и вы-

страивания взаимопонимания между странами. Конечная цель – мирный договор, является результатом определения границ, договоренностей об экономическом и военном сотрудничестве. При правильных выстраиваниях отношений конечная цель должна стать в дальнейшем генератором доверия между странами, и способствовать раскрытию потенциала в данном регионе [Ларин, 2011, С. 154].

На данный момент в отношениях России и Японии складывается крайне благоприятная политическая конъюнктура. Обе страны возглавляют опытные политики-патриоты, пользующиеся поддержкой большинства населения и доверием элит. Учитывая, что премьер-министр Синдзо Абэ вероятно будет оставаться на своем посту до 2021 года, а президент Владимир Путин до 2024 года, окно возможностей определена и довольна продолжительна. Учитывая все эти факторы, шанс на укрепление отношения отношений между странами не должен быть упущен, а конечным результатом должно стать подписание мирного договора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Волков С.В. Япония во взаимоотношениях России и США. – № 1., 2011. С. 152-172.
2. Москва и Токио: диалог с понятными мотивами [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/2017/11/23/ru-pub-74810> (Дата обращения: 12.08.2019).
3. Тайсукэ А. Япония и развитие российского Дальнего Востока. Валдайские записки №106., 2019. С. 15.
4. Справка: Совместная хозяйственная деятельность на четырех северных островах [Электронный ресурс]. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/20171020

(Дата обращения: 09.08.2019).

5. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI века., 2011. С. 152-172.
6. Владимир Путин и Синдзо Абэ поручили активизировать работу по мирному договору и надеются на новые взаимовыгодные проекты [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/516902> (Дата обращения: 28.07.2019).
7. Панов А.Н. Современные российско-японские отношения и перспективы их развития., 2012. С. 11-26.
8. James C. Baxter Interpretations of Japanese culture: views from Russia and Japan. – 2007. p. 408.
9. Weaver O. Securitisation and Desecuritisation // On Security. – New York, 1995. p. 46-86.
10. Mikhailova Yu., Steele M.W. Japan and Russia Three centuries of mutual images., 2008. 237 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

1. Volkov S.V. Yaponiya vo vzaimootnosheni-yakh Rossii i SShA. – № 1., 2011. P. 152-172.
2. Moskva i Tokio: dialog s ponyatnymi moti-vami [Elektronnyi resurs]. URL: <https://carnegie.ru/2017/11/23/ru-pub-74810> (Data obrashcheniya: 12.08.2019).
3. Taisuke A. Yaponiya i razvitie rossiiskogo Dal'nego Vostoka. Valdaiskie zapiski №106., 2019. P. 15.
4. Spravka: Sovmestnaya khozyaistvennaya deyatel'nost' na chetyrekh severnykh ostro-vakh [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/20171020 (Data obrashcheniya: 09.08.2019).
5. Larin V.L. Tikhookeanskaya Rossiya

v kontekste vneshnei politiki i mezhdunarodnykh otnoshenii v ATR v nachale XXI veka., 2011. P. 152-172.

6. Vladimir Putin i Sindzo Abe poruchili aktivizirovat' rabotu po mirnomu dogovoru i nadeyutsya na novye vzaimovygodnye proekty [Elektronnyi resurs]. URL: <https://tass.ru/politika/516902> (Data obrashcheniya: 28.07.2019).
7. Panov A.N. Sovremennye rossiisko-yaponskie otnosheniya i perspektivy ikh razvitiya., 2012. P. 11-26.
8. James C. Baxter Interpretations of Japanese culture: views from Russia and Japan. – 2007. p. 408.
9. Weaver O. Securitisation and Desecuritisation // On Security. – New York, 1995. p. 46-86.
10. Mikhailova Yu., Steele M.W. Japan and Russia Three centuries of mutual images., 2008. 237 p.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Magdeev Rafik Rashitovich, assistant

The Department of Altaic Studies and Sinology, The Institute of International Relations

Kazan (Volga region) Federal University
magdeef@mail.ru

Khaliullina Alina Ayratovna, assistant

The Department of Altaic Studies and Sinology, The Institute of International Relations

Kazan (Volga region) Federal University
alina.khaliullina27@gmail.com

Принята к публикации: 10.10.2019

КРАТКИЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНОСТЕЙ В ЧТЕНИИ ИЕРОГЛИФОВ “LIAO” И “XING”

——以“撩”、“興”的讀音問題為例

韩康, 杨军

安徽大学

Хан Кан, Ян Цзюнь

Университет Аньхой, Китайская Народная Республика

淺談中學語文教學法

АННОТАЦИЯ

В процессе обучения в средней школе преподаватели не могут систематически объяснить эволюцию китайского языка, а именно эволюцию изменения того или иного иероглифа, что приводит к возникновению проблем обучения. Такие слова, как "liao" (хворост, дрова) имеет 3 формы прочтения: liáo, liǎo, liǎo. в 'лавровой хунь, госпожа хунань'. в одном предложении разные учителя имеют разные варианты. В строчках девятой песни «Чу цы» мы можем встретить слово "liao", и преподаватели читают его по-разному. Что же касается слова "xing", то уже издавна это слово имеет два способа прочтения: первый тон и четвертый тон. И как, например, правильно прочитать название стихотворения «秋興八首», входящее в сборник «300 стихов Ду Фу, нужно ли в слогге "xing" использовать первый или четвертый тон, этот вопрос остается открытым по сей день. Данные вопросы вызывают затруднения не только у китайских преподавателей, но и у иностранных преподавателей и также всех изучающих китайский язык, и требуют ясности и упорядочивания. В данной статье на примере чтения слогов «liao, xing» рассматриваются вопросы китайской филологии.

Ключевые слова: китайский язык, филология, иероглифы, среднее образование, преподавание, тон, слог.

Для цитирования: Хан Кан, Ян Цзюнь. Краткий анализ методов преподавания в средней школе на примере сложностей в чтении иероглифов «liao» и «xing». *Современные востоковедческие исследования*. 2019; 1(2): 84-92

摘要

在中學語文教學過程中，由於部份前線教師不能系統的解釋今古漢語之間的演變，從而極可能導致教學問題的出現，比如“撩”有liáo、liǎo、liǎo三種讀音，在“桂棟兮蘭橈，辛夷楣兮藥房”（《楚辭·九歌·湘夫人》）一句中，不同的老師卻有不同的選擇；再如“興”自古有平去兩讀，在《杜甫詩三首》這篇課文中，《秋興八首》（其一）這個題目中的“興”到底該選擇平聲還是去聲，這個問題同樣懸而未解。這些問題的存在不僅對國內的漢語教師是個難題，對國外有志於漢語教學或者喜愛漢語的人來說，同樣是需要梳理清楚的。本文旨在以“撩”、“興”的讀音問題為例來闡述如何解決中學語文教學中存在的此類富含爭議性的問題。

關鍵詞：中學語文撩興現實性問題

*For citation: Han Kang, Yang Juan. Brief analysis of teaching methods in high school on the example of difficulties in reading the characters "liao" and "xing". *Modern Oriental Studies*. 2019; 1(2): 84-92*

中華民族有著悠久的歷史和燦爛的文化，從古至今綿延不斷，但這並不能代表古今相同，或者說相差無幾，相反，它一直在發展和演變著，明代學者陳第在其《毛詩古音考·自序》中說：“蓋時有古今，地有南北，字有更革，音有轉移，亦事所必至。”今古存異已是不爭的事實，比如世界上人口使用最多的漢語，它由古至今的演變和發展是多方面的，如語音、意義以及語法等，語音方面：古有平上去入四個調，而現在的普通話已經變成了陰平、陽平、上聲、去聲四個調，入聲只保存於一些區域的方言中；意義方面：有的詞彙意義擴大了，比如“江”、“河”等；語法方面：古漢語經常使用省略句式，另外還有一些特殊句式，如在否定句中，將賓語提前等。這些問題在現實教學過程中並不是難以解決的，真正讓師生感到難以解釋的是模稜兩可的答案，甚至有的教師會用現代漢語的註釋去解釋古代漢語，最後越裹越亂。

不能顧及可能出現的所有問題或者說處理這類問題不當勢必會給漢語教學工作帶來影響，尤其是一些前線教師並未系統接觸過音韻、訓詁等學問，對古今字形、語音、意義等的演變並不能做出正確的判斷，從而導致教學出現問題。韓愈在《師說》中寫道：“師者，所以傳道受業解惑也。”但在中學語文的教學實際中，就真實地存在這樣的教學案例：在學習“桂棟兮蘭橈，辛夷楣兮藥房”（《楚辭·九歌·湘夫人》）這一句時，儘管課文下註釋里有明確的讀音，但因為“橈”在參考書、字典中共有liáo、liǎo、lǎo三種讀音，並在不同的注音下有著不同的注釋，於是不同的教師依據不同的證據就有了不同的選擇，更讓學生無

法理解或者倍感困惑的是，老師們也無法判斷和解釋另外兩個讀音的錯誤，這就給教師自己和學生帶來了巨大的困惑；還如在學習杜甫的《秋興八首》（其一）時，教師不知道“興”該讀去聲還是平聲，去聲的“興”可以解釋為興趣、興致之意，面對秋天蕭瑟的景物，於是詩人有感而發，這是可以說得通的；而平聲的“興”則可以解釋為發也，起也。於是在現實的教學過程中，我們就可以看到這樣的場景，同是一個學校的學生，師從不同的教師，在同一個字的讀音上卻有所區別，至於他們該如何解釋自己的選擇，有時候連他們自己都不知道，只知道自己的老師是這麼教的。還比如初一上學期就接觸到的《論語》，這裡的“論”是讀lún還是lùn也是現實教學過程中需要注意的問題，甚至有的老師對此都無法解釋，只是按照日常生活中積累的讀音來教育學生。

（一）

人教版高中語文選修本《中國古代詩歌散文欣賞》第9頁選錄的課文《楚辭·九歌·湘夫人》³中有“桂棟兮蘭橈，辛夷楣兮藥房”一句，其中對“橈”的註釋為該頁第33條：[橈（lǎo）]屋椽。儘管課本中對此有明確的注音和註釋，但一些教師在參考其他的資料時會發現關於“橈”的讀音，有以下幾種情況：

《中國古代詩歌散文欣賞》（第2版），人民教育出版社，2006（11）。

¹陳第.毛詩古音考[M]，北京：中華書局，2008.

²《中國古代詩歌散文欣賞》（第2版），人民教育出版社，2006（11）。

³課本中第1條註釋：選自王泗原《楚辭校釋》（人民教育出版社1990年版）。

課本中第1條註釋：選自王泗原《楚辭校釋》（人民教育出版社1990年版）。

1.《新華字典》第11版“撩”下注：liáo①屋檐。②用于地名：太平～（在福建省連城）。

2.《現代漢語詞典》（第7版）⁴中“撩”下注：liáo①<書>屋檐。②用于地名：太平～（在福建）。

3.《古漢語字典》⁵“撩”下注：liǎo①屋椽。司馬相如《上林賦》：“仰攀～而捫天。”②lǎo通“輦”。車篷骨架。《論衡·說日》：“系明月之珠于車蓋之～。”③薪柴。《管子·侈靡》：“雕～然后爨之。”

4.百度百科“兰撩”[lán liǎo]條注：是指用木兰做的椽子。亦用为椽子的美称。但其下拼音处注为：lán liáo，出处为：《楚辭·九歌·湘夫人》。

5.在國學大師軟件中輸入“撩”可知注音為liáo，釋義有：①屋椽：“桂棟兮兰～，辛夷楣兮药房。”②车蓋弓：“古之為路車也，蓋圓以象天，二十八～以象列星。”③柴薪。④古書上說的一種藥草。

綜上，我們可以看到“撩”在表示“屋椽”的注音共有三種：lǎo、liáo、liǎo。那麼在現實教學過程中師生們應該選擇哪個讀音呢？

在思考這類問題之前，我們應該清楚這樣一個概念，那就是古今音雖然不同，但從古而今卻是有跡可循的，比如意義上的演變可以找到一條清晰地線路，然後由意義出發找到該意義對應的讀音，這是一條基本的線索。另外，要想弄清楚如何解決這類問題，勢必要借鑒音韻和訓詁的知識，這正是一部份教師所未能掌握的。

下面我就“撩”在此的讀音問題進行分析：

1.“兰撩”在古籍中的出現

“兰撩”在古籍中並不是冷僻詞彙，相反它很早便出現了，《說文解字》釋為椽也。南朝齊謝朓《新治北窗和何從事》：“岩峽兰撩峻，駢闐石路整。”明无名氏《四賢記·請假》：“可怜我囊資切尽，桂栋兰撩一旦摧，父母久抛离。”

2.“撩”在古籍中的出現

《淮南子·本經訓》：“乃至夏屋宮駕，县联房植，撩檐椽题，雕琢刻鏤。”章炳麟《新方言·释宮》：“近檐则撩易见，故连言撩檐。杭州谓檐为撩檐。”其中撩檐（lǎo yán）釋為房檐。

另外，古有“平撩”一詞，宋代的《營造法式·總釋下·平棊》引《山海經圖》：“作平撩，云今之平棊也。”梁思成先生注：古之謂承塵。據胡正旗先生考證，李誠引錄的“平撩”自何處已無法考證，但這一名物確實存在，出現年代大致應該在魏晉前後。比如：晉武帝咸寧中，魏舒為司徒。府中有二大蛇，長十許丈，居廳事平撩上，止之數年，而人不知，但怪府中數失小兒及雞犬之屬。

⁴中國社會科學語言研究所詞典編輯室，現代漢語詞典（第7版），商務印書館，2017（1）。

⁵王力·古漢語字典[Z]，北京：中華書局，2000。

（《搜神記》卷十九）

武帝咸寧中，司徒府有二大蛇，長十許丈，居聽事平檁上而人不知，但數年怪府中數失小兒及豬犬之屬。（《晉書·五行志下》）

但“檁”在此並不是椽子的本意，而是指承塵的承重木條，像今天吊頂的龍骨。“平檁”一詞易誤解，如馬銀琴、周廣容譯注《搜神記》該段時就解釋為“屋椽”，但顯然這個解釋是不合此處語境的，“平檁”應該是指封閉的承塵，否則大蛇早就被人發現了。

屋上覆檁，古人謂之“綺井”，亦曰“藻井”，又謂之“覆海”。今令文中謂之“斗八”，吳人謂之“愚頂”。唯宮室、祠觀為之。（沈括《夢溪筆談·器用》）

《釋名·釋車》⁶ 第二十四“輶”下注：蓋義也，如屋檁也。王逸注：以木蘭為檁。洪興祖補注：“檁，音老。”

3. 檁、椽和桷

翻看古書，我們會發現“檁”和“椽”、“桷”聯繫緊密，其實後二者是古代的方言，三者所表示的意義是一致的：

椽，形聲字。從木，衰聲。椽子的別稱（秦方言）。《說文》：“椽，秦名為屋椽，周謂之椽，齊魯謂之桷。”《左傳·襄公三十一年》：“棟折椽崩，僑將厭焉。”《荀子·哀公》：“仰視椽棟，俯見幾筵。”

桷，形聲字。從木，角聲。椽子的別稱（齊魯方言）。《說文》：“桷，椽也。”《春秋·莊公二十四年》：“刻桓宮之桷。”孔穎達疏：“桷謂之椽，椽即椽也。”

古代的韻書、字書對“檁”的註釋如下：

《說文解字》	椽也，從柰木聲，盧浩切。
《類篇》	憐蕭切，椽也，又魯皓切又郎到切，蓋弓也。
《廣韻》	蕭韻有：蓋骨，亦椽也，又力道切；上聲皓韻有：屋檁，檐前木，一曰蓋骨，一曰欄木，《說文》曰椽也。
《龍龕手鏡》	“檁”下注：音聊，蓋骨也，又音老，屋口簾前木也，一曰欄。
《集韻》	蕭韻“檁”下注：椽也；上聲皓韻注：《說文》椽也；號韻下注：蓋弓也，一曰椽也。
《正字通》	魯考切，音老，椽尚橫木。《廣韻》屋檁，檐前木，今屋檐呼椽檐，《楚辭·九歌》：“桂棟兮蘭椽”，又《篇海》車蓋弓，言車前蓋如弓形者，六書故蓋弓謂之椽，與輶通。
《字源》	“檁” lǎo 下注：形声字。从木，柰声。本意是椽子。《说文》：“椽，椽也。”

⁶（汉）劉熙撰·釋名 [M]，中華書局，2016（4）

另外，中古的兩部韻書《經典釋文》和《慧琳一切經音義》同樣存有“檠”的讀音：

《經典釋文·周禮音義下》⁷第538頁10條“蓋檠”下注：音老，劉力報反。《十三經注疏·周禮注疏》⁸第1965頁“弓鑿廣四枚鑿上二枚鑿下四枚”條下疏：弓蓋至一寸。釋曰云：弓，蓋檠也者。漢世名蓋弓為檠子也，所以庇車者。

《慧琳一切經音義下》⁹第2184頁24條“桂”下注：勞早反。王逸注《楚辭》云：，檠也。《說文》：檠，椽也。從木柰聲。音遼。

田浩先生《〈王力古漢語字典〉“檠”字注音商榷》¹⁰一文，從同源字、介音、方音、詩歌押韻等四個角度來說明“檠”作“椽子”義時，其讀音應為lǎo，而且liǎo為誤音，字典中應正音為lǎo，又音liáo。

另外，還需要注意的是，《楚辭·九歌·湘夫人》：“桂棟兮蘭檠，辛夷楣兮药房。”引申指車蓋的弓形骨架。《淮南子·俶真》：“若夫墨楊申商之於治道，猶蓋之無一檠，而輪之無一輻，有之可以備數，無之未有害於用也。”這個意義後來寫作“輦”。

⁷陸德明. 經典釋文 [M]. 上海古籍出版社, 2013.

⁸阮元校刻. 《十三經注疏》 [M], 中華書局, 2013.

⁹徐時儀校注. 《慧琳一切經音義》 [M], 上海古籍出版社, 2008.

¹⁰田浩. 《王力古漢語字典》“檠”字注音商榷 [J], 《語文天地》, 2013 (402).

¹¹劉學鍇. 《唐詩選注評鑿》 [M], 中州古籍出版社, 2014, 第1173頁.

綜上，我們可以看出，“檠”作“椽子”義時，其讀音應為lǎo。

(二)

人教版高中語文必修三第38頁第五課《杜甫詩三首》中的第一首為《秋興八首》（其一），詩歌具體如下：玉露凋傷楓樹林，巫山巫峽氣蕭森。江見波浪兼天湧，塞上風雲接地陰。叢菊兩開他日淚，孤舟一系故園心。寒衣處處催刀尺，白帝城高急暮砧。

當我們仔細品讀這首詩歌，其中的“玉露”、“蕭森”、“寒衣”無不散發著淒清的氛圍。詩人正是因為看到了眼前的景，心里才有了一系列的情感波動，劉學鍇先生在《》中說：“‘興’的內容意蘊離不開‘秋’字。詩人的情懷和感慨，因蕭瑟的秋色、秋氣而引發，故曰‘秋興’。”

但在現實教學過程中，師生很快就會遇到這樣一個問題，即“興”的讀音到底是平聲還是去聲，儘管只是聲調不同，但因為中國古代就有以聲調區別意義的做法，所以到底選擇平聲還是去聲，並不是簡簡單單的選擇聲調，甚至有的教師認為這裡的“興”與古代“賦比興”中的“興”是一樣的，都應該讀為xìng。

這個問題又涉及到古代音和現代音的區別，尤其是在教學的過程，如何清晰明瞭的告訴學生“興”在這裡是什麼意思，然後決定選擇哪個音為正確讀音。

首先，這是杜甫詩晚年詩歌創作的巔峰，也是其組詩中的代表作品，陳眉公評價道：“雲霞滿空，回翔萬狀，天風吹海，怒濤飛涌，可喻老杜興諸篇（《杜詩鏡銓》引）”

《秋興八首》為一組詩，每篇又有自己的特色，構成一個完整的部份，集中表達了作者心憂國家安危命運的思想，以秋日蕭瑟、淒清的景色為意象，雖然詩人已是垂暮之年、身世飄零，但他對國家、對民族的關切卻依然深厚，在身居夔州之際，淒清的秋景帶來了數不清的情思。課下的第一個註釋為：選自《杜詩譯注》（中華書局1979年版）。這組詩共八首，是唐代宗大歷元年（766）杜甫流寓夔州（今重慶奉節）時所作。這裡所選的是第一首。秋興，就是借秋天的景色感物抒懷之意。

葉嘉瑩先生曾在《杜甫〈秋興八首〉集說》¹²中說：“蓋此八詩，原但為杜甫寓居夔州，因見秋日草木之凋傷，景象之蕭森，而內心油然而有所感發而作。至於其所興感者為何，則杜甫平日所心心念念者。”

李丹女士在《淺析杜甫〈秋興八首〉之“興”》¹³中說：“秋興者，遇秋而遣興也，感秋生情之意。《秋興八首》是杜甫晚年為逃避戰亂而寄居夔州時的代表作品，作於大歷元年（公元766年），時詩人56歲。全詩八首蟬聯，前呼後應，脈絡貫通，組織嚴密，既是一組完美的組詩，而又各篇有所側重，每篇都是可以獨立的七言律詩。

全詩意象化的感情，抒發的是故國和故園之思。”

其次，從課文下的註釋里，我們可以清楚地看到，這裡的“興”其實就是感物抒懷，至於部份教師或者學生認為這裡是“賦比興”手法，明人王嗣奭《杜臆》¹⁴曾云：“語云‘秋士悲’，秋原易悲，而公之情事，有許多可悲者，而感秋景以生情。第一首乃後來七首之發端，乃《三百篇》之所謂興也。”但從課文中的註釋就可以看到，這個說法是並不能成立的，在中學語文教學過程中，教師解釋“賦比興”手法時通常採用的都是宋儒朱熹的解釋，比如在學習《關雎》、《蒹葭》等篇章時，談到“賦比興”，老師一般都會告訴學生：賦者，直抒其情；比者，借物言志；興者，先言他物以引起所詠之詞也。其中的“興”，拿具體的例子，如《關雎》中的“關關雎鳩，在河之洲”即為興的手法。而宋李仲蒙從物與情的關係談興：觸物以起情謂之興，物動情也。所以這裡的“興”並不能歸為“賦比興”，其讀音也不該為去聲。

翻看現代的漢語詞典（第7版）我們可以看到：

興 xìng	興致；興趣。
興 xīng	盛；流行；②使盛行；③開始；發動；創立；④起；起來；⑤<方>准許（多用於否定式）；⑥<方>或許；⑦（xīng）姓。

¹²葉嘉瑩.杜甫《秋興八首》集說 [M]，北京大學出版社，2014，第19頁。

¹³李丹.淺析杜甫〈秋興八首〉之“興” [J]，《杏壇沙龍》，2011。

¹⁴王嗣奭.杜臆 [M]，中華書局，1963，第274頁。

由上表可以看出，“興”在現代漢語中，其去聲的意義為興致一項，其餘均為平聲所對應。

翻看古代韻書、字書，可以看到“興”的解釋為：

韻書	註釋
《說文解字》	起也。從舁從同，同力也，虛
《廣韻》	盛也，舉也，善也。《說文》曰：起也，從舁從同，同力也，亦州名，戰國時為白馬玄之地，漢置武都郡，魏立東益州，梁為興州，因武興山而名，虛陵切又許應切。
《龍龕手鑑》	正虛凌反，舉也，起也，善也，盛也，歆也，又州名，山
《玉篇及殘卷》	虛凝切，盛也，起也。又許應
《篆隸万象名》	虛凝反，識、起、動、發、
《類篇》	虛陵切。《說文》：起也。從舁從同。同，力也。又州名。
《集韻》	虛陵切。《說文》：起也。從舁從同。同，力也。又州名。

從上表可以看出，“興”在古代存有平去兩個讀音，其中《說文解字》、《龍龕手鑑》、《篆隸万象名義》只收錄了平聲音，其對應的意義為起也，而去聲音對應的意義為象也。

中古韻書《經典釋文》、《慧琳一切經音義》二書收“興”如下：

“興”在《經典釋文》¹⁵中的注音如下：

出處及頁碼	注音釋義
《毛詩音義》205.8	曰興：虛應反，沈許甌反。
《毛詩音義》205.35	興也：虛應反，沈許甌反。案：興是譬諭之名，意有不盡，故題曰興。他皆放此。
《毛詩音義》293.11	而興：許膺反。
《周禮音義》440.4	興也：虛膺反，下同。
《周禮音義》475.5	興道：許應反，劉虛甌反，注同。下音導。
《周禮音義》477.10	興也：許應反，後皆放此。
《周禮音義》478.27	曰興：虛應反，注皆同。
《周禮音義》505.41	興也：虛應反，下同。
《禮記音義》711.5	既興：依注為響，音虛覲反。

¹⁵陸德明.經典釋文 [M].上海古籍出版社, 2013.

慧琳《一切經音義》¹⁶中只在第710頁存有一條，“興澍”下注：上香鷹反。鄭箋《詩》云：興，盛也。鄭注《考工記》云：興，動也。《說文》：興，起也。興字從白音掬從升音拱。澍音樹，又音注。《考聲》云：時雨降注曰澍。從水從寸豈知句反省¹⁷聲也。

“興”在《經典釋文》中共出現18次，其中去聲用反切表示，並有如字音，且如字音對應的意義為“發也”（1187.20）。據《經典釋文·序錄》：“若典籍常用，會理合時，便即遵承，標之於首，其音堪互用，義可竝行，或字有多音，眾家別讀，苟有所取，靡不畢書，各題氏姓，以相甄識。”另外，慧琳《一切經音義》只註平聲音，且意義為“盛也”。

楊軍先生在《〈經典釋文〉音注性質考察之一法》¹⁸一文中說：“如果一個常用的單音字，在特定文句中沒有通假用法，就無需注音。如果某個單音字有通假的用法，又需要標明其在文中最常用本字音，一般會用‘如字’的形式標記，這個音就是該字的‘常讀音’；如果這個字是用反切或者直音注出它的假借義，這個音就是該字的‘異讀音’。”因此，“興”平聲音是為其常讀音，對應的意義為其常用義。

從詩歌的內容來看，詩人是因為眼前的景才有了心中的情愫湧動，於是便揮筆寫下了這首

詩，正如張忠綱先生在《杜甫詩選》¹⁹中說：“秋興之興，是感興、發興之意。杜甫漂泊多年，寓居夔州，往事歷歷，時縈胸臆。值茲秋日，見草木之凋謝，景物之蕭森，觸景傷情，引發了對長安的四年與回憶，寫下了這組聯章體七律。”

綜上，《秋興八首》的教學實際中，“興”的讀音應為xīng，而不是xìng，其對應的意義為發也，即看到眼前之景從而有感而發。

結論：

1.“桂棟兮蘭橈，辛夷楣兮藥房”（《楚辭·九歌·湘夫人》）中“橈”應讀為lǎo，釋為椽子；《秋興八首》（其一）中的“興”應為平聲讀音，而不是去聲音，對應的意義為發也，這裡的“興”與中國古代的“賦比興”手法並無聯繫。

2.中學語文教學過程中，尤其是古代篇目的學習，師生要有古今不同的概念，切不能以今義去套古義，比如《秋興八首》中的“興”按“興致”也可以解釋，但古書卻並無此意項，這就需要教師要有足夠的意識和知識，即便學生對此感到困惑，也應該有能力去解決問題。

3.古今語音的不同需要參考諸多的韻書、字書以及文學著作，能直接找到答案的最好，找不到的就要利用音韻、訓詁等知識，首先由該字該詞的意義出發，然後找到它所具有然後找到它所具有的意象，根據需要選取其一，並由此找到對應的讀音以及合理的解釋，梳理出一條清晰地脈絡。

¹⁶慧琳著，徐時儀校注.慧琳一切經音義[M]，上海古籍出版社，2008.

¹⁷徐時儀先生注：省，衍。

¹⁸待刊。

¹⁹張忠綱.杜甫詩選[M]，中華書局，2009，第208頁。

4. 對外國教師、學者或者學生而言，中國漢語今古不同的概念更應該存入腦海，因為他們並沒有中國學生那般熟練的語感，古音的保留是存在，尤其是在一些南方區域的方言中，這就給那些愛好中國古代文學作品、古代文化的外國友人帶來了困難，但這個困難並不是不可克服的，比如世界上的諸多漢學家，他們同樣做得很優秀，充分地利用身邊的資源來學習一些音韻、訓詁知識。

參考文獻

1. 陸德明. 經典釋文 [M]. 上海古籍出版社, 2013.
2. 慧琳著, 徐時儀校注. 慧琳一切經音義 [M], 上海古籍出版社, 2008.
3. 阮元校刻. 《十三經注疏》 [M], 中華書局, 2013.
4. 陳第. 毛詩古音考 [M], 中華書局, 2008.
5. 劉熙撰. 釋名 [M], 中華書局, 2016.
6. 王嗣奭. 杜臆 [M], 中華書局, 1963.
7. 劉學鍇. 《唐詩選注評鑿》 [M], 中州古籍出版社, 2014.
8. 葉嘉瑩. 杜甫《秋興八首》集說 [M], 北京大學出版社, 2014.
9. 趙玉龍. 杜甫《秋興八首》賞析 [J], 科研筆記, 2015.

10. 田浩. 《王力古漢語字典》“僚”字注音商榷 [J], 《語文天地》, 2013.
11. 李丹. 淺析杜甫〈秋興八首〉之“興” [J], 《杏壇沙龍》, 2011.
12. 張忠綱. 杜甫詩選 [M], 中華書局, 2009.
13. 曾坤. 《秋興八首》(其一) 研究綜述及教學建議 [J], 中學語文教學, 2015.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

韩康, 杨军

安徽大学

Хан Кан, Ян Цзюнь

Университет Аньхой, КНР

淺談中學語文教學法

Anhui University, PRC

Принята к публикации: 10.10.2019 г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОЖНОГО УКАЗАТЕЛЬНОГО СЛОВА “其” В
ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ – НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В
СТИХОТВОРЕНИИ «КРАСОТА СКРОМНОЙ ДЕВУШКИ»

上古汉语中“其”的复指语用
— 从“静女其姝”之“其”说开来

张舒扬, 龚元华

安徽大学

Чжан Шуян, Гун Юаньхуа

Университет Аньхой, Китайская Народная Республика

淺談中學語文教學法

АННОТАЦИЯ

Слово “其” не только одно из самых непростых в употреблении, самое часто встречающееся слово в «Шицзине», но также имеет очень важную роль в древнекитайском языке в целом. В научных кругах отсутствует четкое понятие слова “其”, одни называют его служебным, другие местоимением. Основной причиной споров являются определения трех самых важных способов употребления данного слова – как указательного местоимения, служебного слова и модальной частицы. В древнекитайском повсеместно употреблялось “其” как указательное местоимение, большинство “其” служило плеонастическим местоимением. На примере «Красота скромной девушки» рассматривается использование слова “其”.

Ключевые слова: древнекитайский язык, филология, плеонастическое местоимение, указательное местоимение, служебное слово, модальная частица.

Для цитирования: Чжан Шуян, Гун Юаньхуа. Использование сложного указательного слова “其” в древнекитайском языке – на примере использования в стихотворении «Красота скромной девушки». Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(2): 93-99

摘要

“其”不仅是《诗经》中出现次数最多、用法最复杂的词之一，在整个上古汉语中亦有重要作用。学术界对“其”的用法尚无定论，一说作虚词，一说作代词。而争论的中心是“其”作为指示代词、助词、语气词这三种主要用法的确定。上古汉语中，“其”作为指示代词的复指用法显然更为普遍，绝大多数“其”都是作复指代词。以下以“静女其姝”为例，讨论“其”在此类句中的用法一般为复指代词。

關鍵詞: “其”; 复指; 代词

For citation: Zhang Shuyang, Gong Yuanhua. The use of the compound demonstrative word “其” in ancient Chinese exemplified by the use in the poem “The beauty of a modest girl”. Modern Oriental Studies. 2019; 1(2): 93-99

一、关于“其”字语用的讨论回顾

王引之《经传释词》卷五：“其，状事之词也。有先言事而后言其状者，若‘击鼓其镗’、‘雨雪其雱’、‘零雨其濛’之属是也。有先言其状而后言其事者，若‘灼灼其华’、‘殷其雷’、‘凄其以风’之属，是也。” [1]P32认为“其”作结构助词，为“状事之词”。杨树达先生在其著作《词诠》中指出“其”有句中助词之用，无义，认为“北风其凉”和“击鼓其镗”中的“其”均为句中助词 [2]P158。葛根贵先生在《〈诗经〉的“其”》中亦同意此说法。指出这类“其”为结构助词，用于连接前后两项，构成主谓结构或偏正结构 [3]。

王力先生则认为“其”是词头，在其主编的《古代汉语》中提出：“‘其’字一般用于形容词或不及物动词的前面作前缀。” [4]P258在《古代汉语大字典》中解释“其”作为代词的用法意义时，为“其”作两种注解：一是作为领位的人称代词，如《诗经·周南·桃夭》：“逃之夭夭，灼灼其华”；二是作为指示代词，指意之所属的那一个，如《史记·项羽本纪》：“今欲举大事，将非其人不可。” [5]P59

杨伯峻先生在《古汉语语法及其发展》提出“重言助词”的概念，并指出此类动词在《诗经》中，一般用于形容词前，作为该形容词的标志，即与单音节形容词结合之后起加强形容的作用，使单音节形容词跟重言相当，其形式是助词+形（单音节）相当于形形 [6]P481。该书举例如下：“静女其姝，俟我于城隅。”（《诗·邶风·静女》）其姝：姝姝，形容容貌美丽的样子；“北风其凉，雨雪其雱。”（《诗·北风》）其凉：凉凉；其雱：雱雱，形容大雪纷飞的样子；“硕人其颀，衣

锦褰衣。”（《卫风·硕人》）其颀：颀颀，形容修长的样子。唐莫尧先生在《诗经新注全译》中与杨伯峻先生观点相同，认为“静女其姝”和“静女其变”中的“其姝”即姝姝、其变即变变，表示“~貌” [7]P90。唐莫尧先生亦认为《周南·桃夭》篇“桃之夭夭，灼灼其华”中的“其”是代词作用虚化，语意不明显，为句中衬字 [8]P17。

邓昌荣提出：“‘其’字仍是指示代词，在句中以指示代词的形式修饰形容词，含有“这样（的）”、“那样（的）”意义，指示其性状之极的作用，充当程度指代词。” [9]刘雅娟亦提出《诗经》中的“其”是程度指示代词，与形容词相结合，在上下文语境中指示事物性状深一层、高一级的程度，以指示代词的身份来表示程度副词的语法意义；同时起强调作用，来表现诗人的言语行为，强调不同感情的效果，表达了诗人的情感深度，增强诗句的感染力 [10]。

二、“其”的复指语用分析

本文认为“其”在“静女其姝”类的句子里不能简单地理解为助词或语气词，而应是指示代词，有复指功能。谢伟锋先生在《谈古代汉语的复指成分》一文中提到，复指成分是句子中的一种特殊成分，指的是两个词或词组，实际上指相同的事物，在句子中居于同样的地位，作同样的成分。可以看出，复指成分有两个条件：一是指相同的事物，一是作相同的条件。只有一个条件，就不成为复指成分了 [11]。这两项界定复指对于复指代词也同样适用。因而，本文认为如“静女其姝”中的“其”应是复指前面的名词成分，即“静女”。

（一）相连的复指

1. 《诗经》中诸如“静女其姝”这类“NP+其”的结构不多，本文计有14例：

(1) 北风其凉，雨雪其雱，惠而好我，携手同行。

北风其喈，雨雪其霏。惠而好我，携手同归。

(《国风·北风》)

(2) 硕人其颀，衣锦褱衣。(《卫风·硕人》)

(3) 蟋蟀在堂，岁聿其莫。今我不乐，日月其除。(《唐风·蟋蟀》)

(4) 艺麻如之何？衡从其亩。(《唐风·南山》)

(5) 今者不乐，逝者其耄。今者不乐，逝者其亡。(《秦风·车邻》)

(6) 我来自东，零雨其濛。(《豳风·东山》)

(7) 锡尔纯嘏，子孙其湛。(《小雅·宾之初筵》)

(8) 邦靡有定，士民其瘵，蝥贼蠹疾，靡有夷届。(《大雅·瞻卬》)

(9) 丝衣其紃，载弁依依。(《周颂·丝衣》)

(10) 蔣兮蔣兮，风其吹女。(《郑风·蔣兮》)

(11) 四之日其蚤，献羔祭韭。(《豳风·七月》)

(12) 二子乘舟，泛泛其景。(《邶风·二子乘舟》)

(13) 朝濟于西，崇朝其雨。(《邶风·蟋蟀》)

(14) 八月其获，十月陨箨。(《豳风·七月》)

例(1)“北风其凉”和“北风其喈”中的“其”都是复指北风，例(2)中的“其”复指“硕人”。例

(3)中的“聿”为语助词[12]P147，故“其”复

指“岁”，意为一年将要过去。例(4)中“其”复指衡纵，意为或横或纵在田亩。例(5)中“其”复指“逝者”，即过去。例(6)中的“是”复指“零雨”，即小雨。例(7)中“其”复指子孙，意为子子孙孙喜无伦。例(8)中“其”复指士民，意为士民害了病。例(9)中的“其”复指“丝衣”。例(10)中的“其”复指代风。例(11)中的“其”复指“四之日”，即二月里。例(12)中“其”复指“泛泛”，即浮水，“景”同“憬”，远行貌。例(13)中“其”复指“崇朝”，即整个早上。例(14)中的“其”复指“八月”。

上述诗经中以“NP+其”的形式出现的句子，“其”都对前面的名词有复指作用。我们也可以见得，“NP+其”的形式之下亦有不同，大体可分为两种：一是“其+形容词”，如“静女其姝”、“硕人其颀”；二是“其+动词”，如“风其吹女”、“崇朝其雨”。

从语义的角度来看，“其”的存在与否似乎不影响我们对句子的整体理解，但是“其”重复指代前面的名词，起到了突出、强调作用，亦达到了修辞效果。同时，也满足了句子结构的需要，补足了句子，使句子读出来更加朗朗上口，便于民间吟唱或祭祀音乐。

2.除了“NP+其”的结构，诗经中还有一类是“VP+其”的结构，“其”复指前面的动词成分，如：

(14) 击鼓其镗，踊跃用兵。(《邶风·击鼓》)

(15) 降观于桑，卜云其吉，终焉允臧。(《邶风·定之方中》)

(16) 北风其凉，雨雪其雱，惠而好我，携手同

行。

北风其喈，雨雪其霏。惠而好我，携手同归。

（《国风·北风》）

（17）谋之其臧，则具是违。（《小雅·小旻》）

例（14）中的“其”复指击鼓，例（15）中的“其”则复指“卜云”，例（16）中“雨”为去声，动词，故“雨雪其霏”和“雨雪其霏”中的“其”复指“雨雪”，即下雪，例（17）中的“其”复指“谋之”。

无论是“NP+其”还是“VP+其”，其实都是“主语+其”的结构，属于主谓式，且主语，即复指对象和复指代词“其”相连在一起的，我们可将此种结构称为相连复指。据我们搜索统计，这种“其”紧连在主语后面复指的结构在诗经中出现较多，先秦的其他文献中早期文献出现“主语+其”的主谓结构较多，而春秋战国及以后的传世文献之后多有“主语+是”，“主语+之”等复指用法，“主语+其”的主谓结构却出现不多。

如：

（18）厉王说荣夷公，芮良夫曰：王室其将卑乎！夫荣公好专利而不知大难。（《国语·芮良夫论荣夷公专利》）

（19）“先时九日，太史告稷曰：‘自今至于初吉，阳气俱蒸，土膏其动。’”（《国语·虢文公谏宣王不籍千亩》）

（20）览椒兰其若兹兮，又况揭车与江离。（《楚辞·离骚》）

（21）五世其昌，并于正卿。（《左传·庄公二十二年》）

（二）不相连的复指

如上所述“主语+其”这类相连复指的结构在《诗经》中有，却并不常见，最常见的还是我们可称为不相连复指的结构，即“其”离复指对象较远时的情况，如：

（22）桃之夭夭，灼灼其华。（《周南·桃夭》）

（23）隰有苓楚，猗猗其枝。……隰有苓楚，猗猗其华。（《桧风·隰有苓楚》）

（24）仓庚于飞，熠熠其羽。（《豳风·东山》）

（25）燕燕于飞，差池其羽。（《邶风·燕燕》）

（26）黄鸟于飞，集于灌木，其鸣喈喈。（《周南·葛覃》）

（27）沥彼流水，其流汤汤。（《小雅·污水》）

（28）桃之夭夭，其叶蓁蓁。（《周南·桃夭》）

例（22）至例（25），“其”字用于主谓倒置句中。我们认为“其”在这里仍作复指代词。例（22）中“其”复指桃树，例（23）中“其”复指苓楚，例（24）中的“其”仓庚，例（25）中的“其”复指“燕”。“灼灼其华”可作“其华灼灼”，“猗猗其枝”可作“其枝猗猗”，“熠熠其羽”可作“其羽熠熠”，“差池其羽”可作“其羽差池”。我们可以见得“灼灼”、“猗猗”、“熠熠”、“差池”都是形容词因而不可能与后面的“其”构成“其”字结构，因而本文并不赞同“其”作结构助词这一说法。

又例（26）至例（28），“其鸣喈喈”、“其流汤汤”、“其叶蓁蓁”又变成了正常的语序。无论是正序还是倒装，这两类结构在诗经中都十分常见。故此，我们认为，这应是为了韵律和谐，节奏轻快，便于吟唱而变化语序。

这种不相连的复指，“其”复指前文所提及的

成分，与复指对象相隔较远的句式在先秦文献中便十分常见了，如：

(29) 先王之于民也，懋正其德而厚其性，阜其财求而利其器用，明利害之乡，以文修之，使务利而避害、怀德而畏威，故能保世以滋大。
(《国语·祭公谏穆王征犬戎》)

这里的“其”都复指前文的“民”。

(30) (阙文)献书秦王曰：“昔窃闻大王之谋出事于梁，谋恐不出于计矣，愿大王之熟计之也。梁者，山东之要也。有蛇于此，击其尾，其首救；击其首，其尾救；击其中身，首尾皆救。”

这里的“其”复指“蛇”。

(31) 子禽问于子贡曰：夫子至于是邦也，必闻其政，求之与，抑与之与？”(《论语·学而》)

这里的“其”复指“邦”

(32) 孟武伯问孝。子曰：“父母唯其疾之忧。”(《论语·为政》)

这里“其”复指父母。

(33) 梁惠王曰：“寡人之于国也，尽心焉耳矣。河内凶，则移其民于河东，移其粟于河内。”(《孟子·梁惠王下》)

这里的“其”复指“河内”。

(34) 君子曰：“颍考叔，纯孝也，爱其母，施及庄公。”(《左传·郑伯克段于鄢》)

这里的“其”复指颍考叔。

(35) 子服昭伯语季平子曰：“晋之公室，其将遂卑矣。”(《左传·昭公十六年》)

这里的“其”复指“晋之公室”。

(36) 而今天下之士君子，居处言语皆尚贤，逮至其临众发政而治民，莫知尚贤而使能。
(《墨子·尚贤下》)

这里“其”复指前面的“今天下之士君子”。

(37) 越王勾践，其先禹之苗裔，而夏后帝少康之庶子也。(《史记·越王勾践世家》)

这里“其”复指是越王勾践。

由上述例子我们可以发现，这类不相连的复指大抵可分为两类：一是“其+NP”，如例(22)，二是“其+VP”，如例(36)。但无论是在“其+NP”还是“其+VP”中，“其”都是用作复指名词性成分的代词，即复指代词

三、“其”复指用法出现的环境及演变

(一)“其”的最初出现

“其”的复指用法最早应出现在西周，指示代词“其”复指前面出现的对象，有强调作用。如西周铭文“佳曾子仲诲用其吉金，自乍鬻彝，子子孙孙其永用之”(《曾子仲诲鼎》)。我们可以判断这里的“其”就已有对名词的标记指示作用了[13]。因此，我们认为在上古汉语的早期，“其”的复指作用是不可否认的。

“其”在甲骨文中最常见的是用于询问，指示词、代词的用法都还没有出现[14]。后来随着语言的发展和自然选择，逐渐分化出指示代词的用法，用“其”表指代的事物出现得都较晚。而“厥”作为指示代词比“其”出现得更早，在甲骨文中就已出现，以后金文、《尚书》、《诗经》都有。早期的金文都用“厥”。用“其”的器物，时代都比较晚。《尚书》“厥”多于“其”，但《诗经》中“其”却远多

于“厥”。《诗经》以后，“厥”就完全为“其”字所代替[15]。

(二) “其”复指作用的变化

先秦时期，“其”作为复指代词之用出现往往有两种情况，往往有两种用法：一是“其”在相连的复指中，往往指代前面名词成分或动词成分的主语，有强调、突出的作用，如“静女其姝”、“击鼓其镗”；二是“其”以“其+NP”或“其+VP”的形式出现。王力先生提出，“其”字的意义，等于名词+“之”，在上古汉语里，它永远处于领位[16] P238。比如“燕燕于飞，差池其羽”、“桃之夭夭，其叶蓁蓁”。

先秦的绝大多数“其”都是有复指代词作用，而随着语言的不断发展，“其”的复指作用确实有所弱化，“其功能也逐渐有所变化。

1.有些“其”的用法由复指代词转向定指代词，如：

(38) 汉南之国闻之曰：“汤之德及禽兽矣。”四十国归之。人置四面，未必得鸟；汤去其三面，置其一面以网其四十国，非徒网鸟也。（《吕氏春秋·孟冬纪·异用》）

(39) 见秦且灭六国，兵以临易水，恐其祸至。（《战国策·燕太子丹质于秦亡归》）

(40) 使楚王戊毋刑申公，遵其言，赵任防与先生，岂有篡杀之谋，为天下僂哉？贤人乎，贤人乎！非质有其内，恶能用之哉？（《史记·楚元王世家》）

这三例中的“其”就不太能看出具体复指的是什么成分。逐渐向定指用法过渡。

2.有些“其”逐渐语法化，变成虚词。

其一，从上文所举出的例（1）至例（17），我们可以发现“其”不仅可以复指名词性成分，也可以复指动词性成分，且复指的名词对象不仅仅可以是人，还可以是自然现象、生活物品等。“代词指称的多样化，是‘泛化’的表现之一，而意义或搭配功能的泛化，是虚词产生的必由之路。”[17]

其二，语序的倒置、变化也使得“其”的复指作用淡化，如：

(41) 嚶其鸣矣，求其友声，相彼鸟矣，犹求友声。（《小雅·伐木》）

这里的“嚶其鸣矣”应是“其鸣嚶矣”，但由于语序的变化，“其”有可能被分析为语气副词或语气词。

此外，“其”与疑问代词连用是，“其”的复指作用依然会弱化

(42) 谁其尸之，有齐季女。（《召南·采萍》）

(43) 岂其食鱼，必河之魮？（《陈风·衡门》）

(44) 既见君子，云何其忧？（《郑风·扬之水》）

(45) 大宰问于子贡曰：“夫子圣者与？何其多能也？”（《论语·子罕第九》）

(46) 守者曰：“此非吾君也，何其声之似我君也？”此无他，居相似也。（《孟子·尽心下》）

例（41）中，疑问代词“谁”作主语，相比于名词性成分或动词性成分作主语时，“如静女其姝”、“击鼓其镗”，“其”的复指作用明显弱化了。而例（42）由于疑问词“岂”不能作主语，因而句首无主语，“食鱼”又出现在小句末尾，所以“其”的所

指是不确定的,复指用法明显弱化,“分析为语气副词也并无不可。例(43)至(46),“何”作为疑问代词,与“其”连用,放在形容词之前,有疑问语气,同时加深了语气程度。此种情况下,“其”虽仍有复指之用,却表现出了指示程度之甚,兼表感叹惊异之情。至此,“其”的复指作用便大大削弱了,甚至呈现出与“何”结合成为一个词的发展趋势。

四、结语

关于上古汉语中“其”的语用,我们认为“其”在绝大多数情况下,应是作复指之用,而后来随着语言的发展与自然选择,复指的作用才有所弱化,也发展出定指、助词等用法。

参考文献

1. 王引之.经传释词[M].湖南:岳麓书社,1984.
2. 杨树达.词诠[M].北京:中华书局,1979.
3. 葛根贵.《诗经》的“其”[J].江西师院学报(哲学社会科学版),1982(2):81-87.
4. 王力.古代汉语第二册[M].北京:中华书局,2000.
5. 王力.古汉语字典[M].北京:中华书局,2000.
6. 杨伯峻,何乐士.古汉语语法及其发展[M].北京:语文出版社,2001.
7. 唐莫尧.诗经新注全译[M].四川:巴蜀书社,2004.
8. 唐莫尧.诗经新注全译[M].四川:巴蜀书社,2004.
9. 邓昌荣.《诗经》中指示代词“其”指示程度的意义和作用[J].《语文研究》,2003(1):38-42.
10. 刘雅娟.从语用角度考察《诗经》中的程度指示代词“之”和“其”[J].大庆师范学院学报,2010(2):90-92.
11. 谢伟锋.谈古代汉语的复指成分[J].《运城师专学报》1983(1):74-78.
12. 周振甫.诗经译注[M].北京:中华书局,2010.
13. 郭爱平.先秦汉语“其”字研究[D].西南大学硕士学位论文,2007.
14. 洪波.兼指代词语源考[J].《古汉语研究》1994(2):33-39.
15. 黄盛璋.先秦古汉语指示词研究[J].《语言研究》,1983(2):136-157.
16. 王力.《汉语语法史》[M].北京:商务印书馆,2005.
17. 骆锤炼,马贝加.《<诗经>代词“其”和话题的关系——兼论“其”的语法化》[J].《语文研究》,2007(1):11-14.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

张舒扬,龚元华

安徽大学

Чжан Шуян, Гун Юаньхуа

Anhui University, PRC

Принята к публикации: 10.10.2019 г.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И РОССИИ

中俄地名变更在社会变革中的特点对比

陈颖青, 杨华

安徽大学

Чэнь Инцин, Ян Хуа

Университет Аньхой, Китайская Народная Республика

淺談中學語文教學法

АННОТАЦИЯ

Название местности является частью культуры. В данной статье дается сопоставление географических названий советского периода и времени после Гражданской войны в Китае, а также рассмотрены особенности и различия географических названий двух стран, на примере которых можно увидеть общие и отличительные черты в общественно-культурной сфере, а также в особенностях менталитета двух народов. Целью данного исследования является углубление диалога между двумя странами.

Ключевые слова: Китай, Россия, географические названия, культура, общественно-культурная сфера, менталитет, диалог.

Для цитирования: Чэнь Инцин, Ян Хуа. Сопоставление особенностей изменений географических названий в процессе общественных переворотов на примере Китая и России. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(2): 100-107

摘要

地名是文化的一部分，本文通过对比研究苏联时期和中国解放后的地名，浅析其构成的特点及异同，展现两国在社会文化、民族情感和风俗历史上联系与差异，加深中俄之间的沟通 and 了解。

關鍵詞: 中俄 地名 文化

For citation: Chen Yiqing, Yang Hua. Comparison of changes of geographical names in the process of social revolutions on the example of China and Russia. *Modern Oriental Studies*. 2019; 1(2): 100-107

地名是一种文化现象，它与社会生活，民族历史以及社会心理等联系密切。地名反映了文化，它也是文化的组成部分，在社会变革期因为人们要面对新的思想，新的文化，往往会出现地名大范围的变化。无论是俄罗斯的苏联时期地名，还是中国解放后地名的改变，都是当时社会文化思想的体现。两国在地名方面都有丰厚的研究成果。国内地名学研究方面，由民政部组织编写的《中国古今地名大词典》对中国地名研究全面，内容丰富；贾文毓，李引编著的《中国地名辞源》以地名语源为主，对地名词源进行阐释；张文范主编的《行政区划研究》对中国的行政区划从不同角度进行了探索。俄罗斯方面，《Язык и Культура》和《Лингвострановедческая теория слова》对俄罗斯地名和语言国情进行了阐释；在《История географических названий. Русская топонимия в терминах》一书中详细介绍了俄罗斯的地名历史和地名术语；在《новые названия на карте СССР》介绍了苏联时期的地名。中俄两国在近现代都出现地名改名潮，相似的历史背景使得两国地名改变出现了很多相似性，但是不同的语言和文化又造就了差异。

一、苏联时期地名称谓的改变

十月革命后，俄罗斯的社会意识形态开始发生巨变，整个社会都发生了翻天覆地的变化，其中，地名的改变是社会变革的一个很直接的反映。苏联的地名变更范围广，持续时间也很长，从语言词汇角度看，其改名方式有以下几种特点。

苏联时期大量的使用人名来改地名，被改地名不仅仅是小地方或者街道，主要的城市和山川河流都在改名范围内，其中出现最多的名字就是 В.И. Ленин，在列宁去世后数量又大量增加。最著名的就是 Ленинград。

Ленинград — 即 Санкт-Петербург，或者 Санкт-Питербурх，非正式用语中也称作 Петербург。1712年，从莫斯科迁都到这里后，直到1914年，圣彼得堡一直是俄国的政治、经济和文化中心。1914年第一次世界大战爆发，沙皇政府将圣彼得堡改名为彼得格勒，1924年列宁逝世，为了纪念他，城市改名为列宁格勒。在1991年，苏联解体后，恢复历史名称。

Ленинакан — 亚美尼亚西北部城市的名称。1940年由 Кумайри 改名为 Александрополь，1924年改为 Ленинакан，1991 改为 Гюмри 至今。

Ленинабад — 塔吉克斯坦北部城市的名称，在1936年之前叫做 Ходжент。1991年恢复原名。

当时苏联领土的上，大小城市、村庄乃至街道盛兴以列宁的名字改名，所以出现了大量的重名。Ленинск, Лениногорск, Ленино, Ленинаул 等这样的重名大量出现，多个城市地区都出现了 Ленинский район, Ленинский проспект, Проспект Ленина, Площадь Ленина 等，一定程度上影响了地理区位的辨识。

值得注意的是，列宁的本名В. И. Ульянов在起名的时候也备受青睐。例如，Ульяновск — 列宁的故乡，1924年 Симбирск 改名为 Ульяновск； Ульяновская область — 1943年该州成立；一些村镇也改名为Ульяново，Ульяновка等等。

随着斯大林上台，对他的个人崇拜也导致了大量的地名以И.В. Сталин 地名字出现，但是这类地名随着领导人的变更很快就被废除了，例如：

Сталинград — 在俄罗斯伏尔加河下游，1925年由 Царицин 改名为 Сталинград，1961年改名为 Волгоград至今。

Сталиногорск — 图拉州的城市，1933年由 Бобрики 改名为 Сталиногорск，1961年，改名为 Новомосковск 至今。

地名的改名范围也包括十月革命的其他领袖人物，例如 В. В. Куйбышева, Л.Д. Троцкого, С.М. Кирова和В.П. Ногин 等等。例如：

Куйбышев — 新西伯利亚州的城市，1935年由Каинск改名为Куйбышев。

Троцк — 列宁格勒州的城市，1923 -1929年间叫做 Троцк, 1929 -1944年改名 Красногвардейск, 1944年恢复为 Гатчина。

Кировоград — 现为乌克兰城市，1924年以前叫做 Елисаветград, 1924年改名为 Зиновьевск, 1934年改名为Кирово, 1939年为了与现有的 Кировская область 区分开改名为 Кировоград。

(2) 与沙皇、王孙贵族以及罗曼诺夫王朝相关的地名改原有名称为符合苏联意识形态的名字。例如：

Царёвококшайск — 马里埃尔共和国的城市，1919年之前叫做 Царёвококшайск, 1919年改名为 Краснококшайск, 如今叫做 Йошкар-Ола。

Екатеринодар — 克拉斯诺达尔边疆区的城市，1920年之后改名叫做 Краснодар 至今。

Маркштадт — 萨拉托夫州的城市，起初，为了纪念男爵 Берегарда 起名为“Баронск”，意为“男爵镇”，1765-1915年改名为 Екатериненштадт, 1920-1942年为纪念马克思市改名为 Маркштадт, 1942年改名 Маркс 为至今。值得注意的是，该地自成立之初到至今的更名一直是以德国人的名字命名的，这一点也体现了地名变化中文化的继承性。

Царевосанчурск — 基洛夫州的城市，1924年改名为Санчурск至今。

Императорская гавань 或 гавань Императора Николая — 鞑靼海峡西岸的一个海湾，1923年改名为 Советская Гавань (залив) 至今。

хутор Романовский — 克拉斯诺达尔边疆区的城市，村庄 1921年为了纪 П. А. Кропоткин 名为 Кропоткин 市。

Святой Крест — 斯塔夫罗波尔边疆区的城

市, 由保罗一世下令为 Святой Крест 市, 意为“圣十字架”, 1921 年改名为 Прикумск, 1973 年为纪念苏联将领 С. М. Будённый 改名为 Будённовск。

Царское Село——圣彼得堡市的皇村(博物馆保护区), 1918 年改名为具有社会主义意识形态的名字 Детское Село。

(3) 与东正教有关的城市名以及市内地点名改原有名称为符合苏联意识形态的名字。例如:

Воскресенская площадь — 是莫斯科的中心广场之一, 1917 年改名为 площадь Революции。

Большая Алексеевская улица — 莫斯科街道, 1924 - 2008 改名为 Большая Коммунистическая улица, 2008 年 8 月, 为了纪念索尔仁尼琴改名为 Улица Александра Солженицына。

Богородск — 位于俄罗斯莫斯科州的城市, 1781 年由叶卡捷琳娜二世颁令改名为 Богородск, 意为天主之母之城, 1930 年改名为 Ногинск。

Сергиев Посад — 位于俄罗斯莫斯科州的城市, 1930 年改名为 Загорск, 1991 恢复原本名称。

Спасское село — 托木斯克州的村镇, 1923 年为了纪念 В.П. Коларов 改名为 Коларово。

(4) 在沙皇时代被改名或赐名的地点, 作为实现民族自主权的一种形式, 修改为原本的名称。例如:

Пржевальск — 吉尔吉斯斯坦东部城市, 1888 年, 沙皇亚历山大三世将 Каракол 改名为 Пржевальск, 1922 年恢复原名。

Порт-Петровск — 达吉斯坦自治共和国的城市, 1857 命名为 Петровск, 1922 年恢复原名 Махачкала。

Талдом — 莫斯科州的城市, 1918 年改名为 Ленинск, 1931 年恢复旧名。

这种改名方式的地点, 大多数是在现今的独联体国家, 改名之后使得原本属于一些外来词类的地名更加接于其源语言的语音外观和发音。

Ашхабад — 土库曼斯坦的城市, 1881-1919 年叫做 Асхабад, 之后为了纪念革命人物 П. Г. Полторацкий 改名为 Полторацк, 1927 年恢复为 Ашхабад。

Тбилиси — 格鲁吉亚的城市, 在公元 IV 世纪就有这个名字, 而后在俄语中一直被叫 Тифлис, 1936 年恢复原名 Тбилиси。

Батуми — 格鲁吉亚的城市, 自中世纪以来都叫做 Батоми, 1878 年改为 Батум, 1936 年恢复为 Батуми。

(5) 这类地名在构词上含有形容词 красный 的词根, 在巴黎公社运动之后, 红色特别是红旗是革命和社会主义的象征。例如:

Красный Сулин — 罗斯托夫州的城市, 1926 年之前叫做 Сулин, 其后改名为 Красный Сулин。

Красный луч — 乌克兰的城市，1920 年村镇 Криндачевка 改名为 Красный Луч。

Красный Боевик — 坦波夫州的城市，1919-1939 村镇 Ударный 改名为 Красный Боевик，1940 改名为 Котовск 至今。

Красноград — 乌克兰的城市，1784 年被叶卡捷琳娜二世命名为 Константиноград，1922 年改名为 Красноград 至今。

Краснокамск — 彼尔姆州的城市，1933 年村镇 Бумстрой 被改名为 Краснокамск。

(6) 这类地名通过加前缀 Ново- 改名,这种地名的构成从18世纪开始兴起。在苏联时期,这种类型的名称急剧增加,但大多是在给新的城市和村镇起名的时候使用。例如:

Новосокольники — 普斯科夫州的城市, 1925年成立为市; Нововолынск — 乌克兰的城市, 1950年成立为市; Новокуйбышевск — 萨马拉州的城市, 1952 年成立为市; Новополоцк — 白罗斯的城市, 1963年村镇 Полоцкий 成立为市; Новополоцк; Новочебоксарск — 楚瓦什共和国的城市, 1965年成立为市; Новоульяновск — 乌里扬诺夫斯克州的城市, 1967 年成立为市。

自二十世纪 20 年代起,一直到 1974 年,超过一百个城市和村镇的名字含有 ново, 其中 51 个名称是 50-60 年代出现的。这些新地名的产生表现了俄罗斯地名系统中具有一定的继承性,

使得原本地名中的内涵得到了保留, 并且这种取名的另一优点是具有清晰的地理位置指向性, 因为新名称地点往往与旧名称地点距离不远, 可以高效的识别坐标。

(7) 很多大大小小的村庄, 普通的街道也被赋予了新的名字, 这类名字符合社会主义意识形态的名字, 有些含 “красный” 的词根, 有些不含 “красный” 词根, 却具有红色色彩, 这类地名往往具有以下意向词汇: Красный Октябрь, 10 лет Октября, Демократия, Коминтерн, Новый Мир, Воля, Пионер, Комсомольское, Первомайское, Советское, Красносвободное, Октябрьское, Доброе Начало, Красный луч, Новая жизнь, Победа。例如: Комсомольский проспект, улица Победы, Первомайское село 等等。

20世纪中期, 改名和取名的负面影响非常明显, 在莫斯科就有20个同名街道, 重复名称的存在使他们失去了重要的地址导向功能, 所以, 这些苏联味儿的街道名逐渐被取消或者再次修改, 这样不仅损害行政区位建设, 也导致了资金资源的浪费, 并且这样的改名使地名失去了历史联系, 是无根无源的。苏联解体后, 很多地名恢复了原本的名字。

二、中国解放后地名称谓的改变

中国历史悠久, 地缘辽阔, 所以在历史上也有多次的改名潮, 这里主要讨论的是解放后一些城市和地点的改名原因和特点。解放后, 发现由

于全国存在行政区划标准不一致，设置不规范的现象，为了进行更好地分级管理而实行了新的区域划分，所以进行了大规模的改名。在逐渐解放全国的过程中，很多与当时时代背景和改革风潮不符的地名进行了修改。

(1) 当时很多边境地区和少数民族聚居地区的地名带有歧视和封建思想含义，为了表明社会主义国家民族团结友爱，对于带有民族歧视性质和妨碍民族团结的地名进行修改。例如：

迪化 — 新疆乌鲁木齐的旧称，有“启迪教化”的意思，具有歧视少数民族含义，1953年恢复旧名为乌鲁木齐市。

归绥 — 呼和浩特的旧称，由归化城与绥远城两座城市合并而成名，“归化”意思是“归顺朝廷”、“接受教化”，带有歧视少数民族的含义，1954年恢复为呼和浩特。

安东 — 辽宁省丹东市的旧称，有安定平方之意，1965年，改名为了丹东市。

镇南关 — 今广西壮族自治区凭祥市友谊关，位于中越边境，1953年改称睦南关，1965年改名友谊关。

(2) 恢复旧名。许多城市和地点名称具有悠久的历史，在20世纪初期的历史动荡中因为政权的变更改变丢失原本的内涵，且改名后的名字没有原名的指向性强，所以改回原名。例如：

北平 — 中国首都，是一座历史悠久的城市，

1928年国民政府设立北平特别市，1949年中国建国后决定首都设于北平市同时更名为北京市。

石门市——石家庄村创建于明朝初年，1925年经北洋政府临时执政批准，设立石门市，1947年，改石门市为石家庄市至今。

大连 — 大连地名是“达里因”的音转。“达里因”系俄语中的“Дальний”，1949年大连与旅顺合称为旅大市，1981年恢复为大连市。

中国在解放后为了纪念在战争中牺牲的革命战士们，也出现了许多以人名称名的地点，例如：

黄骅市 — 河北省沧州市代管县级市，1945年，新青县解放，为纪念黄骅烈士更名黄骅县。

志丹县 — 陕西省北部黄土高原丘陵沟壑区，1936年，为了纪念东征战役中牺牲的刘志丹将军，中共中央决定将保安县改为志丹县。

靖宇县 — 靖宇县是吉林省白山市下辖县，1946年为纪念民族英雄杨靖宇改濛江县名靖宇县。

尚志市 — 黑龙江省哈尔滨市代管县级市，1946年11月，为纪念抗日英雄赵尚志和他所领导的抗日将士在珠河县的丰功伟绩，珠河县第一次农工代表会议通过决议，将珠河县改为尚志市。

黄骅市 — 河北省辖县级市，1945年，解放，为纪念1943年牺牲于此地的黄骅烈士将新青县更名为黄骅县，1989年撤县立市。

(4) 对重名的地点进行改名。解放后对全

国的行政区划进行考察，发现存在大量不合理的问题，地区重名就是其中之一，为了地理区位的清晰明确，对重名地点进行了改名。例如：1952年4月，辽东省西安市因与陕西西安市重名，改名为辽源市，后划归吉林省，沿用至今；1952年，辽宁省的长山县与山东省长山县重名，改称长海县；1958年，江苏清江市与江西清江县重名，改为淮阴市；陕西省有两个南郑县，1953年改名为汉中市；黑龙江兴山市与湖北兴山县重名，1949年改名为鹤岗市。

(5) 为了发展旅游经济而改地名。这种改名方式大多发生在后期，改革开放以后为了谋求经济发展，大量的地区地点进行改名，这类改名大多以辖区内著名景点，古文化或者古地名以及知名资源命名。例如：1987，安徽省徽州地区改名为黄山市；1989年撤销福建省崇安县建立武夷山市；1949年四川省南坪解放，1953年单独建县，1998年更名为“九寨沟县”；1994年湖南省大庸市更名为张家界市；2001年云南省中甸县改名香格里拉县；1998年6月湖北省蒲圻市更名为赤壁市；2007年云南省思茅市更名为普洱市。

利益驱动的地名变更在近年越来越多，随着国家城镇化的不断推进，越来越多的地点希望通过改名而促进经济发展，随之也出现了行政区划问题，从文化角度看，很多地名为了出名而“名不副实”，名称指位不符，也丢失了地名的文化传统。

(6) 同俄罗斯一样，中国在解放后也出现了大

量的村镇街道改名和起名含有当时的社会背景下意识形态。这类地名往往具有以下意向词汇，如解放，劳动，中华，建设，新华，胜利路，互助。如，光明路，解放路，新华村等等。

由于语言体系和构字法的巨大差别，在汉语中“新”这个字作为取新地名和改名的方式并不广泛，但在70年代开始的国家级新区和80年代开始的国家高新区建设中也有体现，如浦东新区，滨海新区，两江新区，上海张江高新技术产业开发区，天津滨海高新技术产业开发区，西安高新技术产业开发区。

三、中俄地名称谓改变的异同

综上所述，可以看到两国在改革时期的地名称谓改变具有很多的相似之地，当然，各自也有本身的特点。

1、相同的社会主义制度使得改名中意识形态色彩浓重，俄罗斯的 *улица Победы* 和中国的解放路都是当时的时代背景产物，从而出现了相似的名称。

2、当时两国都刚刚结束战争，革命烈士名字命名的地点有其出现的必然性，但是比起俄罗斯大规模布天盖地的以人名改地名，中国则相对较少。究其根本，因为俄罗斯在沙俄时代就有这样的命名传统，而中国自古这样的命名方式就比较少。而且俄国革命在前，中国解放在后，以人名命名的弊端一定程度上已经表现出来，对于中

国改地名而言本身是种示范。

3、恢复旧名是对之前政权否定，恢复民族文化的一种方式，在两国的地名变更中都有体现，除了相似的历史时期的原因，更是因为两国都历史文化悠久的国家，许多地名背后都蕴含着深厚的民族文化，不能轻易舍弃。

4、由于相似的历史时期，以具有意识形态的代表性词根改名的方式在两国都有体现，但总体而言中国没有俄罗斯那么多，因为两国的语言本身就存在巨大的差异，俄语作为屈折语，构词时可以使用派生、复合、转化等多种手段，而汉语属于词根孤立语，构词时大部分通过复合法，语言的差异是造成中俄两国以具有意识形态的代表性词根改名数量差异的主要原因。

通过以上对比分析可以看出，俄汉语的地名变更方法虽然不是一一对应，但是几种主要的方式却有相似之处。苏联时期和中国解放后的地名变更是特定历史时期出现的语言文化现象，从其异同可以看到两国内在的民族心理和传统文化之间的联系与区别，对两国的友好交流互通奠定基础。

参考文献

1. Барандеев А.В. История топонимов-советизмов. Русский язык в школе. 2017; (11):53-57.
2. Гусейнов Г. (2003), Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х, Москва.
3. 王妮娜. 俄语中地名的民族文化探析[D].吉林大学,2008.
4. Барандеев А.В. Новые названия на карте СССР // Русская речь. - 1977. - № 5. 4.
5. Топонимической комиссии Рязани 25 лет / [гл. ред. Н.А. Булычёв] ; [редкол. А.В. Бабурин и др.]
6. 黄明元. 城市政区地名的变更及其问题研究 [D].湖南大学,2013.
7. 梅娜. 地名变更的行政法规制[D].苏州大学,2014.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

陈颖青, 杨华

安徽大学

Чэнь Инцин, Ян Хуа

Anhui University, PRC

Принята к публикации: 10.10.2019 г.

РЕЦЕНЗИЯ:

INTERCULTURAL MASQUERADE: NEW ORIENTALISM, NEW OCCIDENTALISM, OLD EXOTICISM / ED. BY REGIS MACHART; FRED DERVIN; MINGHUI GAO. – HEIDELBERG, N.Y., DORDRECHT, L.: SPRINGER-VERLAG BERLIN HEIDELBERG, HIGHER EDUCATION PRESS, 2016. – 147 PP. – ISBN 978-3-662-47055-8. – DOI 10.1007/978-3-662-47056-5. – (ENCOUNTERS BETWEEN EAST AND WEST. INTERCULTURAL PERSPECTIVES).

*Мартынов Дмитрий Евгеньевич, д.и.н., профессор,
Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ
dmitrymartynov80@mail.ru*

Для цитирования: Мартынов Д.Е. Рецензия: *Intercultural Masquerade: New Orientalism, New Occidentalism, Old Exoticism / Ed. by Regis Machart; Fred Dervin; Minghui Gao. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(2):*

For citation: *Martynov D.E. Review: Intercultural Masquerade: New Orientalism, New Occidentalism, Old Exoticism / Ed. by Regis Machart; Fred Dervin; Minghui Gao. Modern oriental studies. 2019; 1(2): 108-115*

Проблемы ориентализма и оксидентализма в гуманитарном знании в течение 2010-х гг. из достояния академических кругов превратились в сугубо практические, связанные с повседневной практикой СМИ и даже личного общения. В российском интеллектуальном пространстве важной вехой для понимания глубинных проблем осознания понятий «Запад» и «Восток» и их применения исследователями, представляющими различные западные и восточные культуры, явилась международная

конференция 2010 г. «Ориентализм / оксидентализм: языки культур и языки их описания», материалы которой были своевременно опубликованы [2]. Во вступлении организатор и идейный вдохновитель этой конференции – известный японист Е.М. Штейнер, справедливо отмечал: «Удобные (и кажущиеся фундаментальными) таксоны вроде «восток» и «запад», рассматриваемые с разных точек полицентричного мира, оказываются культурно детерминированными, подвижными и относительными концептами. Что может быть стопроцентно восточным или стопроцентно западным? Какую оптику и какой язык описания должен использовать исследователь, чтобы быть максимально адекватным исследуемому инокультурному объекту?» [2, с. 15].

Именно в данном контексте в 2013 г. был анонсирован исследовательский проект, который предполагал несколько важных методологических оснований. Было объявлено, что «сосуществование ориентализма и оксидентализма не создаёт баланса между понятиями

“Восток” и “Запад”», и важнейшей задачей было исследование перемен в этой области [3]. Примечательно, что руководители проекта, которые выступили также как редакторы-составители рецензируемого сборника статей, сразу оговорили следующее: «сами по себе культуры и идентичности не существуют как таковые» [3]. Практически о том же писал К. Разлогов в предисловии к сборнику 2012 г.: «Нынешние понятия мультикультурализма (сосуществования многих культур в одном обществе) и даже интеркультурализма (взаимодействия между этими культурами) очень быстро устаревают. На смену им приходит понятие транскulturализма, означающее возможность выйти за пределы своей собственной (суб)культуры и перейти в соседнее, более крупное или просто другое культурное сообщество, расширяя контекст...» [2, с. 5].

В результате компактный сборник (объёмом 147 страниц) оказался составленным из статей, содержательно относящихся к проблемному полю, проигнорированному в своё время Эдвардом Саидом – автором «Ориентализма»; но всецело находясь в русле заложенной им методологии. Не будем забывать, что в современном английском словоупотреблении термин «ориентализм» связан, прежде всего, с западным стилем доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком. Коннотации здесь самые разнообразные, в том числе и сексуальные (Р. IX–X). Для понимания замыслов организаторов проекта – Режи Маршара (университет Путра-Малайзия) и Фреда Дервина (Университет Хельсинки) – многое предоставляет введение, в котором представлен специальный раздел “Beyond Orientalophilia and Westophobia” (р. XI–XIII). Весьма характерен следующий тезис: «Понимая Orien-

tophilia как любовь или, по крайней мере, влечение к Востоку, мы приходим к заключению, что это явление существует дольше, чем ориентализм, кажется глубоко укоренившимся в западном обществе, что выводит нас за рамки академического исследования» (р. XI). Следует, однако, вновь вернуться к вопросу контекста. Дело в том, что сама по себе проблематика ориентализма и оксидентализма с трудом приживается в российском академическом дискурсе, и на то имеется несколько причин.

В 2016 г. известный наш индолог и методолог науки Л.Б. Алаев опубликовал статью с красноречивым названием «Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России?» [1]. Там содержится весьма любопытная ремарка: «Реакция западной общественности на книгу Э. Саида показала, что в обществе преобладают наивные люди, с детской доверчивостью верящие в свою объективность и свободу от стереотипов, бытующих в обществе» [1, с. 24]. Лично у рецензента это не выходило из головы, когда пришлось читать следующее «откровение»: «Дискутируя недавно с американской учительницей, один из соавторов поставил под сомнение использование ею термина “азиатский” (что синонимично “восточному”), когда она отстаивала тезис, что “азиатские люди добросовестные и трудолюбивые”. Когда же мы попросили её разъяснить, какие именно “азиаты” имелись в виду, оказалось, что она общалась с несколькими жителями Тайваня. И внезапно геополитическое обобщение сжалось в масштабе от целого континента до острова» (Р. XI–XII). Как мы покажем далее, примерно такой же уровень свойственен всем представленным в книге текстам.

В содержательном отношении сборник «Intercultural Masquerade» включает 9 эссе,

называемых главами, размером около одного печатного листа каждое. В эссе разных авторов рассматриваются самые разнообразные проблемы, в частности, адаптации китайских студентов и учёных в университетах Сингапура и Австралии, положения японо-бразильцев, или политики компаний звукозаписи США в отношении этнической музыки Ганы, Эфиопии, Турции и Камбоджи. В общем, проект не остался незамеченным, о чем свидетельствуют, как минимум, две рецензии [4][5].

Первое эссе – Сун Сяньлинь (Университет Западной Австралии) и Грега Маккарти (Университет Аделаиды), посвящено пересмотру концепта «другого» на материале адаптации китайских студентов в университетах Австралии. Авторы приходят к выводу, что студенты-китайцы (из КНР) одновременно воспринимаются и как порождение «другого», и как субъекты рынка образовательных услуг, что, собственно и должно быть пересмотрено. То есть в отношении китайских учащихся следует использовать методы транскультурного общения, что будет способствовать большему уважению к их системе ценностей (Р. 11). Во втором эссе Джейн Джексон (Гонконгский университет) использует опыт конкретного студента-китайца – 20-летнего Гао Линя – для переоценки американской академической мобильности. Следует иметь в виду, что он представляет Гонконгский университет, т.е. не был уроженцем КНР. Несмотря на его желание познать американскую культуру и американский образ жизни (как это описано ещё во введении, Р. X), Гао преимущественно общался в среде китайцев и его опыт контактов с американцами довольно ограничен. Более того, этот опыт (особенно в Нью-Йорке) привёл его одновременно к негативизму в отношении латиноамериканцев,

негров и арабов, так и к необходимости «защищать» Китай в беседах с американцами (Р. 27–28). «Открытости» в неолиберальном смысле не получилось, что не отменяет выводов самого Гао Линя, что китайцам следует быть более открытыми западным веяниям, хотя бы для того, чтобы иметь общие темы для разговоров с не-китайцами (Р. 29).

Сингапурская тема затронута в третьем эссе, авторства Ян Пэйдуна (Наньянский университет). Здесь исследуется ситуация с учеными КНР, которые приехали в Сингапур по обмену или в рамках совместных проектов. Всего было опрошено 29 специалистов, все – китайскоговорящие, прибывшие в Сингапур по программе «отбора талантов» (Р. 37–38). Наиболее интересным выводом, полученным автором, стало то, что кажущееся культурное и цивилизационное единство китайцев Сингапура и КНР не подтвердилось применительно к академической среде, напротив, здесь работал защитный механизм, который препятствовал углублению общения с местным населением. Поскольку в университетской среде Сингапура уже возникли некоторые новые стереотипы и ритуалы, они кажутся приезжим из КНР «глупыми» и «бессмысленными», и этот барьер ничуть не менее непроницаемый, чем между китайцами и европейцами (Р. 42–43). В статье молодого исследователя из университета Путра-Малайзия Е-Lynn Yeow поднята весьма важная с практической точки зрения проблема – критика восточной системы образования (особенно школьного китайского) и старших школьников во французских СМИ. Здесь удалось вскрыть систему двойных стандартов: с одной стороны, китайские студенты описываются как чрезвычайно усердные и обладающие большим талантом в спорте, музыке и других

гуманитарных сферах, с другой стороны, сама система образования Китая подвергается критике за «жесткость» и «ограничение свободы». Впрочем, автор находит и причины: оказывается, что в рейтингах международной программы оценки качества студентов (PISA, в которых оцениваются 15-летние школьники) на первых строчках рейтинга КНР, Южная Корея, и Сингапур, тогда как французские абитуриенты смотрятся довольно скромно. Таким образом, сознательно или бессознательно французские журналисты проводят идею, что восточные азиаты «другие», а их успехи имеют чуть ли не генетическую природу. Французам же не следует с ними конкурировать именно в силу того, что у них другая культура; это не отменяет «сожаления» по адресу китайских подростков, «которым так тяжело жить под прессингом однопартийного режима» (Р. 63). Между прочим, на эту тему в 2016 г. исследовательницей была защищена диссертация.

Пятая глава авторства финского исследователя Лари Алтонена (Университет Тампере) в полной мере удовлетворяет заявленной в заглавии «Экзотике». Процитируем начало: «Пару лет назад я купил две виниловые пластинки, выпущенные в 2010 г. Первая именовалась Afro-Beat Airways, и содержала композиции 1970-х в стиле афро-поп и афро-фанк из Западной Африки. Вторая была ремастрированной версией Ten Ragas to a Disco Beat, впервые выпущенных в 1982 г. Это была электронная музыка, исполненная на синтезаторе и драм-н-бэйсе, но мелодически основанная на рагах – жанре индийской классической музыки» (Р. 67–68). Это и стало исходным моментом в изысканиях автора, который, по сути, вводит новый исторический источник – музыкальные сборники на виниле (Р. 69). При этом, занимаясь коллек-

ционированием музыки Ганы, Эфиопии, Турции и Камбоджи, Л. Алтонен обратил внимание, что в печатных текстах и аннотациях, сопровождающих издание дисков, используется ориенталистская и неокOLONIALISTСКАЯ стратегия для привлечения потенциальных покупателей, и выпячивается роль лиц, которые эти записи вновь отыскивали, отреставрировали и переиздали, а не создатели музыки как таковые (Р. 77–78).

Шестое эссе переносит читателя к проблемам глобализации в литературе, и написано Патришей Фредерик (Университет Северной Аризоны, Флагстафф). Речь здесь идёт о «глобальных крестоносцах» ливанского писателя-христианина Амина Маалуфа, который проживает во Франции и печатается на французском языке. Примечательным в его случае является то, что Маалуф оказался способен согласовать свои идентичности – ливанскую и французскую; что и обусловило тему его творчества – примирение Запада и Востока (Р. 81–82). Тем не менее, выводы П. Фредерик оказались лично нам крайне неопределёнными (Р. 94).

В седьмой главе сотрудника Университета Риккё (Токио) Юко Каваи сразу постулируется, что «японский национализм неотделим от западного ориентализма» (Р. 97). Эта проблема рассматривается на крайне специфическом материале: конструирования идентичности японо-бразильцев методами ориентализма – через съёмки первого сериала на тему японской миграции в Бразилию. Японо-бразильцы, при этом, определяются как «бывшие японцы» (Р. 110), которые, однако, сохраняют определенные традиции и внешние атрибуты, а самое главное – утранационалистический дух. Это показано на материале телесериала «Хара и Нацу», который был показан на одном из каналов NHK в 2005 г. (Р. 97) В сюжете данного сериала

японо-бразильцы и японцы противопоставляются друг другу, хотя и считаются «близнецами-братьями»: японо-бразильцам, якобы, более свойственны патриархальность и традиционные ценности, а особенно – патриотизм и верность императору. Открыто выражена мысль, что современные японцы утратили свою «японскость» (authentic Japaneseness). Однако чуть ниже автор приводит статистику, которая окончательно разъясняет контекст сериала: в связи с экономическим и демографическим спадом 2000-х гг., японское правительство сначала финансировало въезд в страну представителей этнических японских диаспор, а позднее, когда нужда в этом отпала, стало выталкивать их из Японии. «Символическое использование диаспоры неотделимо от её же материального использования» (Р. 114).

Восьмое эссе принадлежит Марион Деком (Институт межкультурных исследований, Монпелье) и посвящено весьма своеобразному предмету: демонизации китайской культуры в массовой литературе 1880–1950 гг. Это была эпоха первой волны опасений «жёлтой угрозы», причем значительную часть текстов создавали писатели, никогда не бывавшие в Китае, как Сакс Рёмер, создатель сериала о зловещем докторе Фу Маньчу (Р. 119). М. Деком удалось сделать замечательное наблюдение: на вполне представительном литературном материале она показала, что китайские злодеи массовой литературы сплошь описаны как выпускники европейских и американских университетов, т.е. как освоившие всю мудрость и предприимчивость Запада, встроившиеся в его общество, на так и оставшиеся карикатурой на Запад (Р. 131–132).

Завершается сборник статьей Эмили Гийере (Университет Монпелье), которая осуще-

ствила сводный анализ эволюции образа Запада в китайской литературе эпох Республики, маоизма и в пост-маоистскую эру. Это проекция докторской диссертации Э. Гийере, посвященной женской литературе в Китае в 1919–2000 гг. Соответственно, образ Запада в китайской литературе подается через призму женского вопроса, и здесь действительно можно выделить три несхожих этапа. Радикальный поворот автор находит в «Движении 4 мая» 1919 г. после которого в Китае стало заметнее движение за эмансипацию женщин. Однако японская агрессия усилила радикализацию китайского общества и обусловила общий патриотический (читай: националистический) поворот в китайской культуре, насильственно прерванный маоистскими экспериментами. Наконец, после 1970-х гг. начался современный этап. Примечательным в данном контексте является то, что разница между Китаем и Западом вообще очень рано стала осмысливаться в категория мужественности и женственности, при этом политика реформ и открытости может истолковываться как попытка возрождения мужественности как части китайской идентичности, которая может быть возрождена под сенью Запада (Р. 141–145).

Итак, книга прочитана. Признаемся, что первым чувством во время и после прочтения было – недоумение. Сборник эссе, несмотря на заявленное в предисловии концептуальное единство, вышел неровным как в содержательном, так и методологическом отношении. Главным же вопросом, которым внимательный читатель будет озадачен, – какое это имеет отношение к ориентализму-оксидентализму, и какие именно новые аспекты или подходы удалось выявить? Если бы мы выступали редактором-составителем, то в итоге получилась бы

двусоставная книга с разделами об образовании (и она бы касалась этнографии и социологии) и культурологии, и заглавии её, быть может, было бы сочетание «новые тенденции», но точно не было бы «ориентализма / оксидентализма». Более того, заявленная составителями задача широкой репрезентации «Другого» явно не выполнена, и никакого особенного единства в опубликованных материалах не прослеживается. Нет и декларируемой ныне к месту и не к месту междисциплинарности. Между прочим, это само по себе заставляет задуматься, имеем ли мы дело лишь с авторско-редакторской неудачей, или же проявлением системного явления, – невозможностью обобщений при нынешнем уровне источниковой фундированности и методологической зрелости? Нам представляется, что налицо вторая причина.

Если критика ориентализма в сборнике была заявлена ещё в редакторской статье, то гораздо менее удачно вышло с оксидентализмом. Самым тонким в данном контексте нам показалось суждение Юко Каваи, что восточный (как минимум, японский) взгляд на Запад является всего лишь «авто-ориентализмом» (auto-Orientalism: P. 113), посредством которого представители восточных культурных или властных элит эксплуатируют привычные на Западе стереотипы, – в своих, разумеется, целях. В статье Юко Каваи очень тонко показано, что оксидентализм не является простой антитезой ориенталистскому сознанию, ни, – тем более! – некой формой критики или сопротивления; нет, это всё то же вертикально-ориентированное сознание, которое ничем не может послужить для понимания ни Запада, ни Востока.

Также едва ли удачной вышла попытка проблематизировать культуру вообще и интер-

культуральность, в частности. Здесь мы сталкиваемся с главным «грехом» не только данного конкретного сборника, но и большого пласта аналогичных работ – их крайнюю методологическую слабость. Мешает ли этому слишком специализированное образование или некие политические (политкорректные, точнее) инсинуации вокруг авторского коллектива, – автор этих строк судить не берется. Между тем, сделанное Ян Пэйдуном наблюдение сильно выиграло бы, если бы автор прямо указал, что это в очередной раз подтверждает концепцию П. Бурдьё, согласно которой общая этническая принадлежность и традиции совершенно не гарантируют единства культурного опыта или чувства идентичности. И эта проблема, как мы убедились, практически никем не затронута. «Маскарада», заявленного в заглавии, не получилось.

Вернемся к цитируемой статье Л.Б. Алаева [1], а также к рецензии Эми Ли Сяофань [5]. В последней ориентализм подаётся как «властный дискурс», направленный от более сильного к менее сильному, т.е. культурные стереотипы рассматриваются как средство контроля и выражения превосходства. То есть, в условиях экономического и культурного возвышения Востока (по крайней мере, Индии и Китая) и смещения глобального равновесия происходит присваивание европоцентризма «наоборот», в качестве которого, собственно, оксидентализм и выступает. Ли Сяофань задаётся вопросом, как выйти за рамки европоцентрической критики европоцентризма; т.е. в её глазах проблема не выходит за пределы постколониальной критики [5]. Между тем, Л. Алаев очень проницательно рассмотрел данную коллизию, конкретно о которой вряд ли был осведомлен. Несмотря на попытки интродукции, возобладала идея, что «Россия никогда

не была в полном смысле колониальной державой, что в Российской империи все нации и конфессии мирно уживались...». То есть концепция Э. Саида была «не про нас» [1, с. 24]. Существенно и то, что в сформированном позитивизмом общественном сознании Запада идеологическая ангажированность воспринимается как нечто чрезвычайно негативное, тогда как в Советском Союзе (да и в нынешней России) ею гордились. Учёные-гуманитарии не просто работали «в поле» или в тиши кабинетов, но и находились при этом «на переднем крае идеологической борьбы» [1, с. 25]. Не забудем, кстати, что и сама концепция Э. Саида являлась постмодернистской по своей сути, едва ли не гранича с симулякром: в «Ориентализме» прямо заявлено, что автор не собирается рассуждать на тему, существует ли «реальный или подлинный Восток»; взамен следовало описание системы идей [1, с. 25–26].

Эксперимент, таким образом, не удался. Тем не менее, рецензент признаёт, что, по крайней мере, материал половины из прочитанных эссе нам лично крайне интересен, и может послужить для весьма и весьма углублённых штудий и, как следствие, обобщений. Опыт, как не надо издавать коллективные монографии молодых и маститых авторов, тоже, как представляется, не пропадет втуне. Сборник «Intercultural Masquerade: New Orientalism, New Occidentalism, Old Exoticism» представляет интерес хотя бы тем, что наглядно демонстрирует, где именно проходит «передний край»: если не идеологической борьбы, то, по крайней мере, освоенной исследователями территории. Более того, декларировать разрыв с европоцентризмом в условиях, когда совершенно отсутствует методологическая альтернатива, слишком сильно напоминает достоевское «...какое

мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся?» («Записки из подполья», ч. I, гл. III). Почти столетие назад немецкий философ и культуролог Эрнст Трёльч весьма прозорливо отмечал, что понимание чуждой исследователю культуры ограничивается лишь конструированием общих исторических понятий. Если наука, включая гуманитарную, была создана на определенном этапе исторического развития представителями одной – западной – цивилизации, и далее заимствуется представителями неевропейских культур, к этому необходимо относиться как к данности. Эмоции несовместимы с научным познанием. Да, мы все очень разные, и дихотомия «Восток» – «Запад» остается действительной, её невозможно отменить одной подписью на указе или нажатием клавиши «delete».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаев Л.Б. Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России // Ориентализм vs Ориенталистика: Сб. ст. – М.: ИВ РАН, 2016. – С. 16–26.
2. Ориентализм / оксидентализм: языки культур и языки их описания = Orientalism / Occidentalism: Languages of Culture vs. Languages of Description: Collected Papers / Ред.-сост.: Е.С. Штейнер. – М.: Совпадение, 2012. – 416 с.
3. Machart R., Gao Minghui, Dervin F. Intercultural Masquerade: New Orientalism, New Occidentalism, Old Exoticism // Fabula. – 2013. – URL: https://www.fabula.org/actualites/intercultural-masquerade-new-orientalism-new-occidentalism-old-exoticism_58552.php

4. Wahyudi R. Books review: Intercultural masquerade: new orientalism, new occidentalism, old exoticism // Language and Intercultural Communication. – 2016. – DOI: 10.1080/14708477.2016.1248086
5. Xiaofan Amy Li. Review: Intercultural Masquerades: New Orientalism, New Occidentalism, Old Exoticism, edited by Regis Machart et al. // Oxford Comparative Criticism and Translation. – 2017. – URL: <http://www.occt.ox.ac.uk/cct-review/intercultural-masquerades-new-orientalism-new-occidentalism-old-exoticism-edited-regis>
5. Xiaofan Amy Li (2017) Review: Intercultural Masquerades: New Orientalism, New Occidentalism, Old Exoticism, edited by Regis Machart et al. Oxford Comparative Criticism and Translation. URL: <http://www.occt.ox.ac.uk/cct-review/intercultural-masquerades-new-orientalism-new-occidentalism-old-exoticism-edited-regis>

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE (IN RUSSIAN)

1. Alaev L.B. (2016) Oriyentalistika i oriyentalizm. Pochemu kniga Edvarda Saida ne imela uspekha v Rossii [Why Edward Said' book were not successful in Russia?] In Orientalism vs. Orientalistica: Collected Papers. Moscow, Russian Federation, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Pp. 16–26 (in Russian)
2. Evgeny Steiner, ed. (2012) Orientalism vs. Occidentalism: Languages of Culture vs. Languages of Description: Collected Papers. Moscow, Russian Federation: Sovpadenie Publ. 426 pp. (in English and Russian)
3. Regis Machart, Minghui Gao, Fred Dervin (2013) Intercultural Masquerade: New Orientalism, New Occidentalism, Old Exoticism, in Fabula. URL: https://www.fabula.org/actualites/intercultural-masquerade-new-orientalism-new-occidentalism-old-exoticism_58552.php
4. Ribut Wahyudi (2016) Intercultural masquerade: new orientalism, new occidentalism, old exoticism, in Language and Intercul-

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Full Professor, Dr.Sci. Dmitry Martynov

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

dmitrymartynov80@mail.ru

Принята к публикации: 21.10.2019.

**XII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РОССИЯ – КИТАЙ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА»**

**THE XII INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE
“RUSSIA-CHINA: HISTORY AND CULTURE”**

*Аликберова Альфия Рафисовна, к.ист.н., доцент
Мухаметзянов Рустем Равилевич, к.ист.н., доцент
Хабибуллина Эльмира Камилевна, к.фил.н., доцент*

*Институт международных отношений Казанского федерального университета
alfiakasimova@gmail.com*

Для цитирования: Аликберова А.Р., Мухаметзянов Р.Р., Хабибуллина Э.К. XII международная научно-практическая конференция «Россия – Китай: история и культура». Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(2): 116-120

For citation: Alikberova A.R., Mukhametzianov R.R., Khabibullina E.K. XII International Scientific and Practical Conference "Russia - China: History and Culture". Modern Oriental Studies. 2019; 1(2): 116-120

В Институте международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (далее ИМО КФУ) 9-12 октября 2019 г. проходила XII Международная научно-практическая конференция «Россия – Китай: история и культура». Мероприятие было приурочено к нескольким важным событиям в мировой и отечественной истории: это 70-летие со дня образования Китайской Народной Республики (1 октября 1949 г.) и 70-летия со дня установления дипломатических отношений

между СССР и КНР. Организаторами традиционно выступили Институт Конфуция Казанского федерального университета, кафедра алтаистики и китаеведения Института международных отношений, научно-образовательный центр «Синология» ИМО КФУ, а также Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (далее АПКЯ).

Конференция посвящена актуальным проблемам развития и взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики в социально-экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах. Её основными целями являются активизация научных исследований в области российско-китайских отношений, а также укрепление научного диалога между учёными всего мира.

В этом году на конференцию было подано более 200 заявок на участие из 7 стран мира (Китай, Россия, Узбекистан, Армения, Азербай-

джан, Туркмения, Белоруссия). Россия, свою очередь, представлена 24 городами, география участников достаточно обширна. За 12 лет существования конференция превратилась в значимое научное для Казанского университета и российского востоковедческого сообщества мероприятие. По формату проведения оно многостороннее и разноплановое.

В первые два дня (9-10 октября 2019 г.) в рамках конференции прошел методический семинар «Методические вопросы подготовки обучающихся к участию во Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку» от Центра педагогического мастерства (г.Москва). На семинаре рассматривали актуальные вопросы по подготовке учащихся к разным аспектам ВсОШ, это и аудирование, эссе, лингвострановедение и ток-шоу. Опытные наставники делились собственным опытом и научно-методическими разработками. Торжественное открытие конференции началось с приветственной речи Проректора по общим вопросам КФУ Гузейрова Ришата Арифулловича, в которой он указал на то, что Китай и его изучение является приоритетным и очень важным направлением в Республике Татарстан. Сотрудничество между Китаем и Россией, между регионами Китая и Татарстаном укрепляется и расширяется с каждым годом. Далее прозвучало видеообращение к участникам конференции от Генерального консула Китайской Народной Республики в г. Казань господина У Инциня. Он также подчеркнул особое значение культурно-образовательных и научных связей между учеными, экспертами, преподавателями наших государств. По словам диплома-

та подобные мероприятия способствуют укреплению российско-китайских отношений.

В этом году пленарное заседание было расширенным, выступающие представляли различные образовательные учреждения, а темы их докладов касались вопросов китайской экономики, регионального взаимодействия, внешнеполитических концептов и культурно-философских размышлений. Первый выступающий, Карпов Михаил Владимирович (Школа востоковедения Высшей школы экономики, г. Москва) представил доклад «Системные риски финансовой либерализации в КНР». Семёнов Александр Владимирович (Дипломатическая Академия МИД РФ, г. Москва) затронул в своем выступлении «Мир и развитие как основная тема эпохи реформ и открытости во внешней политике Китая» ключевые составляющие внешнеполитической концепции КНР на современном этапе: мир и развитие или мирное развитие в собственно китайском восприятии этих понятий. О региональных связях между Свердловской областью и Китаем доложили представители Уральского федерального университета, тема их сообщения – «Этапы взаимодействия КНР и Свердловской области в условиях трансформации моделей экономического развития». Кочергин Игорь Васильевич (Военный университет МО РФ, г. Москва) затронул в своем выступлении «Новые технологии и перевод» актуальную и очень важную, с практической точки зрения, тему сложности перевода с китайского языка на русский и наоборот, а также возможностей современных технических средств при переводе. Заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета

Санкт-Петербургского государственного университета Сторожук Александр Георгиевич выступил с докладом «Физические вместилища сознания: идейно-философские предпосылки новеллы Пу Сун-лина «Прокурор Лу», рассказав на примере вышеупомянутого произведения о китайском представлении взаимосвязи внутренних органов с умственными способностями и духовными качествами.

Пленарное заседание завершилось церемонией торжественного открытия бюста выдающемуся отечественному востоковеду архимандриту Палладию (Кафарову), внесшему неограниченный вклад в развитие мирового китаеведения.

Во второй половине дня состоялись открытые лекции профессора Ян Хоуцзюна (пр. Хунань, КНР) о творчестве современного китайского писателя Хань Шаогуна, основоположника литературного течения «в поисках корней», а также профессора Кочергина Игоря Васильевича – «Приемы работы с мультимедийным учебно-методическим комплексом «Практический курс общего перевода китайского языка». Игорь Васильевич является автором нескольких учебных пособий по теории и практике перевода, именно поэтому открытая лекция вызвала неподдельный интерес со стороны участников конференции. Также параллельно с открытыми лекциями, для интересующихся историей, политикой и международными отношениями состоялась дискуссионная площадка на тему «Демонстрации в Гонконге и Тайване: причины и последствия». В ней приняли участие ведущие эксперты-международники, экономисты, востоковеды, социологи из ВШЭ, РАНХиГС, ДипАкадемии

МИД РФ, МГИМО, УрФУ и КФУ. Были затронуты ряд важных проблем китайского общества, повлекших к демонстрациям. Социально-экономическая ситуация, политическая обстановка, исторические предпосылки, социальный состав демонстрантов и связь между событиями на Тайване и в Гонконге: это лишь часть вопросов, которые обсуждали участники.

Традиционно работа конференции шла в 5 секциях: «История Китая», «Философия и культура Китая», «Внешняя политика и российско-китайские отношения», «Китайская филология и литературоведение», «Методика преподавания китайского языка». К началу мероприятия был опубликован сборник статей и докладов участников, которые прошли этап рецензирования и отбора, и несмотря на это, его объем составил свыше 600 печатных страниц и 112 полноценных научных статей.

Секция «История Китая» шла под руководством профессора кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений КФУ, д.ист.н. Мартынова Дмитрия Евгеньевича (г.Казань); профессора кафедры восточных языков ДА МИД РФ, к.и.н. Семенова Александра Владимировича (г. Москва); профессора, заведующий кафедрой востоковедения, д.ист. н. Кузьмина Вадима Александровича (г. Екатеринбург) и доцента кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений КФУ, к.культ.н. – Мартыновой Юлии Александровны (г.Казань). Особо выделялись темы по цинскому периоду в истории Китая и советско-китайским отношениям. В большой по количеству участников секции по «Внешней политике и российско-китайским

отношениям» модераторами были доцент кафедры мировой экономики и мировой политики ШВ ВШЭ, к.ист.н. Карпов Михаил Владимирович (г. Москва); зав. кафедрой теории и истории международных отношений УрФУ, к.ист.н. Бурнасов Александр Сергеевич (г. Екатеринбург); профессор кафедры восточных языков ДА МИД РФ, к.и.н. Семенов Александр Владимирович (г. Москва); заведующий кафедрой экономики и права, к.геогр.н. Степанов Анатолий Владиславович (г. Екатеринбург); доцент кафедры мировой экономики и международных отношений ИБДА РАНХиГС, канд. социол.н. Эпштейн Виталий Анатольевич (г. Москва). Продолжает оставаться актуальной тема формирования большого евразийского партнерства и китайской инициативы «один пояс – один путь». Секцией «Философия и культура Китая» руководил заведующий кафедрой алтаистики и китаеведения ИМО КФУ, к.и.н. Мухаметзянов Рустем Равилович (г. Казань). Особо хотелось бы выделить доклад старшего научного сотрудника Отдела Китая Института востоковедения РАН Кузнецовой-Фетисовой Марины Евгеньевны «Жизнь в Китае во втором тысячелетии до н.э.: строительство, жилые дома и дворцы». Две секции по «Актуальным вопросам китайского языка и литературы» и «Методике преподавания китайского языка» традиционно вызывают интерес и бурное обсуждение. Преподаватели делятся своими работами, новыми методиками и демонстрируют новыми учебно-методические пособия. Модераторами секций выступали доцент кафедры алтаистики и китаеведения ИМО КФУ, к.филол.н. Глушкова Светлана Юрьевна (г. Казань), старший преподаватель Военного уни-

верситета МВД РФ Павлова Алена Дмитриевна (г. Москва), заведующая кафедрой устного перевода Высшей школы иностранных языков МИД РФ, к.филол.н. Семенова Татьяна Григорьевна (г. Москва), доцент кафедры алтаистики и китаеведения ИМО КФУ, к.ист.н. Аликберова Альфия Рафисовна (г. Казань).

Кроме того, в ходе проведения конференции «Россия – Китай: история и культура» была сделана презентация нового международного журнала «Современные востоковедческие исследования», первый выпуск которого вышел в свет перед началом работы конференции. В состав редколлегии вошли видные ученые, эксперты разных востоковедческих направлений как из России, так и других стран. География их обширна: Китай, Вьетнам, Япония, Корея, Турция, и это не случайно, так как статьи можно опубликовать на 8 языках, и это большое преимущество и ценность журнала. Коллеги их разных научно-исследовательских центров, учебных заведений очень живо заинтересовались возможностью публикации.

В рамках научного мероприятия также состоялся первый Открытый диалог в г. Казани для учителей и преподавателей китайского языка. Его соорганизаторами выступили Ассоциация развития синологии и Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа. А в дни работы конференции проходила выставка китаеведческой литературы от ведущих издательств России и Китая.

На торжественном закрытии XII международной научно-практической конференции «Россия – Китай: история и культура» были заслушаны выступления модераторов о ходе

проведения секций, которые указывали на высокий уровень организации конференции, а также на высокий профессиональный уровень докладов участников. Отрадно, что конференция стала постояннодействующей площадкой, на которой ведущие учёные России, Китая и других стран могут свободно обсуждать вопросы различных сфер китаеведения. Коллеги из других стран и городов, участники конференции выразили слова благодарности организаторам такого масштабного мероприятия – Казанскому (Приволжскому) федеральному университету, Институту международных отношений, а также Институту Конфуция. Кроме того, все пожелали друг другу дальнейших успехов на научном поприще и выразили надежду встретиться в следующем году – уже на XIII международной научно-практической конференции «Россия — Китай: история и культура».

INFORMATION ABOUT AUTHORS**Alikberova Alfiya Rafisovna**

Associate Professor, Candidate of History,

Mukhametzyanov Rustem Ravilevich

Associate Professor, Candidate of History

Khabibullina Elmira Kamilevna

Associate Professor, Candidate of Philology

Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Принята к публикации: 20.10.2019.

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ**

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов**

**в нашем издании «СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»**

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал при-

нимаются статьи на **8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском** по следующим специальностям:

- * 10.02.20. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
- * 10.02.22. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
- * 10.01.03. Литература народов стран зарубежья
- * 07.00.03. Всеобщая история
- * 07.00.15. История международных отношений и внешней политики
- * 07.00.09. Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- * 09.00.11. Социальная философия
- * 09.00.13. Философская антропология, философия культуры
- * 09.00.14. Философия религии и религиоведение

Тематический рубрикатор журнала:

- * Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики
- * Лингвистические вопросы перевода
- * Перспективы развития языкознания
- * Актуальные проблемы межкультурной коммуникации
- * Прикладные исследования: проблемы и результаты
- * Литература в условиях поликультурной среды
- * Прикладная социолингвистика и политическая лингвистика
- * История международных отношений
- * Международные отношения и внешняя политика стран Востока
- * Международная безопасность
- * История и культура стран Востока
- * История и философия дальневосточной цивилизации
- * Изучение историко-археологического и религиозно-культурного наследия Востока

Публикация в научном журнале **бесплатная**.

К публикации принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%). Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное одностороннее слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах **РИНЦ**(www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи можете отправлять на адрес:
modernorientalstudies@gmail.com

Будем рады последующему распространению информации о нашем издании!

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ СТАТЕЙ

УДК

Название статьи на английском

Название статьи на русском

ФИО (полностью)1, ФИО (полностью)2, ФИО (полностью)3

Место работы1, Место работы2, Место работы3

электронный адрес

Submission Date:

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: слово(5-7)

Abstract (in English)

Text

Key words: word (5-7)

For citation:

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Текст

РЕЗУЛЬТАТЫ

Текст

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст

Таблица 1. Название таблицы

ВЫВОДЫ

Текст

Рис. 2: Название диаграммы

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белошапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78–86.
2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / сост., отв. ред. Л.М. Байдуз. Тюмень, 2010. С. 26–33.
3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А. Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.
4. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс. Казань, 2011. 128 с.

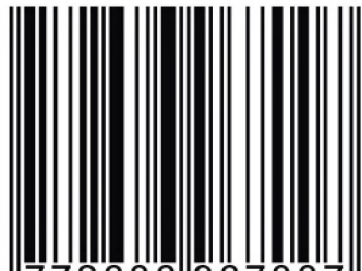
BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

1. Shmeleva, T.V. (1997) Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapkova]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) Uroki Beloshapkovoy [Lessons of Beloshapkova]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapkova, T.V. (2001) Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Beloshapkova]. In: Beloshapkova, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.
4. Zakirov, R.R., Mingazova, N.G., Mukhametzyanov, I.M (2011). Arabskiy yazyk (Level I for the 5th grade) [Arabic for non-native speaking children]. Kazan, Russia: Magaryf-Vakyt publishers. 128 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate Professor, PhD Alfiya Alikberova
 Department of Altaic Studies and Sinology
 Kazan Federal University
 420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia
 alfikas@mail.ru

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >